

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

Стройков Сергей Петрович
**МНОГОВЕКТОРНОСТЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА В
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (2016–2025 гг.)**

Специальность 5.5.4 - Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Казаринова Дарья Борисовна

Москва — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	28
1.1. Основные подходы к определению концепции многовекторности в политической науке.....	28
1.2. Реализация многовекторности в политике постсоветских государств на современном этапе	37
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПРИМЕНЕНИЯ МНОГОВЕКТОРНОГО ПОДХОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	56
2.1. Современный характер внешнеполитических отношений с Российской Федерацией.....	56
2.2. Внешняя политика Узбекистана в странах Центральной Азии	68
2.3. Внешняя политика Узбекистана в отношении Китая	80
2.4. Афганское направление во внешней политике Узбекистана.....	90
2.5. Внешняя политика Узбекистана по развитию отношений с Южной Кореей.....	95
2.6. Узбекско-американские внешнеполитические отношения в условиях международной турбулентности	98
ГЛАВА 3. СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОСТИ.....	118
3.1. Продолжение политики добрососедства и торгового обмена со странами Центральной Азии	118
3.2. Продолжение партнерских отношений с Китаем при сохранении многовекторной политики.....	128
3.3. Сохранение статуса-кво во взаимоотношениях с Российской Федерацией и США	135
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	151
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

В условиях турбулентности мировой системы международных отношений, сопровождающейся усилением конкуренции между глобальными и региональными державами, изучение многовекторности приобретает особую значимость для понимания стратегий средних и малых государств. Современные изменения в системе международных отношений и функционировании наднациональных институтов (ООН, МУС и др.) свидетельствуют о прохождении этапа глубокой трансформации. Различие стратегических интересов ведущих мировых акторов, в первую очередь США и России, обострило конкуренцию, оказывая комплексное влияние на динамику региональных процессов. На фоне активного развития Россией механизмов сотрудничества в формате БРИКС и продвижения концепции «Глобального Юга» внутри западного сообщества (США и Европейского союза) наблюдаются признаки ослабления стратегической консолидации. В результате мировая политика все более принимает черты многополярного соперничества между основными центрами силы.

Узбекистан, как один из ключевых игроков Центральной Азии, демонстрирует уникальный подход к реализации многовекторности, что делает его внешнеполитический опыт важным объектом для научного анализа.

С научной точки зрения исследование многовекторности внешней политики Узбекистана позволяет понять, как страны, не обладающие статусом глобальных держав, могут эффективно выстраивать взаимоотношения с другими государствами. Этот феномен интересен для политологов, специалистов по международным отношениям и экономистов, так как он иллюстрирует адаптацию национальных интересов к динамичным изменениям мировой политики.

Из-за нарастающих геополитических вызовов взаимодействие России с государствами Центральной Азии приобретает стратегическое значение. Введение масштабных санкционных ограничений в отношении России после 2022 года способствовало необходимости диверсификации экономических связей и поиска

новых политических партнеров. Центральноазиатский регион, обладая значительными природными ресурсами и ключевым геополитическим положением, представляет собой перспективное направление внешнеполитического и экономического сотрудничества. За последние годы страны региона демонстрируют устойчивый рост ключевых макроэкономических показателей: например, ВВП Узбекистана в 2023 году увеличился на 6,0%¹, Казахстана — на 4,8%², а Кыргызстана — на 6,2% по сравнению с предыдущим годом³. В этом контексте изучение многовекторной политики центральноазиатских государств, включая Узбекистан, позволяет выявить потенциальные механизмы укрепления взаимодействия и адаптации к изменяющимся международным условиям.

В условиях тяжелой геополитической ситуации, Россия должна искать новые политические союзы в отдельных регионах, Узбекистан является такой страной. Как отметил Президент России Владимир Владимирович Путин: «Россия и Узбекистан уверенно движутся по пути укрепления многоплановых связей. Мы решаем все возникающие вопросы в духе добрососедства и стратегического партнерства»⁴. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев также подчеркнул: «Для нас Россия является одним из важнейших партнеров, и мы нацелены на углубление сотрудничества во всех сферах, основанное на принципах равноправия и взаимного уважения»⁵.

Выбор стран Центральной Азии для анализа внешнеполитической стратегии Узбекистана объясняется их тесной исторической, экономической и культурной взаимосвязью. Центральная Азия является регионом, где формируются новые модели регионального сотрудничества и взаимодействия с мировыми державами.

¹ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. ВВП Узбекистана за 2023 год достиг 1,07 квадриллиона сумов [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2024. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/20/gdp/> (дата обращения: 12.03.2025).

² В Казахстане сравнили экономику страны с соседними республиками [Электронный ресурс] // Daryo.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://daryo.uz/ru/2023/12/10/v-kazahstane-sravnili-ekonomiku-strany> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Киргизия — ВВП [Электронный ресурс] // Trading Economics. – Режим доступа: <https://ru.tradingeconomics.com/kyrgyzstan/gdp> (дата обращения: 12.03.2025).

⁴ Путин В. В. Выступление на пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым [Электронный ресурс] // Президент России. – 2019. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59906> (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Мирзиёев Ш. М. Совместное заявление для прессы по итогам переговоров с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – 2020. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/3254> (дата обращения: 20.05.2024).

Политика Узбекистана в этом контексте служит примером гибкого и прагматичного подхода, способствующего укреплению региональной стабильности и экономического роста.

Включение анализа внешней политики США в исследование обусловлено глобальной ролью этой страны и ее интересами в Центральной Азии. США рассматривают регион как важный элемент своей стратегии по противодействию влиянию России и Китая, а также по обеспечению безопасности и экономического сотрудничества. Узбекистан, проводя многовекторную политику, стремится поддерживать конструктивные отношения с США, что позволяет ему получать экономическую и техническую поддержку, а также укреплять международный авторитет.

Таким образом, исследование многовекторной внешней политики Узбекистана позволяет понять механизмы адаптации государств к изменениям в глобальной политике, а также оценить перспективы сотрудничества между Россией, Центральной Азией, Китаем, Афганистаном, Южной Кореей и США в современных условиях. Данные страны были выбраны в соответствии с приоритетностью из Концепции внешней политики Республики Узбекистан⁶.

Для Узбекистана баланс политических сил выражается в ключевой концепции многовекторности. Оба подхода способствуют укреплению суверенитета и обеспечению устойчивого развития, что особенно важно в условиях многополярного мира и сложной региональной динамики.

Узбекистан — страна, попадающая под интересы сразу нескольких крупных международных игроков⁷. Она является участником нескольких политических и экономических организаций и международных форматов — ШОС с Китаем и Россией, а также C5+1 вместе со странами Центральной Азии и США.

После начала Специальной военной операции на Украине, Узбекистан стал заложником противоположных интересов между Россией и США. С одной

⁶ Внешняя политика Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/pages/vneshnyaya-politika> (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2 (312). – С. 57–63.

стороны, его влияние и состояние внутри своих политических блоков усилилось, ведь Китай и Россия скорее стоят по одну сторону во внешней политике, нежели США. Но давление последних особенно сильно заметно с началом СВО. В 2023 году президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиев заявил, что «большие страны» оказывают давление на страну и требуют выбрать одну из сторон, подразумевая Россию или Украину с западными странами⁸. В условиях необходимости сохранения дружеских отношений с Россией, поддержки экономических связей со странами ШОС и при этом сохранения принципа нейтралитета, Узбекистану приходится проводить многовекторную политику.

Актуальность темы исследования обусловлена следующими аспектами:

Современная международная система переживает этап глубоких трансформаций, связанных с окончательным уходом от однополярной модели и укреплением многополярной архитектуры мира. Конкуренция между глобальными центрами силы — Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией — формирует новую стратегическую реальность, в которой государства средней и малой мощи вынуждены адаптировать свою внешнюю политику к условиям повышенной неопределенности. В этих условиях возрастает значение многовекторных стратегий, направленных на сохранение внешнеполитической автономии, обеспечение экономической устойчивости и гибкость международного позиционирования.

В научных и экспертных кругах все чаще утверждается, что эпоха «глобализации под единым центром» завершена, а на смену ей приходит эпоха региональных блоков и пересекающихся альянсов. Президент России В. В. Путин в выступлении на саммите ШОС в Астане в 2024 г. подчеркнул, что «формируется подлинно многополярный мир, где ни одна страна не может навязывать другим свои модели развития»⁹. Аналогичную мысль выразил председатель КНР Си

⁸ Президент ответил на вопрос: «На чьей стороне Узбекистан?» [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/13/president/> (дата обращения: 10.03.2025).

⁹ Путин В. В. Выступление на заседании Совета глав государств – членов ШОС [Электронный ресурс] // Кремль. – 2024. – Режим доступа: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/74467> (дата обращения: 04.10.2025).

Цзиньпин, заявив на самаркандском саммите ШОС в 2022 г., что «страны Азии должны стать опорой глобальной стабильности и справедливого миропорядка»¹⁰. Отход от концепции американоцентричного мира закреплён в Стратегии национальной безопасности США: «Соединённые Штаты отвергают обречённую на провал концепцию глобального доминирования для самих себя»¹¹. Эти высказывания отражают консенсус среди крупных держав относительно неизбежности переосмысления принципов международного взаимодействия и указывают на расширение возможностей для самостоятельной дипломатии средних государств, к числу которых относится Узбекистан.

Республика Узбекистан, находящаяся в центре Евразийского континента, является важным элементом новой системы регионального баланса. С момента избрания Шавката Мирзиёева президентом в 2016 году страна проводит политику «открытого Узбекистана», основанную на стремлении укрепить добрососедство, расширить участие в региональных объединениях и при этом сохранить независимость внешнеполитического курса. Узбекский лидер неоднократно отмечал, что приоритетом республики является «построение мирного и процветающего Центральноазиатского региона, свободного от соперничества внешних акторов и опирающегося на взаимное доверие»¹². Подобная установка делает многовекторность не просто направлением дипломатической деятельности, а системообразующим принципом внешней политики.

В условиях конкуренции инициатив — китайском проекте «Один пояс — один путь», российской линии евразийской интеграции и американской платформы C5+1 — Узбекистан вынужден выработать собственную модель взаимодействия с глобальными центрами силы. Эта стратегия позволяет стране одновременно участвовать в проектах, продвигаемых различными акторами, и

¹⁰ Xi Jinping. Full Text of Speech at the 22nd Meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization [Электронный ресурс]. – 2022. – Official translation on Xinhua Net. – Режим доступа: <https://english.news.cn/20220916/xi-speech-sco.htm> (дата обращения: 04.10.2025).

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. — Washington, DC: The White House, November 2025. — 33 p.

¹² Mirziyoyev Sh. Speech at the 78th Session of the UN General Assembly [Электронный ресурс]. – 19 September 2023. – Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://president.uz/en/lists/view/6823> (дата обращения: 04.10.2025).

избегать чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнера. Одновременно многовекторность становится инструментом внутренней модернизации, обеспечивая приток инвестиций, технологий и торговых возможностей.

Экономический аспект внешнеполитического курса Узбекистана подтверждает прагматичный характер многовекторности. По данным Центрального банка республики, Россия, Китай и Южная Корея входят в тройку крупнейших торговых партнеров страны, а объем денежных переводов из России в 2023 году достиг 14,5 млрд долларов США¹³. Активное участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества, а также развитие диалога с ЕАЭС и БРИКС+ свидетельствуют о стремлении Ташкента использовать все доступные форматы международного взаимодействия, не ограничивая себя рамками какого-либо единого блока.

Особенностью современного этапа является и то, что внешнеполитические установки все чаще транслируются через цифровые каналы коммуникации. В Узбекистане важным инструментом формирования общественного мнения выступают социальные сети и мессенджеры, прежде всего Telegram. Русскоязычный сегмент этой платформы стал пространством, где обсуждаются внешнеполитические инициативы, публикуются комментарии к международным событиям и формируются нарративы, отражающие специфику многовекторного курса.

В медиапространстве Республики Узбекистан мессенджер Telegram не выполняет функцию универсального массового средства коммуникации, охватывающего все социальные группы населения. Его следует рассматривать как селективную цифровую платформу, аудитория которой структурно концентрируется в пределах ограниченных, но политически значимых сегментов общества. К ним относятся социально и политически активные группы, преимущественно городское население, а также представители управленческих,

¹³ Валютные переводы из России упали почти в два раза в 2023 году [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/08/02/2024/65c4dd289a7947f29a88eaf2> (дата обращения: 04.10.2025).

экспертных и медиапрофессиональных сообществ. Существенную роль в формировании данного сегмента играет и русскоязычная аудитория.

При этом указанные группы не образуют изолированных категорий, а во многом пересекаются между собой, формируя специфическую среду политической и внешнеполитической коммуникации. Использование русского языка в данном контексте не носит этнокультурного характера и не сводится к принадлежности к национальному меньшинству. Русскоязычие выступает функциональным инструментом межэлитного и экспертного взаимодействия, а также языком обсуждения внешнеполитической проблематики, ориентированным на транснациональные и постсоветские коммуникационные пространства.

В этой связи Telegram в рамках настоящего исследования рассматривается не как индикатор общественного мнения населения Узбекистана в целом, а как аналитический источник, отражающий особенности медиарепрезентации внешнеполитического курса государства в среде институционально вовлечённых акторов, формирующих и транслирующих интерпретации внешней политики. Такой подход позволяет зафиксировать расхождение между объективной структурой внешнеполитических связей и логикой их интерпретации в ограниченном, но влиятельном сегменте цифровой медиасреды.

Таким образом, исследование многовекторности внешней политики Узбекистана имеет не только академическое, но и прикладное значение. Оно позволяет выявить закономерности поведения государства в условиях усиливающейся глобальной турбулентности, понять механизмы сохранения автономии в политике малых и средних держав, а также оценить роль цифровой среды в поддержании и интерпретации внешнеполитических стратегий. В совокупности эти факторы определяют актуальность избранной темы и ее значимость для развития современной политической науки.

Степень разработанности темы. Проблематика многовекторности во внешнеполитическом курсе Узбекистана в постсоветский период пока не получила достаточного освещения в современной научной литературе и остается исследованной лишь фрагментарно.

Современные исследования международных отношений исходят из того, что распределение власти в системе определяет, как устойчивость мирового порядка, так и характер взаимодействия государств. Классическая теория баланса сил объясняет стремление государств препятствовать доминированию одной державы посредством формирования альянсов и коалиций. К. Уолтц в работе «Теория международной политики» подчеркивал, что именно структура международной системы, основанная на распределении мощи, формирует основы стабильности¹⁴. Дальнейшее развитие этого направления связано с концепцией наступательного реализма, которую развил Дж. Миршаймер, утверждавший, что государства неизбежно стремятся к гегемонии ради обеспечения безопасности¹⁵. В противоположность этому оборонительные реалисты отмечают, что государства заинтересованы в поддержании равновесия и предотвращении избыточной экспансии, что снижает риски войн и нестабильности.

В контексте дискуссий о трансформации мировой системы особое внимание уделяется переходу от гегемонических моделей к многополярности. К. Лейн исследует перспективы постгегемонического порядка, отмечая рост числа центров силы и изменение стратегического поведения государств¹⁶. Г. Аллисон анализирует противостояние восходящих и доминирующих держав, подчеркивая структурные факторы, усиливающие вероятность конфликтов, но одновременно задающие рамки для маневра малых государств¹⁷. С. Уолт рассматривает кризис внешнеполитической элиты США, связывая его с ограниченностью универсалистских подходов¹⁸, которые, по мнению Дж. Миршаймера, не способны гарантировать устойчивость международной системы¹⁹. При этом сам

¹⁴ Waltz K. N. *Theory of International Politics*. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

¹⁵ Mearsheimer J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 324 p.

¹⁶ Layne C. *After the Fall: International Politics in a Post-Hegemonic World*. – New Haven: Yale University Press, 2023. – 212 p.

¹⁷ Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

¹⁸ Walt S. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 400 p.

¹⁹ Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. – New York: W.W. Norton, 2001. – 160 p.

Дж. Миршаймер настаивает, что именно реализм остается наиболее адекватной теоретической основой для анализа внешнеполитических процессов²⁰.

Отдельное направление в политологической литературе посвящено исследованию стратегий малых государств. Р. Кеохан²¹ и П. Катценштейн показали²², что данные акторы могут снижать уязвимость посредством участия в международных институтах, альянсах и дипломатических механизмах. Дж. Най в своей концепции «мягкой силы» обратил внимание на то, что нематериальные ресурсы — культура, ценности и идеология — становятся важными инструментами влияния наряду с военной мощью²³. Б. Позен, в свою очередь, обосновывает необходимость стратегии сдержанности, подчеркивая ограничение военных интервенций и пересмотр роли США в глобальной системе безопасности²⁴.

Таким образом, в современной научной литературе обозначены ключевые подходы к пониманию трансформации мирового порядка, роли великих держав и стратегий малых государств. Именно в этой концептуальной рамке целесообразно рассматривать феномен многовекторности, включая специфику внешнеполитического курса Узбекистана, который в условиях конкуренции ведущих акторов был вынужден выработать гибкие модели поведения, обеспечивающие автономность и безопасность.

В российской литературе нейтралитет и многовекторность часто рассматриваются как взаимодополняющие концепции. Например, А.Э. Безруков, К.А. Иванов и Е.С. Чимирис²⁵ анализируют столкновение интересов внешних

²⁰ Миршаймер Дж. Как мыслят государства: рациональность внешней политики. – М.: Альпина Пабlishер, 2023. – 384 с.

²¹ Кеохейн Р. После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политике. – М.: Логос, 2010. – 368 с.

²² Katzenstein P. J. Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 280 p.

²³ Най Д. В. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике / Д. В. Най. – М.: Издательство Весь Мир, 2007. – 304 с.

²⁴ Posen V. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. – Ithaca: Cornell University Press, 2014. – 256 p.

²⁵ Безруков А. Э., Иванов К. А., Чимирис Е. С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. – Вестник Финансового университета. – 2021. – № 3. – С. 62-70.

акторов в Центральной Азии. Г.В. Коваленко²⁶ рассматривает многовекторность как способ реализации нейтралитета в условиях геополитической конкуренции.

Особое внимание уделяется теоретическим параметрам многовекторности в работе Д.А. Дегтерева, И.П. Василюк и В.В. Баум²⁷, которые предлагают прикладной анализ многовекторности внешней политики стран СНГ. Важное концептуальное осмысление представлено в исследовании В.И. Мгалоблишвили²⁸, где многовекторность рассматривается как специфическая черта внешней политики современных государств. Зарубежный вклад в исследование многовекторности сделан Р. Швеллером²⁹, который изучает феномен «bandwagoning»³⁰ для понимания стратегий государств, стремящихся к максимизации выгоды.

В англоязычной научной литературе наблюдается заметное углубление теоретического и эмпирического осмысления многовекторности и близких к ней стратегий внешней политики. Существенный вклад в концептуализацию смежного феномена хеджирования вносит И. Гонсалес-Пухол, который рассматривает его как комплексную стратегию управления национальными интересами в условиях неопределенности международного распределения силы³¹.

Предложенная им интегративная трактовка позволяет интерпретировать хеджирование и многовекторность как не редуцируемые к сфере безопасности модели поведения, а как совокупность согласованных инструментов в экономической, дипломатической и военно-политической плоскостях. В этом

²⁶ Коваленко Г. В. «Многовекторность» во внешней политике государств Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. – № 1. – С. 75-79.

²⁷ Дегтерев Д. А., Василюк И. П., Баум В. В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 63-75.

²⁸ Мгалоблишвили В. И. Многовекторность как специфическая черта внешней политики современных государств // Наука третьего тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – Ч. 4. – С. 128-132.

²⁹ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. – N. 19 (1). – P. 72–107.

³⁰ Bandwagoning (от англ. to bandwagon – «примкнуть к победителю») – концепт реалистской школы международных отношений, описывающий поведение государства, которое, стремясь снизить угрозы или извлечь выгоду, присоединяется к более могущественному актору вместо того, чтобы формировать коалицию против него. В научной литературе противопоставляется стратегии балансирования (balancing).

³¹ Gonzalez-Pujol, I. Theorising the Hedging Strategy: National Interests, Objectives, and Mixed Foreign Policy Instruments / I. Gonzalez-Pujol // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 193–214. – DOI: 10.20991/allazimuth.1480020.

контексте многовекторность предстает как промежуточная стратегия между мягким балансированием и мягким примыканием, что расширяет аналитические возможности исследования противоречивых и гибридных внешнеполитических курсов государств среднего уровня.

Эмпирическое развитие данных подходов прослеживается в исследованиях, посвященных Казахстану. Н. Нышанбаев и соавторы анализируют эволюцию казахстанской многовекторной политики в условиях трансформации глобального порядка³², подчеркивая ее адаптивный характер при сохранении базовых принципов стратегического баланса.

Д. Нифи помещает многовекторность Казахстана в рамки формирующегося мультиплексного мирового порядка, акцентируя возрастающее значение Европейского союза как дополнительного внешнего вектора в Центральной Азии³³. Секторальные ограничения многовекторности выявляет С. Курц³⁴, демонстрируя противоречие между декларируемой диверсификацией внешних связей и практиками оборонной индустриализации и военно-технического сотрудничества.

Теоретико-методологическое углубление анализа предложено С. Уиллардсоном и А. Каробаевой³⁵, которые интерпретируют многовекторность через призму ролевой социализации, рассматривая ее как устойчивую внешнеполитическую роль, воспроизводимую в процессе взаимодействия с ключевыми международными акторами. Такой подход позволяет выйти за рамки инструментального понимания многовекторности и выявить значение идентичностных и нормативных факторов в формировании внешнеполитического поведения государства.

³² Nyshanbayev, N. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy / N. Nyshanbayev, K. Bekov, Z. Baizakova, A. Amangeldy // *New Perspectives*. – 2025. – DOI: 10.1177/2336825X241308432

³³ Neafie, J. The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: a case study of the Emerging Role of the EU and its implications for Kazakhstan's Multivector foreign policy / J. Neafie, M. Amanbaiuly, A. Akhmer // *Economic Diplomacy*. – 2025. – Vol. 3, № 1. – P. 41–51. – DOI: 10.2478/ecdip-2025-0003.

³⁴ Kurc, Ç. The puzzle: Multi-vector foreign policy and defense industrialization in Central Asia / Ç. Kurc // *Comparative Strategy*. – 2018. – Vol. 37, № 4. – P. 316–330. – DOI: 10.1080/01495933.2018.1497352.

³⁵ Willardson, S. L. Role socialization: Kazakhstan and the nature of the multivector foreign policy role / S. L. Willardson, A. Karibayeva // *International Politics*. – 2025. – DOI: 10.1057/s41311-025-00718-5.

Исследования многовекторности на постсоветском пространстве фокусируются на геополитических стратегиях стран региона³⁶. В работах Э.Г. Соловьева и Г.И. Чуфрина³⁷ обсуждаются новые тренды многовекторности. Диссертация Ф.А. Ахмедова³⁸ рассматривает Центральную Азию как арену соперничества глобальных акторов, что требует гибкой внешнеполитической стратегии.

Работы М. Чавассе³⁹ и Г. Бехрендс⁴⁰ анализируют многовекторность на примере Казахстана и Беларуси, демонстрируя общие черты стратегий постсоветских государств. Н.М. Сергеев и Г.Ю. Волков⁴¹ рассматривают внешнюю политику Беларуси после начала СВО, а Н.М. Межевич и В.В. Шимов⁴² изучают многовекторную внешнюю политику Республики.

Исследования Н.Н. Абдуганиева⁴³ и Х.Т. Ахмедова⁴⁴ посвящены интеграционным процессам и межгосударственным отношениям России и Узбекистана, где многовекторность проявляется как инструмент для обеспечения национальных интересов.

Исследование О. Мадиева⁴⁵ охватывает международные отношения Узбекистана, показывая, как страна балансирует между глобальными и

³⁶ Постсоветские государства на современном этапе: внутривекторная динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э. Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 209 с.

³⁷ Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. / отв. ред. Э. Г. Соловьев, Г. И. Чуфрин. Москва: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с.

³⁸ Ахмедов Ф. А. Центральноазиатский регион в фокусе геополитических интересов глобальных акторов (на примере РФ, КНР и США): автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.04 / Ф. А. Ахмедов; Институт международных отношений и международного права. – Ташкент, 2022.

³⁹ Chavasse M. The International Dimensions of Kazakhstan's Alphabet Shift. A Study of Kazakh Multi-Vectorism in the 2010s: MA Thesis in International Relations in Historical Perspective / M. Chavasse. – Faculty of Humanities, Universiteit Utrecht, 2019. – 102 p.

⁴⁰ Behrends H. Multi-Vectorism in Belarusian Foreign Policy: MA Thesis / H. Behrends. – Charles University in Prague, 2016. – 69 p.

⁴¹ Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Республика Беларусь и Специальная военная операция // Постсоветский материк. – 2023. – № 2 (38). – 27-45.

⁴² Межевич Н. М., Шимов В. В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик Средней страны (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – № 15(4). – 436-450.

⁴³ Абдуганиев Н. Н. Дружба народов как исторически сложившийся фактор развития современных межгосударственных связей России и Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – № 4. – С. 138–157.

⁴⁴ Ахмедов Х. Т. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 854–865.

⁴⁵ Madiyev O. Uzbekistan's International Relations. – London; New York: Routledge, 2021. – 241 p.

региональными акторами. Работы Д.А. Борисова⁴⁶ и С.А. Жураева⁴⁷ анализируют политику президента Шавката Мирзиёева, где многовекторность становится ключевым элементом для региональной устойчивости.

Многовекторной политике Армении и Азербайджана уделено внимание в работах А.Х. Хайруниса⁴⁸. Азербайджано-турецкий союз подробно рассматривает Е. Исмаилов⁴⁹.

Е. Винокуров, Т. Цукарев и А. Ахунбаев⁵⁰ анализируют перспективы экономической интеграции Узбекистана с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Их исследования демонстрируют потенциальные выгоды и вызовы, связанные с присоединением Узбекистана к этому объединению.

З.С. Адьяева⁵¹ исследует проблемы взаимоотношений России и Центральной Азии. В контексте энергетического сотрудничества между Россией и Узбекистаном выделяются работы Б.Х. Алимова, П.О. Сеницыной и М.Н. Мирзаахмедова⁵².

А.В. Грозин⁵³ исследует Узбекистан как предмет интересов Российской Федерации. Д.А. Дмитриева⁵⁴ рассматривает интересы России и Китая в Центральной Азии.

⁴⁶ Борисов Д. А. Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 130-139.

⁴⁷ Жураев С. А. Новый этап региональной политики Узбекистана // International journal of Consensus. – 2020. – Т. 1. – № 4. – С. 4-11.

⁴⁸ Хайруниса А. Х. Идентичность и внешняя политика: поддержка Турцией Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте // Сборник трудов 1-й Междун ародной конференции по современным исследованиям рисков (ICONIC-RS 2022), 31 марта – 1 апреля 2022 г., Южная Джакарта, DKI Джакарта, Индонезия. – EAI, 2022. – DOI: 10.4108/eai.31-3-2022.2320955.

⁴⁹ Ismayilov E., Zasztowt K. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States [Электронный ресурс] // Academia.edu. – 2015. – Режим доступа: https://www.academia.edu/25825732/Turkish_Azerbaijani_Relations_One_Nation_Two_States (дата обращения: 13.03.2025).

⁵⁰ Винокуров Е., Цукарев Т., Ахунбаев А. и др. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции // Доклады и рабочие документы. Москва: Евразийский банк развития, 2021. – № 21 (2). – 74 с.

⁵¹ Адьяева З. С. Россия и Центральная Азия: проблемы взаимоотношений // Символ науки. – 2019. – № 2. – С. 104–107.

⁵² Алимов Б. Х., Сеницына П. О., Мирзаахмедов М. Н. Отношения России и Узбекистана в сфере энергетики на современном этапе // Endless Light in Science. – 2023. – С. 593–598.

⁵³ Грозин А. В. Республика Узбекистан в системе российских интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. – 2023. – № 3 (39). – С. 4-26.

⁵⁴ Дмитриева Д. А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. – 2021. – №20 (43). – С. 20-28.

Д.А. Борисов, З.П. Рожкова и М. Майорова⁵⁵ рассматривают текущее состояние и перспективы российско-узбекских отношений. Исследования Р.Х. Мадалиевой, Н.А. Абдусамедова и Б.М. Мардонова⁵⁶ посвящены международному таможенному сотрудничеству. Тема интеграции также затрагивается в работе Ш.Ш. Зоирова⁵⁷. Д.Б. Малышева⁵⁸ анализирует стратегическое партнерство с Россией.

Многовекторную политику на постсоветском пространстве изучала Е.Г. Гарбузарова⁵⁹ на примере стран Центральной Азии. А.Х. Алиджанова⁶⁰ рассматривает модели межрегиональных отношений, демонстрируя, как многовекторность способствует стратегическому маневрированию стран Центральной Азии на международной арене. Анализ Р.К. Алимова⁶¹ показывает, что для региона сотрудничество превалирует над соперничеством, что укрепляет многовекторную стратегию как основу для мирного развития.

В работе Н.П. Воловик⁶² анализируется укрепление сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем через различные экономические и инфраструктурные проекты, что подчеркивает значимость китайского фактора для региона. Д.Б. Малышева⁶³ рассматривает постсоветские государства Центральной Азии в

⁵⁵ Борисов Д. А., Савкович Е. В., Татаренко В. И. Инициатива «пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // *Sciences of Europe*. – 2022. – №108. – С. 32-37.

⁵⁶ Мадалиева Р. Х., Абдусамедов Н. А., Мардонов Б. М. Международное таможенное сотрудничество Узбекистана в рамках интеграционных процессов Содружества Независимых Государств // *Вестник Российской таможенной академии*. – 2020. – № 2. – С. 128-135.

⁵⁷ Зоиров Ш. Ш. Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации в рамках евразийских интеграционных процессов // *Бизнес и общество*. – 2023. – № 1. – С.1-9.

⁵⁸ Малышева Д. Б. Партнерство России и Узбекистана // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. – 2021. – № 2. – С. 121-131

⁵⁹ Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: автореф. дис. д-ра полит. наук: 05.2.001.01 / Е. Г. Гарбузарова; ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М., 2022. – 63 с.

⁶⁰ Алиджанова А. Х. Модели межрегиональных отношений в современной мировой политике (на примере Центральной Азии) // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. – 2022. – № 5-1. – С. 24-25.

⁶¹ Алимов Р. К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // *Обозреватель – Observer*. – 2020. – № 10 (369). – С. 5–20.

⁶² Воловик Н. П. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем // *Экономическое развитие России*. – 2023. – Т. 30. – № 5. – С. 37-50.

⁶³ Малышева Д. Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 101-108.

политике Китая. Е.В. Борисов, Е.В. Савкович и В.И. Татаренко⁶⁴ исследуют национальные интересы стран Центральной Азии в контексте китайской инициативы «Один пояс, один путь». Анализ мягкой силы Китая представлен в работе Е.В. Махмутовой⁶⁵, где рассматриваются перспективы и ограничения китайской культурной и экономической экспансии в Центральной Азии.

В работе С.Т. Мирзоева⁶⁶ анализируется афганский вектор внешней политики Узбекистана, подчеркивается значимость стабильности в Афганистане для безопасности Центральной Азии. Н.Д. Саженов⁶⁷ рассматривает дипломатические усилия Узбекистана по урегулированию афганского конфликта в период 2017-2019 годов. А.А. Князев анализирует афганскую политику Узбекистана в сравнительном контексте.

И.Р. Ерниязов⁶⁸ исследует международно-правовые вопросы экономического сотрудничества между Узбекистаном и Афганистаном. Кроме того, А.Э. Джоробекова, Е.Ф. Троицкий и С.М. Юн⁶⁹ рассматривают вызовы региональной безопасности в контексте возвращения талибов к власти и их влияние на политику Узбекистана.

Взаимоотношения Южной Кореи и Узбекистана анализируются в работах Ф. Хакимова⁷⁰, Д. Ли⁷¹ и Н. Стиан.⁷²

⁶⁴ Борисов Д. А., Савкович Е. В., Татаренко В.И. Инициатива «пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // *Sciences of Europe*. – 2022. – №108. – С. 32-37

⁶⁵ Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. – 2022. – № 27. – С. 268-281

⁶⁶ Мирзоев С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // *Вестник Педагогического университета*. – 2019. – № 2 (79). – С. 278-284.

⁶⁷ Саженов Н. Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017–2019 гг.) // *Уральское востоковедение: международный альманах*. – 2020. – № 10. – С. 14-26.

⁶⁸ Ерниязов И. Р. Международно-правовые вопросы экономического сотрудничества Республики Узбекистан и Исламской Республики Афганистан // *Вестник науки и образования*. – 2019. – № 21-1 (75). – С. 81-86.

⁶⁹ Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2023. – № 3. – С. 187-196.

⁷⁰ Khakimov F. South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan // *Strategy of Uzbekistan*. – 2021. – № 1. – P. 66-71.

⁷¹ Kim J. H., Lee S. Y. Korean Wave in Uzbekistan: Its Popularity and Strategy for Sustainability [Электронный ресурс] // *Advanced Science Letters*. – 2016. – Vol. 22, № 11. – P. 2751-2763. – Режим доступа: <https://www.ingentaconnect.com/contentone/asp/asl/2016/00000022/00000011/art00107?crawler=true&mimetype=application%2Fpdf> (дата обращения: 16.03.2025).

⁷² Steane M., Hwang Y., Coluccello S. Public Diplomacy and Soft Power: Strategic Narratives and Global Influence [Электронный ресурс] // *University College London*. – 2023. – Режим доступа: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10179578/1/5%20STEANE-HWANG-COLUCCELLO.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

Е.Г. Гарбузарова⁷³ анализирует приоритеты внешней политики администрации Дональда Трампа в Центральной Азии. С.В. Кислицын⁷⁴ рассматривает проблемы большой стратегии США в ЦА. Взаимоотношения США и Узбекистана в начале XXI века подробно исследованы О.З. Кенжаевым⁷⁵. В работе С.Ш. Садыкова⁷⁶ описываются отношения Узбекистана и США в период 2016-2021 годов. С.Г. Лузянин⁷⁷ рассматривает борьбу России и США за влияние в регионе. Н.О. Бабушок⁷⁸ исследует идеологические основы внешней политики США и их влияние на центральноазиатские государства.

К анализу политического пространства Telegram в Узбекистане обращается С.П. Стройков⁷⁹, а также О. Каримов⁸⁰, М.К. Темирова⁸¹, Д. Убайдуллаева⁸².

Тем не менее, приходится признать, что реализация принципа многовекторности во внешней политике Узбекистана пока недостаточно изучена. Между тем высокий потенциал и значимость этой проблемы требуют особого внимания исследователей различных научных направлений.

Объект: внешняя политика Республики Узбекистан с момента обретения независимости по настоящее время.

Предмет: политика многовекторности во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе (2016-2025).

Цель диссертационного исследования — рассмотреть принципы, механизмы и практики реализации многовекторной политики Республики

⁷³ Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 97-103.

⁷⁴ Кислицын С. В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 4. – С. 27-39.

⁷⁵ Кенжаев О. З. Взаимодействие США с Узбекистаном 2001-2005 гг // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 76-87.

⁷⁶ Садыков С. Ш. Отношения Узбекистана и США в 2016-2021 годах // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 308-312.

⁷⁷ Лузянин С. Г. Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель – Observer. – 2020. – № 11 (370). – С. 51-63.

⁷⁸ Бабушок Н. О. Идеиные основания внешней политики США // Век глобализации. – 2022. – № 3 (43). – С. 87-96.

⁷⁹ Стройков С. П. Анализ экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – № 1. – С. 26-34.

⁸⁰ Karimov O., Kim H. Factors of UTAUT affecting the use behavior based on Telegram application in Uzbekistan // Asia-Pacific Journal of Multimedia Services Convergent with Art, Humanities, and Sociology. – 2017. – Т. 7. – №. 12. – С. 831-840.

⁸¹ Temirova M. K. The Internet Language of Uzbekistan: Between Tradition and Innovation // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. – 2026. – Т. 7. – №. 1. – С. 185-188.

⁸² Ubaydullaeva D. Student online protests in Uzbekistan: democratization of higher education as concomitant to the COVID-19 crisis? // Central Asian Survey. – 2021. – Т. 40. – №. 3. – С. 382-399.

Узбекистан во взаимодействии с ключевыми государствами в регионе, глобальными и региональными державами для выявления закономерностей её функционирования в условиях геополитической турбулентности и оценки её роли в обеспечении национальной автономии.

Исходя из цели, были поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать теоретические подходы к определению термина «многовекторность» и осуществить концептуальный анализ терминов «многовекторность», «мультивекторность», «унивекторизм», «многосторонность» и «комплиментаризм» с целью выявления их содержательных различий и уточнения границ применения в рамках исследования.

2. Операционализировать ключевое понятие диссертационного исследования — «многовекторная внешняя политика» и применить разработанный подход к анализу внешней политики Республики Узбекистан.

3. Исследовать современные примеры реализации многовекторной политики в постсоветских государствах, выявить ключевые направления и особенности этой политики.

4. Исследовать динамику и современный характер отношений Узбекистана с Российской Федерацией, включая аспекты стратегического партнерства и добрососедства.

5. Рассмотреть развитие внешнеполитических связей Узбекистана со странами Центральной Азии (Казахстан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан), а также с Китаем, Южной Кореей и Афганистаном.

6. Оценить характер взаимодействия Узбекистана с США, включая стратегические интересы и направления политического и экономического партнерства.

7. Предложить сценарии развития внешней политики Узбекистана в контексте укрепления добрососедских отношений и торговых связей с азиатскими странами (страны Центральной Азии, Афганистан, Китай и Южная Корея).

8. Выявить и теоретически осмыслить специфику медиарепрезентации внешнеполитического курса Узбекистана в русскоязычном цифровом

пространстве на примере Telegram, установив соотношение между фактической многовекторностью внешней политики государства и структурой информационных приоритетов в медиасреде

Методологические основы исследования. В качестве основных методов исследования были использованы такие как сравнительный анализ, нормативно-правовой анализ, системный подход, исторический анализ, контент-анализ.

Сравнительный анализ был использован для сравнения опыта различных стран в аспекте реализации принципа многовекторности во внешней политике, а также отражения этих принципов в государственной политике. Также с помощью данного метода были рассмотрены различия между интересами различных групп в сфере политики многовекторности.

Нормативно-правовой анализ был использован для рассмотрения нормативных правовых актов, регулирующих внешнюю политику Узбекистана в рамках реализации принципа многовекторности, а также взаимодействие государства и иных акторов в данном направлении.

Системный подход был использован для представления многовекторности как единой системы, являющейся частью более обширной системы внешней политики Узбекистана. Данный подход позволил рассмотреть как отношения внутри системы, так и ее отношение с другими системами, в частности, с системой государственного управления и регулирования. В контексте изучения многовекторной внешней политики Узбекистана системный подход приобретает особую эвристическую ценность. Республика, расположенная на пересечении геополитических интересов ведущих держав и интеграционных блоков (таких как Россия, Китай, США, Турция, Европейский союз), реализует стратегию, направленную на поддержание баланса между внешними центрами силы при сохранении максимальной степени автономии и маневренности. С точки зрения системного анализа, такая политика может быть интерпретирована как адаптивная стратегия в условиях нестабильной и полицентричной международной системы, где узбекское руководство стремится минимизировать внешние

зависимости, избегать жесткой привязки к какому-либо одному блоку и одновременно извлекать выгоды из сотрудничества с несколькими сторонами.

Исторический анализ был использован для исследования опыта реализации принципа многовекторности во внешней политике как Республики Узбекистан, так и других государств.

Количественный контент-анализ был использован для рассмотрения ключевых документов по теме исследования с точки зрения их содержательности и присутствующих в них смысловых коннотаций в медиапространстве Telegram-каналов Узбекистана.

Эмпирическая база представлена следующими группами источников:

- нормативно-правовые акты⁸³, регламентирующие внешнюю политику Узбекистана и отношения с отдельными странами;
- заявления официальных лиц⁸⁴, позволяющие сопоставить цели и задачи во внешней политике Узбекистана относительно других стран;
- статистические данные⁸⁵;
- агрегаторы Telegram-каналов⁸⁶.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

1. Установлено, что в постсоветский период многовекторность внешней политики Республики тесно сопряжена с прагматизмом, что выражается в последовательном стремлении к рациональному выбору международных партнеров и форм сотрудничества, исходя из приоритета национальных интересов.
2. На основе интеграции реалистического подхода разработана авторская интерпретация *многовекторности как гибридной стратегии*

⁸³ Внешняя политика Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/pages/vneshnyaya-politika> (дата обращения: 20.05.2024).

⁸⁴ Совместное заявление по итогам заседания Межгосударственного совета ЕАЭС и саммита СНГ [Электронный ресурс] // Кремль. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 13.03.2025).

⁸⁵ World Trade Data [Электронный ресурс] // Observatory of Economic Complexity. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/world/wld> (дата обращения: 16.06.2024).

⁸⁶ Сервис аналитики Telegram-каналов [Электронный ресурс] // TGStat. – Режим доступа: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

внешнеполитического маневрирования, сочетающей рациональное балансирование интересов с конструированием внешнеполитической идентичности Узбекистана как нейтрального, но активного участника международных процессов.

3. На основе систематизации количественных данных по частоте упоминания стран-партнеров в русскоязычном сегменте Telegram установлено, что в медиарепрезентации внешнеполитического курса Узбекистана доминирующее место занимает Россия. При этом, в 2024 году 9,7% аудитории Telegram это русскоязычные пользователи — это 2,4 млн. пользователей⁸⁷. Это же указывает на специфику цифрового пространства, где информационные приоритеты формируются не столько объективными изменениями во внешнеполитическом курсе, сколько особенностями русскоязычной медиасреды.
4. Сформулированы сценарии дальнейшего развития внешнеполитического курса Республики Узбекистан в условиях конкуренции между Россией, США и Китаем за влияние в регионе, а также усиления региональной интеграции в Центральной Азии ((углубление региональной консолидации со странами Центральной Азии, развитие партнёрства с Китаем при сохранении многовекторности, сохранение статус-кво в отношениях с Россией и США).
5. На примере эволюции российско-узбекских отношений обосновано смещение от парадигмы «стратегической зависимости» к модели «условного партнерства», при которой сохраняется высокий уровень экономического взаимодействия при нарастающем стремлении Узбекистана к внешнеполитической самодостаточности.
6. Автором выявлены структурные ограничения многовекторной стратегии Узбекистана: невозможность институционального углубления отношений с акторами, обладающими противоречивыми интересами, и рост

⁸⁷ Чёрный В. Социальные сети в Узбекистане: цифры и тренды, осень 2024 [Электронный ресурс]. Блог Brand Analytics. 27 нояб. 2024. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-uzbekistan-autumn-2024> (дата обращения: 2 февр. 2026)

транзакционных издержек, обусловленных необходимостью постоянной переоценки приоритетов в условиях внешнеполитической турбулентности.

Гипотеза исследования — многовекторная внешняя политика Республики Узбекистан, будучи институционально ориентированной на диверсификацию внешнеполитических и внешнеэкономических связей, в действительности реализуется неравномерно на различных уровнях — экономическом, политико-дипломатическом и медийном. Предполагается, что при объективном росте экономической взаимозависимости и инфраструктурной связанности Узбекистана с Китайской Народной Республикой, в общественном и медийном восприятии внешнеполитического курса продолжает доминировать российское направление, что обусловлено культурно-историческими, лингвистическими и коммуникационными факторами, прежде всего сохранением русскоязычной медийной среды. Данное расхождение между фактической структурой внешних связей и их медийной репрезентацией формирует внутреннее противоречие многовекторной политики и позволяет предположить, что ее результативность определяется не только способностью государства балансировать между конкурирующими центрами силы, но и степенью согласованности внешнеполитической практики с логикой информационного пространства.

Теоретическая значимость диссертации заключается в следующем:

Автором впервые комплексно изучена концепция многовекторности внешней политики Республики Узбекистан в период с 2016 по 2025 гг. в контексте динамично меняющейся геополитической ситуации, связанной с конкуренцией крупных международных акторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и дополнении концептуальных подходов к изучению многовекторности как особого типа внешнеполитической стратегии государства. В диссертации раскрывается сущность понятия «мультивекторность» через противопоставление универсального балансирования (one-size-fits-all balancing) такому понятию, как стратегическое присоединение (bandwagoning), что позволяет глубже осмыслить

механизмы формирования и реализации внешнеполитических приоритетов государств Центральной Азии.

Автором обосновывается идея о том, что страны, придерживающиеся мультивекторного подхода, ориентированы на развитие альянсов и партнерских связей на основе собственных стратегических приоритетов, что обеспечивает им возможность снижать транзакционные издержки, повышать экономическую эффективность взаимодействия и формировать устойчивые двусторонние отношения. В результате исследования вводится и раскрывается тезис о том, что многовекторность не сводится исключительно к общей политике многосторонности и балансирования интересов, но представляет собой формирование многочисленных стратегических альянсов с партнерами, имеющими разные и подчас противоречивые интересы.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы современными российскими политическими деятелями, государственными служащими, лицами, принимающими государственные решения с целью совершенствования взаимодействия с Республикой Узбекистан в мировой политике. Также результаты исследования будут полезны представителям бизнеса, который занимается торговлей с Узбекистаном, поскольку они позволят найти оптимальные форматы взаимодействия с представителями государства. Помимо этого, результаты исследования будут востребованы представителями различных групп интересов во внешней политике для лучшего понимания сложившейся ситуации в отрасли и потенциальных вариантов ее развития. Также они могут быть применены в материалах учебных курсов высших учебных заведений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Многовекторная внешняя политика в базовом понимании представляет собой стратегию, направленную на одновременное развитие устойчивых и функционально значимых отношений с несколькими внешнеполитическими центрами силы, зачастую обладающими разными или даже конфликтующими интересами. В отличие от одновекторных или блоковых стратегий,

многовекторность предполагает наличие сбалансированной, прагматичной и гибкой внешнеполитической линии, ориентированной на диверсификацию партнёрств и минимизацию зависимости от одного геополитического полюса. Многовекторность — это внешнеполитическая стратегия государства, предполагающая одновременное поддержание устойчивых партнёрских связей с несколькими разнородными акторами международных отношений на основе прагматического расчёта издержек и выгод, в отрыве от идеологической совместимости и блоковой лояльности.

2. Выделены следующие эмпирически наблюдаемые индикаторы, позволяющие зафиксировать наличие и степень выраженности многовекторности внешней политики: многосторонность внешнеполитических альянсов и партнёрств, диверсификация внешнеэкономических связей, риторическая и документальная артикуляция многовекторности, манёвренность в условиях внешнего давления, полицентричность дипломатической активности.
3. В среднесрочной перспективе можно ожидать заметного ослабления узбекско-российского сотрудничества не только в экономической, но и в политико-дипломатической сфере. Усиление конкуренции за влияние в Центральной Азии со стороны Китая, США и ЕС в сочетании с целенаправленной стратегией Ташкента по диверсификации внешнеполитических и экономических связей ставит под вопрос сохранение доминирующих позиций России в отношениях с Узбекистаном. В этих условиях российско-узбекское взаимодействие рискует перейти из категории «стратегического» в категорию преимущественно прагматического и ограниченного по масштабу.
4. Автор предполагает, что Узбекистан будет наращивать сотрудничество со странами Центральной Азии, в особенности с Казахстаном. В перспективе политическое взаимодействие Узбекистана с государствами Центральной Азии будет усиливаться, несмотря на сохраняющиеся вызовы. Базовый сценарий предполагает сохранение стратегического курса на укрепление региональной сплочённости и многовекторности внешней политики. Узбекистан, как один из ведущих инициаторов интеграционных процессов в регионе, вероятно,

продолжит играть ключевую роль в углублении сотрудничества с соседними странами, прежде всего с Казахстаном и Таджикистаном.

5. Внешнеполитическая стратегия Узбекистана ориентирована на сохранение стратегической автономии, что выражается в отказе от военно-политических альянсов и балансировании между интересами России, Китая и США. Такой курс можно интерпретировать как форму «страхования» (*hedging*) и «мягкого балансирования» (*soft balancing*), при которой государство минимизирует внешние зависимости, избегает жесткой привязки к одному центру силы и опирается на дипломатические, институциональные и экономические инструменты. В условиях нестабильности мирового порядка данный подход обеспечивает маневренность и становится институционализированной моделью внешнеполитического позиционирования Узбекистана.
6. В русскоязычном сегменте мессенджера Telegram, который представляет собой лишь часть медиaprостранства Узбекистана, наиболее часто упоминаемыми внешними акторами выступают Россия и США. Количественный контент-анализ показал, что Россия занимает первое место по частоте упоминаний, а США находятся на втором. При этом данные результаты отражают специфику именно русскоязычного информационного поля Telegram и не могут рассматриваться как исчерпывающая характеристика всей медиасферы Узбекистана, где сохраняется значительная доля узбекоязычного контента и активное использование иных платформ.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует формуле паспорта специальности 5.5.4 - Международные отношения, глобальные и региональные исследования, п. 12 - Внешняя политика и дипломатия.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и выводы данной работы отражены в научных публикациях автора, опубликованных в журналах,

входящих в список РУДН и список ВАК РФ⁸⁸, а так же на научно-практических конференциях⁸⁹.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

⁸⁸Стройков С. П. Анализ экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан / С. П. Стройков // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 1. С. 26-34. Велиев А. Р. Влияние узбекской диаспоры России на развитие бизнеса в Узбекистане и формирование его политики / А. Р. Велиев, С. А. Махина, С. П. Стройков // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7, № 3. – С. 248-259. Стройков С. П. Особенности развития внешней политики Узбекистана в отношении Российской Федерации в постсоветский период / С.П. Стройков // Закон и власть. – 2024. – № 5. – С. 39-44. Стройков С. П. Итоги парламентских выборов 2024 г. в Узбекистане и модернизация электоральных процессов / С.П. Стройков // Право и политика. – 2025. – № 2. – С. 1-11.

⁸⁹ II Московский политологический форум «Власть, общество, политика, управление в междисциплинарных исследованиях», 12-13 апреля 2023 г., РАНХиГС, г. Москва. Доклад: «Влияние узбекской диаспоры России на развитие бизнеса в Узбекистане и формирование его политики».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В первом параграфе данного исследования мы анализируем концепцию многовекторности международных отношений, анализируем содержание и предлагаем определение основных теоретических понятий. Поскольку термин «многовекторность» подразумевает не только теоретические аспекты, но и практическую реализацию через видимую реальную политику, во втором параграфе мы исследуем практику употребления и применения термина «многовекторность» на реальных исторических примерах.

1.1. Основные подходы к определению концепции многовекторности в политической науке

Этот параграф посвящен концептуализации «многовекторности» в международных отношениях. Мы рассмотрим не только теоретические аспекты данного термина, но и затронем терминологию, необходимую для комплексного понимания многовекторности.

Методологические установки исследования многовекторности внешней политики Узбекистана основаны на сочетании подходов реализма неореализма. С позиции реализма многовекторность рассматривается как рациональный и прагматичный выбор государства, продиктованный стремлением к максимизации национальной безопасности и интересов в условиях анархичной международной среды. Государства воспринимаются как рациональные акторы, чьи внешнеполитические действия определяются объективными факторами, такими как баланс сил, военно-политические и экономические возможности, геополитическое положение и необходимость диверсификации рисков через взаимодействие с несколькими центрами силы.

Современные авторы, развивающие идеи реалистической школы в международных отношениях, акцентируют внимание на структурных

ограничениях внешнеполитического поведения государств и возрастающей важности стратегического маневрирования в условиях трансформации мирового порядка. Так, согласно Г. Аллисону⁹⁰, глобальное соперничество между доминирующей и восходящей державами неизбежно порождает напряжение, требующее от менее крупных государств поиска гибких и многовекторных решений для сохранения собственной безопасности. Дж. Миршаймер⁹¹ и С. Уолт⁹² критикуют иллюзии либерального универсализма, указывая на то, что государства должны руководствоваться реалистической логикой баланса сил и осознанно избегать стратегического перерасхода ресурсов, применяя более сдержанные внешнеполитические подходы. В то же время К. Лейн подчеркивает последствия эрозии гегемонического доминирования Соединенных Штатов и необходимость адаптации внешней политики к многополярной реальности⁹³. Б. Позен, развивая эту мысль, обосновывает рациональность политики сдержанности, которая выражается в отказе от чрезмерных обязательств и в использовании многовекторности как эффективного инструмента стратегической диверсификации рисков в условиях неопределенности и изменения международной системы⁹⁴.

В политической науке можно встретить термин «многовекторность» применительно к международным отношениям и реализуемой политики отдельных государств. Рэндалл Швеллер с позиций неореалистской парадигмы международных отношений предполагает, что государства не первого порядка выбирают свое позиционирование из двух опций: либо балансирование между крупными игроками, либо присоединение к наиболее сильному для обеспечения своей безопасности⁹⁵.

⁹⁰ Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

⁹¹ Миршаймер Дж. Как мыслят государства: рациональность внешней политики. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 384 с.

⁹² Walt S. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy.* – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 400 p.

⁹³ Layne C. *After the Fall: International Politics in a Post-Hegemonic World.* – New Haven: Yale University Press, 2023. – 212 p.

⁹⁴ Posen B. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy.* – Ithaca: Cornell University Press, 2014. – 256 p.

⁹⁵ Schweller R. *Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security.* 1994. – N. 19 (1). – P. 72–107.

Его мысль продолжил Александр Кули, который подчеркивает важность взаимодействия стран Центральной Азии между силами как внутри страны, так и во внешней политике⁹⁶. Узбекистан, как страна Центральной Азии стала примером политики многовекторности в международных отношениях, которая варьируется в зависимости от фона вокруг страны⁹⁷. Балансирование может быть в формате «ограниченного баланса» (limited balancing) или «страхования» (hedging). Первое означает балансирование между интересами ведущих акторов международных отношений, например, России и США, Китая. Второе подразумевает избегание жесткой привязки к одному из полюсов силы. Существует и «мягкое балансирование» (soft balancing), когда государство использует только невоенные методы для защиты своих интересов на региональном уровне.

Под многовекторностью или мультивекторностью мы будем подразумевать не строго идеологическую внешнюю политику, а прагматическую, основанную на прочных отношениях с многочисленными и порой кажущимися противоречивыми партнерами. Такое определение мы находим в научной работе, посвященной анализу соседа Узбекистана по региону — Казахстане⁹⁸. В качестве примеров многовекторности приведены отношения между Казахстаном и Китаем, западными странами и Россией.

Тогда многовекторность — это внешнеполитическая стратегия государства, предполагающая одновременное поддержание устойчивых партнёрских связей с несколькими разнородными акторами международных отношений на основе прагматического расчёта издержек и выгод, в отрыве от идеологической совместимости и блоковой лояльности.

«Многовекторность» — про прагматичную и реалистичную политику, без опоры на идеологические основания. Для того, чтобы проводить многовекторную

⁹⁶ Cooley A. *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.

⁹⁷ Журакулов А. Ф. Внешняя политика Республики Узбекистан // *Scientific progress*. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 92-95.

⁹⁸ Chavasse M. *The International Dimensions of Kazakhstan's Alphabet Shift. A Study of Kazakh Multi-Vectorism in the 2010s: MA Thesis in International Relations in Historical Perspective* / M. Chavasse. – Faculty of Humanities, Universiteit Utrecht, 2019. – 102 p.

политику и правильно подбирать акторов для взаимодействия, государство должно осознавать собственные интересы. Характер политики правительства и внутренней политики потенциальных партнеров, а также их геополитические отношения с другими государствами не являются векторами, которые направляют или даже информируют многовекторный подход. Основой отношений являются исключительно потенциальные издержки и выгоды для страны, как межгосударственного актора. В своей теоретической основе многовекторная стратегия соответствует реалистической рациональной модели поведения государства, в том смысле, что основными мотивами взаимодействия являются собственные интересы и безопасность. Факторы, лежащие в основе политических решений, не обязательно являются исключительно внешними, они также могут быть основаны на внутренней динамике, обеспечивающей выгоду в краткосрочной или долгосрочной перспективе⁹⁹.

Термин многовекторность или multi-vectorism в политической науке массово используется применительно к постсоветскому пространству и странам СНГ¹⁰⁰. Важно ответить, что при написании данного исследованиями, нами неоднократно встречалось упоминание термина «комплементаризм» как синонима термина многовекторности/мультивекторности. В рамках данной работы мы будем использовать преимущественно термин «многовекторность».

Профессор Сергей Минасян в своих трудах выделяет два ключевых подхода к внешней политике у стран бывшего СССР: унивекторизм и мультивекторизм/многовекторность¹⁰¹. Первый подход подразумевает четкий выбор геополитических союзников, с которыми будет развивать отношения страна. Это может быть западно-ориентированная политика, которая присуща следующим странам: страны Балтии, Азербайджан, Украина и Молдова. В противовес ей это может быть пророссийская политика, которая включает в себя

⁹⁹ Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С.М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – № 3. – С. 187–196.

¹⁰⁰ Симутенкова Л. Региональные приоритеты внешней политики Республики Узбекистан: библиографическая справка // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 11 (305). – С. 48–57.

¹⁰¹ Minasyan S. Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States // PONARS Eurasia. – 2012. – № 20. – P. 268-273.

более пророссийскую риторику и совместные политические и экономические проекты на территории бывших советских стран. К ним можно отнести следующие государства: Беларусь, отдельные страны Центральной Азии в разные периоды истории.

Второй подход — многовекторность, подразумевает под собой альтернативу выбору одного крупного блока и присоединение к его внешнеполитической доктрине. К таким странам можно отнести Азербайджан с 1990 до 2000 годов. Профессор Минасян останавливается на этих двух странах, а мы дополним, что современный Узбекистан и Казахстан являются нагляднейшими примерами многовекторной внешней политики.

Предлагаем следующее понимание многовекторности внешней политики — это международная политическая доктрина, которая подразумевает балансирование между конфликтующими интересами международных и региональных игроков. Концепцию многовекторности внешней политики в рамках данного исследования мы будем рассматривать через призму работы Т. Шеллинга «Стратегический реализм»¹⁰². Его работа вносит важное развитие в теорию игр, которую начали активно использовать для объяснения функционирования международных отношений и альянсов игроков внутри них после выхода таких работ, как «Теория игр и экономическое поведение» от О. Моргенштерна и Д. Наймана в середине 40-х годов¹⁰³. В рамках данной работы теория игр раскрывалась больше с технической стороны и была далеко недоступной для гуманитарного пласта исследований. Все изменилось с выходом труда Р. Люиса и Х. Райфа — «Игры и решения»¹⁰⁴. В обеих работах преимущественно рассматриваются «игры с нулевой суммой», то есть такие отношения, в рамках которых одна сторона всегда побеждает, а другая проигрывает. Такие игры называют «антагонистические». Только с выходом работы Т. Шеллинга этот подход был расширен до игр с неантагонистическими

¹⁰² Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – М.: Логос, 2007. – 366 с.

¹⁰³ Найман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ.; под ред. и с доп. Н. Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с.

¹⁰⁴ Льюис Р., Райфа Х. Игры и решения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 642 с.

интересами, не противоположными. В таком подходе критерий «победителя» уходит на второй план, ведь появляется призма рассмотрения международных отношений как возможность выигрывать одному игроку вместе с другими.

Многовекторная политика основывается на интересах действующей политической элиты страны. Поэтому внешняя политика в данном случае становится не последовательной доктриной, которая реализуется на протяжении десятилетий вне зависимости от того, кто находится у власти, а отражают интересы действующего политического режима. В таких условиях внешняя политика представляет собой набор коллективного выбора политических элит разных стран, учитывающих как внутренние обстоятельства, так и внешние. Государства, выступающие в таком процессе, воспринимаются как рациональные акторы, которые могут закладывать в свою позицию как формальные нормативно определенные принципы вроде нейтралитета, закрепленного, например, в международной стратегии Узбекистана, так и неформальные, подразумевающие конкуренцию между Китаем и Россией за влияние в Центральной Азии, хотя официальный заявлений об этом нет.

Под многовекторностью можно также понимать политику, которая сфокусирована сразу не несколько партнерах, а не на одном главном в международных отношениях. Это означает, что страна старается выстраивать свои отношения с как можно большим количеством акторов¹⁰⁵. В зависимости от ситуации на международной арене, эти контакты позволяют вступать в союзы, менять торговую политику и искать эффективное сотрудничество там, где еще раньше это представлялось мало возможным. В 2006-2007 года между Республикой Беларусь и Российской Федерацией был конфликт из-за цен на газ и нефть¹⁰⁶. Из-за этого Беларусь начала активно развивать отношения со странами Латинской Америки и Китаем. В этот же период США ввели санкции в отношении Беларуси, находящейся под руководством Александра Лукашенко.

¹⁰⁵ Behrends H. Multi-Vectorism in Belarusian Foreign Policy: MA Thesis / H. Behrends. – Charles University in Prague, 2016. – 69 p.

¹⁰⁶ Лукашенко не продаст Белоруссию за нефть и за газ [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2007. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2007/01/07/father/> (дата обращения: 03.05.2025).

Развитие отношений с новыми регионами позволило стране выстроить новые союзы и решить экономические проблемы. Отношения между Россией и Беларусью сегодня представляют совершенно иной формат, нежели они были в середине 2000-х годов. Сегодня они партнерские как в экономическом, так и в политическом плане.

За последние 24 года политика многовекторности была направлена на развитие кооперативных и продуктивных отношений с существующими иностранными акторами посредством взаимовыгодного сотрудничества. Логика многовекторности остается реактивной и зависящей от поведения внешних акторов, в отличие от проактивной внешней политики. В частности, эта доктрина пытается сбалансировать интересы конкурирующих акторов, ограничить различия между ними.

Не менее важно и то, что многовекторность делает ставку на концепцию многосторонних отношений, а не на билатерализм. Хотя многовекторность остается очень важной для интересов многих стран в связи с участием в международных институтах и платформах, многосторонность, однако, не позволяет достичь того уровня глубоких отношений и взаимного согласования интересов, который необходим им.

Помимо очевидной выгоды в политике многовекторности, у нее есть и очевидные слабые стороны. Многовекторность как принцип международных отношений относится к тактике, а не стратегии. Она ведет к отсутствию крепких и продолжительных международных союзов, партнерства. Этот принцип затрудняет создание долгосрочных альянсов с потенциальными партнерами, поскольку многосторонние обязательства с большим количеством акторов не только дают возможности для сотрудничества, но и создают весомые ограничения, которые препятствуют углублению отношений для прочных и глубоких двусторонних отношений между странами.

Предлагаемая политика многовекторности квалифицирует создание альянсов по трем факторам: 1) ценности, 2) прагматические интересы и 3) геостратегическая необходимость. Концептуально, в отношении ценностей,

стратегическое взаимодействие отдает приоритет развитию прямых отношений с государствами или группами государств, а не с региональными или наднациональными организациями. Оно не обесценивает последние, а, скорее, отдает предпочтение первым¹⁰⁷.

При анализе внешнеполитических приоритетов Республики Армения можно отметить следующее: несмотря на сохранение важности отношений с Европейским союзом как интеграционным объединением, особое значение приобретает углубление двустороннего сотрудничества с отдельными странами ЕС — прежде всего с Францией и Германией. Это направление становится самостоятельным приоритетом внешней политики и требует серьезных дипломатических и экономических усилий. Подобный подход применим и к отношениям Армении с США и Канадой.

В контексте Республики Узбекистан данный принцип проявляется в предпочтении двусторонних форматов взаимодействия с отдельными государствами, такими как Китайская Народная Республика и Российская Федерация, а также США и ведущими странами Европейского союза (прежде всего, Франция и Германия), вместо сосредоточения исключительно на многосторонних структурах и институтах ЕС. Важным фактором является создание альянсов или стратегических отношений, основанных на прагматических интересах. Понятие прагматического интереса определяется ориентацией на проблему. Этот фактор определяется не общими ценностями, а скорее взаимодополняющими интересами, когда ориентация на проблему создает политические связи и партнерства.

Альянсы и стратегические партнерства, созданные на основе модели прагматических интересов, остаются специфическими для взаимодополняющих областей политики, которые направлены на решение коллективных проблем, проблемных областей или совместных усилий в рамках проектов или предприятий. Структура таких партнерств определяется прагматической

¹⁰⁷ Алиджанова А. Х. Модели межрегиональных отношений в современной мировой политике (на примере Центральной Азии) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5(1). – С. 24-25.

взаимностью, двусторонним транзакционизмом и взаимным согласованием интересов. Это подход во внешней политике, в рамках которого страны формируют свои отношения друг с другом на основе прямых и прагматичных сделок (транзакций). Страны не учитывают общие ценности, схожие идеологии, альянсы и стратегические блоки.¹⁰⁸

Третьим важным компонентом доктрины стратегического интереса при создании альянсов является концепция геостратегической необходимости. Она сводится к критической важности отдельных географических регионов для национальной безопасности или стратегических интересов государств. Этот фактор является приоритетным для решения непосредственных и прямых вопросов географической, территориальной и физической безопасности. Концепция геостратегической необходимости остается в первую очередь связанной с углублением и интеграцией отношений между странами. Ее впервые сформулировал Хэлфорд Макиндер¹⁰⁹, а позже переработал и дополнил Николас Спикмэн¹¹⁰.

В доктрине стратегического интереса предполагается разделение геополитических интересов. Это позволяет странам стратегически объединяться с теми или иными союзниками, исходя из конкретных политических задач и вопросов национальной безопасности, а не заниматься бессодержательным балансированием между крупными акторами.

Многовекторные страны активно взаимодействуют с различными мировыми и региональными акторами, не присоединяясь к какому-либо одному партнеру, нейтральные государства формально или юридически обязуются избегать вовлечения в военные союзы.

Многовекторная внешняя политика направлена на установление сбалансированных отношений с разными странами, чтобы избежать зависимости

¹⁰⁸ The World Was Going Transactional Long Before Trump [Электронный ресурс] // Financial Times. — 2019. — Режим доступа: <https://www.ft.com/content/01af9c29-eb7f-484b-9fe7-2dbabc41ed52> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁰⁹ Макиндер Х. Географическая ось истории / пер. с англ. В. Желнинова. — М.: АСТ, 2021. — 288 с.

¹¹⁰ Спикмэн Н. География мира и миропорядок. — Нью-Йорк: Harcourt, Brace and Company, 1944. — 223 с.

от одного актора¹¹¹. Многовекторность на практике часто сопровождается аналогичной диверсификацией, что позволяет избежать внешнего давления и распределить экономические, политические и оборонные интересы между разными игроками.

Многовекторная политика позволяет странам гибко выбирать партнеров и сотрудничество, часто ограничивая военные обязательства. Этот подход основан на принципе отказа от эксклюзивных военных или политических союзов, которые могут поставить под угрозу суверенитет.

Многовекторность позволяет государствам маневрировать в международной среде и изменять векторы партнерства в зависимости от текущих интересов и дает возможность адаптироваться к изменяющимся мировым условиям без вовлечения в конфликты¹¹². Многовекторность внешней политики определяется двумя ключевыми задачами: государственной безопасностью и экономическим развитием, особенно для малых государств.

Таким образом, практика углубления двусторонних связей с ключевыми западными государствами на фоне участия в многосторонних форматах отражает типичную для малых государств стратегию адаптации в условиях международной анархии. С теоретической точки зрения, такая многовекторность соотносится с постулатами реализма и неореализма, согласно которым государства, стремясь к обеспечению собственной безопасности и усилению автономии, балансируют между центрами силы, минимизируя риски зависимости от одного из них. В этом контексте многовекторность выступает не просто как прагматическая внешнеполитическая линия, но как рациональный ответ на структурные ограничения международной системы.

1.2. Реализация многовекторности в политике постсоветских государств на современном этапе

¹¹¹ Межевич Н. М., Шимов В. В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик Средней страны (на примере Беларуси) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – № 15(4). – 436-450.

¹¹² Никитин А. К. Усиление многовекторности российской внешней политики // Власть. – 2009. – № 12. – С. 15-21.

Границы данного исследования не позволяют полностью проанализировать весь феномен мультивекторности на постсоветском пространстве. Постсоветский период — это эпоха после распада Советского Союза в 1991 году, охватывающая социально-политические преобразования в Восточной Европе и Северной Евразии. Ученые определяют этот период через различные призмы, включая демократизацию, автократизацию, маркетизацию, национализацию и европеизацию¹¹³.

Термин «постсоветский» применяется к странам, входившим в состав Советского Союза¹¹⁴, включая Азербайджан, Армению, Беларусь, Эстонию, Грузию, Казахстан, Кыргызстан, Латвию, Литву, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркменистан, Украину и Узбекистан¹¹⁵. В научной литературе встречается критическое отношение к термину «постсоветским», который по мнению отдельных ученых, считается устаревшим и неинформативным¹¹⁶.

Существует множество исследований, посвященных понятию многовекторности внешней политики. Во второй главе мы подробно будем рассматривать взаимоотношения Узбекистана с другими странами через призму многовекторности. В данной части предлагаем остановиться на примерах других стран, которые проводили ту же самую политику. Наиболее яркие признаки проявления многовекторности мы можем найти среди стран Центральной Азии, Армении до 2019 года и Беларуси в постсоветский период 1991 – 2025.¹¹⁷

По мнению ученых и исследователей, Центральная Азия чаще всего определяется как регион, включающий пять стран, входивших в состав бывшего Советского Союза: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Это определение широко распространено в исследованиях по

¹¹³ Minakov M. The End of a Great Era: Post-Soviet Transformation in a Historical Perspective // *Nuovi Autoritarismi e Democrazie: Diritto, Istituzioni, Società*. – 2023. – Vol. 1 (5) – P. 177-193.

¹¹⁴ Cherniak K. & Lytovchenko A. Positioning Post-Soviet Sociology in Global Sociology: Between the Global South and the Global North. – 2024. – №15. – P. 39-57.

¹¹⁵ Концепция постсоветского периода [Электронный ресурс] // University of Toronto. – Режим доступа: <https://www.oise.utoronto.ca/postsovedcan/concept> (дата обращения: 07.03.2025).

¹¹⁶ Moving on from Post-Soviet States [Электронный ресурс] // Harriman Institute, Columbia University. – 2023. – Режим доступа: <https://harriman.columbia.edu/moving-on-from-post-soviet-states/> (дата обращения: 07.03.2025).

¹¹⁷ Аватков В. А., Рожкова З. П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // *Постсоветские исследования*. – 2022. – Т. 5. – № 8. – С. 825-834.

географии¹¹⁸, истории¹¹⁹ и международным отношениям¹²⁰. На русском языке равнозначно использовался термин «Средняя Азия». Этот термин использовался в советский период для обозначения Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана, а в постсоветский период был заменен на «Центральная Азия» для подчеркивания суверенитета новых независимых государств¹²¹.

Центральная Азия — это интеграционное пространство. То есть единое политическое пространство с одинаковыми интересами, хотя на самом деле это далеко не так. Успешное сотрудничество между странами Центральной Азии может привести к увеличению торговли, снижению уровня бедности и укреплению стабильности. Используя свое географическое положение, эти государства имеют потенциал стать ключевым транзитным коридором для международной торговли, что способствует их экономическим перспективам¹²².

Другие отмечают растущую уверенность государств Центральной Азии в решении сложных геополитических задач через региональное сотрудничество. Они подчеркивают, что двусторонние отношения, особенно между Казахстаном и Узбекистаном, являются основными движущими силами интеграции. Укрепление связей между этими двумя ведущими экономиками региона создает основу для более широкого сотрудничества в сферах экономики, безопасности и инфраструктуры¹²³.

Есть и те, кто рассматривает роль региональной интеграции как реакции на внешние вызовы. Отмечается растущий интерес стран Центральной Азии к

¹¹⁸ RCCC, ICRC. Country Profiles: Region Central Asia [Электронный ресурс] // Red Cross Red Crescent Climate Centre. – 2023. – Режим доступа: https://www.climatecentre.org/wp-content/uploads/RCCC-ICRC-Country-profiles-Region_Centra_Asia.pdf (дата обращения: 07.03.2025).

¹¹⁹ The Five Countries of Central Asia [Электронный ресурс] // CAREC Program. – 2012. – Режим доступа: <https://www.carecprogram.org/uploads/The-Five-Countries-of-Central-Asia.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²⁰ Rakhimov M. Central Asia: Regionalization and Global Positioning // Redalyc Journal. – 2011. – Vol. 22, No. 4. – P. 1–21. – Режим доступа: <https://www.redalyc.org/pdf/927/92731211001.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²¹ Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / Перевод с французского М. Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 119 с.

¹²² Линн Й. Региональная интеграция и сотрудничество в Центральной Азии: реальность или мираж? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/10-regional-integration-and-cooperation-linn.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²³ Can the Concept Central Asia 2040 Strengthen the Region's Integration? [Электронный ресурс] // Eurasian Research Institute. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/can-the-concept-central-asia-2040-strengthen-the-regions-integration/> (дата обращения: 07.03.2025).

возрождению отношений в политической, экономической и гуманитарной сферах, что делает регион многообещающим пространством для сотрудничества.

Международный валютный фонд (МВФ) также подчеркивает, что региональная интеграция является не просто возможностью, а экономической необходимостью для Центральной Азии¹²⁴. Развитие совместных проектов, особенно в транспортном и энергетическом секторах, представляет собой средство возрождения исторической роли региона как важнейшего связующего звена между Европой и Азией. Такие инициативы, как железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан и трансграничные энергетические соглашения, демонстрируют потенциал экономического роста через совместные усилия.

Узбекистан рассматривает региональную интеграцию, как оптимальную стратегию для решения современных экономических и политических вызовов¹²⁵. Они подчеркивают, что сотрудничество в таких сферах, как образование, цифровые технологии и развитие инфраструктуры, может стать важным инструментом для смягчения геополитической неопределенности¹²⁶. Благодаря укреплению взаимодействия в этих ключевых отраслях государства Центральной Азии могут повысить свою устойчивость и конкурентоспособность на глобальном уровне.

Уже на уровне взаимодействия между странами региона прослеживается стремление к работе по точечным вопросам, но не реализации единой и общей политики как по отношению к своим соседям вроде России или Китая, так и глобальным игрокам как США¹²⁷. С позиции неореализма развитие международных отношений государств Центральной Азии обусловлено

¹²⁴ Opening Up in the Caucasus and Central Asia: Policy Frameworks to Support Regional and Global Integration [Электронный ресурс]. – Международный валютный фонд (IMF). – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2018/06/19/Opening-Up-in-the-Caucasus-and-Central-Asia-Policy-Frameworks-to-Support-Regional-and-Global-45910> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²⁵ Central Asian Expert Forum Sets Regional Cooperation Priorities [Электронный ресурс] // The Astana Times. – 2024. – Режим доступа: <https://astanatimes.com/2024/06/central-asian-expert-forum-sets-regional-cooperation-priorities/> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²⁶ Саидов Ш. Ш. Интеграция в Центральной Азии: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scientists.uz/uploads/202407/C-3.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

¹²⁷ Безруков А. Э., Иванов К. А., Чимириш Е. С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. – Вестник Финансового университета. – 2021. – № 3. – С. 62–70.

необходимостью балансирования между ключевыми геополитическими акторами¹²⁸. Казахстан, учитывая стратегическое положение и экономическую взаимозависимость, вынужден укреплять сотрудничество с Китаем¹²⁹, решая вопросы логистики и транспортных коридоров, однако при этом придерживается политики нейтралитета в отношениях с Россией, избегая пересечения ее экономических интересов¹³⁰. В свою очередь, Узбекистан реализует политику религиозной секуляризации и внутренних реформ, ориентированных на вестернизацию, а также активно развивает сотрудничество с Соединенными Штатами Америки в сфере образования и распространения английского языка. Тем не менее, руководство страны одновременно поддерживает конструктивные отношения с Россией, стремясь извлечь выгоды из взаимодействия с различными центрами силы, что соответствует логике прагматичного внешнеполитического курса.

В данный момент, политический режим Узбекистана можно охарактеризовать, как «суперпрезидентскую республику»^{131 132}. Власть в стране принадлежит одному клану, которым руководит Шавкат Мирзиёев, но при этом частные свободы и рыночные отношения дерегулируются, также проводятся социально-экономические реформы¹³³.

Важно подчеркнуть, что на восприятие внешней политики внутри страны влияет возраст населения. Узбекистан считается одной из самых молодых стран в мире. На 2023 год 60% населения составляли люди до 30 лет¹³⁴. Это более 19

¹²⁸ Vanderhill R., Joireman S. F., Tulepbayeva R. Between the bear and the dragon: multivectorism in Kazakhstan as a model strategy for secondary powers / R. Vanderhill, S. F. Joireman, R. Tulepbayeva // *International Affairs*. — 2020. — Vol. 96, № 4. — P. 975–993. — DOI: 10.1093/ia/iaaa061.

¹²⁹ Дмитриева Д. А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // *Россия в глобальном мире*. — 2021. — №20 (43). — С. 20–28.

¹³⁰ Мадалиева Р. Х., Абдусамедов Н. А., Мардонов Б. М. Международное таможенное сотрудничество Узбекистана в рамках интеграционных процессов Содружества Независимых Государств // *Вестник Российской таможенной академии*. — 2020. — № 2. — С. 128–135.

¹³¹ Guseletov V. Political reforms in Uzbekistan. Results and consequences // *RSUH/RGGU Bulletin. Series Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*. — 2024. — № 3. — С. 12–29. — DOI: 10.28995/2686-7648-2024-3-12-29.

¹³² Lemon E. *Regional Power Expansion in Central Asia: Chinese and Russian Perspectives*. — Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2019. — 20 p.

¹³³ Мамажонов С. С. Глубокие реформы и новая стратегия развития Ш. М. Мирзиёева: реализация и ее основные проблемы // *Постсоветские исследования*. — 2021. — № 8. — С. 658–664.

¹³⁴ Председатель Сената провела прямой диалог с молодежью нашей страны // *Сенат Республики Узбекистан*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://senat.uz/ru/events/post-1665> (дата обращения: 08.05.2024).

миллионов человек. При этом, основным источником потребления информации составляет интернет. В стране 31 миллион пользователей сети, из которых 29,5 миллионов пользуются мобильным интернетом¹³⁵. У страны огромный демографический потенциал из-за молодой структуры населения. При этом, из-за уровня безработицы в 6,8%, часть молодых людей вне крупных городов предпочитают трудовую миграцию¹³⁶. Одним из направлений служит Россия, Казахстан и Турция.

К тому же сильно влияние Турции на этот регион. Турция использует свои общие культурные, языковые и исторические связи с тюркоязычными странами Центральной Азии (Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Узбекистаном) для поддержания устойчивого присутствия в регионе. Это влияние коренится в концепциях пантюркизма и евразийства, которые изначально определяли внешнюю политику Турции после распада Советского Союза¹³⁷.

При президенте Эрдогане Турция перешла от чисто прагматического подхода в 2000-х годах к акцентированию политических и военных отношений в 2010-х. Несмотря на конкуренцию со стороны других держав, таких как Россия и Китай, культурная и религиозная общность Турции с Центральной Азией дает ей уникальное преимущество¹³⁸.

Использование Турцией «мягкой силы» в качестве ключевого инструмента внешней политики в отношении Центральной Азии включает в себя культурную дипломатию, образовательные обмены и гуманитарные инициативы¹³⁹. Такие институты, как ТКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), TURKSOY (Международная организация тюркской культуры), а также стипендии для студентов из Центральной Азии играют важную роль в укреплении доброй

¹³⁵ В Узбекистане количество интернет-пользователей превысило 31 миллион // Kun.uz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kun.uz/ru/news/2022/12/15/v-uzbekistane-kolichestvo-internet-polzovateley-prevysilo-31-million> (дата обращения: 08.05.2024).

¹³⁶ Джалилов М. Ш. Отражение внешней трудовой миграции как цивилизованный и управляемый процесс в трудах исследователей // Вестник Педагогического университета. – 2022. – №4 (99). – С. 282–288.

¹³⁷ Turkish Influence in Central Asia: Geopolitical and Economic Aspects [Электронный ресурс] // KFCRIS. – Режим доступа: <https://kfcris.com/pdf/fb31acc3b812c16524fe7dc819518b26295e253c6fb6.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

¹³⁸ Andrukhin T. Turkey's policy in Central Asia: results and prospects // Post-Soviet Issues. – 2024. – № 11. – P. 126-137.

¹³⁹ Sharipov A. Sh. The Role of Turkey's Soft Power Diplomacy in the Modern Development of Central Asia // PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology. – 2020. – Vol. 17. – № 7. – P. 7684–7697.

воли. Например, за 30 лет в Таджикистане ТКА реализовала 30 проектов¹⁴⁰. ТЮРКСОЙ сотрудничает с университетами Центральной Азии: Международным Казахско-Турецким Университетом им. Ходжа Ахмет Ясауи, Ташкентским государственным университетом востоковедения, а также Кыргызско-Турецким университетом «Манас»¹⁴¹.

Страны ЦА тоже не сразу начали строить между собой диалог и работать по расширению политических и экономических связей. Отношения с внешними партнерами вне региона строились по принципу необходимости решения вопросов безопасности¹⁴². Необходимо было решить этот вопрос с Китаем. Актуальными оставались территориальные споры, которые требовали решения еще со времен распада СССР. Решением стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также совместные меры по борьбе с исламским экстремизмом¹⁴³.

Взаимоотношения с Россией зависели от внутренней политики стран Центральной Азии. Если при первом президенте Узбекистана Каримове, как и с Китаем, стоял вопрос безопасности, то при Мирзиёеве повестка поменялась. При первом президенте был подписан «Ташкентский договор» 1992 года для совместной координации обороны¹⁴⁴. С 2019–2024 годов действовала «Программа экономического сотрудничества»¹⁴⁵. Между двумя странами за период с момента обретения независимости и до 2021 года было заключено больше 120 договоров¹⁴⁶.

¹⁴⁰ Додихудо А. Незаметная мягкая сила по-турецки: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации в Таджикистане [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2022. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/anahita-dodihudo/nezametnaya-myagkaya-sila-poturetski-turetskoe-agentstvo-po-sotrudnich/> (дата обращения: 13.04.2025).

¹⁴¹ TÜRKSOY. Faaliyet Raporu. Kasım 2022 – Eylül 2023. – Ankara: TÜRKSOY Yayınları, 2023. – 120 s.

¹⁴² Olimov A. Central Asia Region: A Threat to its Security Sources and Measures to Fight Against Them // Science and Innovation. – 2022. – № С6. – P. 214-219.

¹⁴³ Ачыкгез М. Влияние пограничных споров на внешнюю политику государств Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 3. – С. 252–256.

¹⁴⁴ Ахмедов Х. Т. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 854–865.

¹⁴⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2239-р о подписании Программы экономического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан на 2019–2024 годы от 17 октября 2018 года // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72084242/> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁴⁶ Эксперты назвали страны с наибольшим числом договоров с Россией [Электронный ресурс] // РБК. – 2021. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/12/2021/61cadcb59a79478828ffc417> (дата обращения: 08.05.2024).

Центральноазиатский регион характеризуется многовекторностью внешнеполитического курса, что обусловлено наличием значительных геополитических интересов со стороны ведущих мировых держав. В отличие от Армении, рассматривавшей евроинтеграцию как один из возможных векторов развития в силу своей географической и экономической близости к Европейскому Союзу, Казахстан и Узбекистан лишены аналогичной перспективы. В результате влияние ЕС на страны Центральной Азии остается ограниченным, что обуславливает необходимость формирования сбалансированной внешнеполитической стратегии. В этом контексте государства региона выстраивают многоуровневые взаимоотношения как с региональными акторами, включая страны Центральной Азии и Афганистан, так и с ключевыми глобальными игроками, такими как Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Соединенные Штаты Америки.

Многовекторная внешняя политика стала характерной стратегией для многих постсоветских государств, стремящихся маневрировать между конкурирующими центрами силы после распада СССР. Под «многовекторностью» понимается курс на развитие отношений сразу с несколькими крупными державами, даже если между ними существуют противоречия¹⁴⁷.

Такой подход сходен с политикой «хеджирования» в международных отношениях¹⁴⁸, то есть промежуточной стратегией между балансированием и присоединением к одному блоку – позволяющей малым и средним странам одновременно обезопасить себя и извлечь экономические выгоды без однозначной ориентации на одного игрока¹⁴⁹.

Для новых независимых республик это стало способом укрепить свой суверенитет: устанавливая связи не только с традиционным доминирующим

¹⁴⁷ Шадурский В. Г. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // БГУ. Труды факультета международных отношений 2010: научный сборник. – 2010. – № 1. – С. 47-51.

¹⁴⁸ Gonzalez-Pujol, I. Theorising the Hedging Strategy: National Interests, Objectives, and Mixed Foreign Policy Instruments / I. Gonzalez-Pujol // *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 193–214. – DOI: 10.20991/allazimuth.1480020.

¹⁴⁹ Kuik C. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. – 2008. – № 30 (2). – P. 159-185.

партнером (Россией), но и с другими мировыми центрами (Западом, Китаем и др.), постсоветские элиты стремились снизить возможность одностороннего давления со стороны Москвы¹⁵⁰.

Фактически многовекторность задействована как инструмент отстаивания независимой внешней политики – «сотрудничать со всеми» и тем самым расширить пространство для дипломатического маневра. Ярким примером служит Казахстан, где принцип многовекторности был провозглашен одним из принципов внешней политики еще первым президентом Нурсултаном Назарбаевым¹⁵¹.

Официально концепция «многовекторности» была закреплена в 2007 году¹⁵² и осталась, как принцип в «Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020 – 2030 годы»¹⁵³, обозначив стремление страны выстраивать «дружественные, равноправные и взаимовыгодные отношения со всеми государствами и объединениями, представляющими практический интерес для Казахстана».

На практике это означало, что Астана одновременно развивала союзнические связи с Россией (участие в Евразийском экономическом союзе и ОДКБ), укрепляла стратегическое партнерство с Китаем (экономические проекты, ШОС) и поддерживала тесные отношения с США, Европейским союзом и другими западными странами (привлечение инвестиций в нефтегазовый сектор, сотрудничество в нераспространении ядерного оружия, председательство в ОБСЕ в 2010 г. и т.д.)¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Дегтерев Д. А., Василюк И. П., Баум В. В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2018. – Т. 62. – №. 1. – С. 63-75.

¹⁵¹ Nyshanbayev, N. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy / N. Nyshanbayev, K. Bekov, Z. Baizakova, A. Amangeldy // *New Perspectives*. – 2025. – DOI: 10.1177/2336825X241308432

¹⁵² Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы: Указ Президента Республики Казахстан № 741 от 21 января 2014 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵³ О концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы: Указ Президента Республики Казахстан № 280 от 6 марта 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵⁴ Bastas Y. N. The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy: MA Thesis / Y. N. Bastas. – University of Oslo, Department of Political Science, 2013. – 64 p.

Ключевые цели многовекторного курса – обеспечение государственной безопасности и стимулирование экономического роста – были достигнуты благодаря умелому балансированию между интересами России, Китая и западных стран.

Более того, по оценкам исследователей¹⁵⁵, многовекторность для Казахстана выполняла функцию защиты независимости путем диверсификации внешних связей и компенсации традиционной гегемонии России в регионе. Однако такая политика требует постоянного тонкого баланса. Некоторые аналитики подчеркивают, что многовекторность Казахстана фактически сводится к политике балансирования влияния России¹⁵⁶.

Они указывают, что усиление конфронтации между Россией и Западом бросает вызов будущему этой стратегии по мере обострения противоречий пространство для маневра сужается, и Астане все труднее одновременно удовлетворять ожидания всех партнеров. Тем не менее, даже в новых условиях президент Касым-Жомарт Токаев заявляет о приверженности прежнему курсу¹⁵⁷. В частности, несмотря на союзнические отношения с Москвой, Казахстан демонстрирует самостоятельность – например, отказался признать воссоединение России с Крымом и поддержать СВО, продолжая развивать связи с Китаем, Турцией, ЕС и другими центрами силы. Такой курс соответствует исконной многовекторной доктрине Казахстана, хотя и подвергается серьезным испытаниям в нынешней геополитической обстановке.

Иной траектории придерживалась Армения, для которой многовекторная политика была во многом вынужденной стратегией. С одной стороны, Ереван исторически зависел от России в вопросах безопасности – Москва оставалась

¹⁵⁵ Курманов Ж. М. Многовекторность как основополагающий принцип внешней политики Казахстана // *Международная жизнь*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2864> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵⁶ Kazakhstan's Multi-vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power Pivots [Электронный ресурс] // *The Asan Forum*. – Режим доступа: <https://theasanforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁵⁷ Касым-Жомарт Токаев: цель – укрепить экономику и суверенитет // *Avesta.tj*. – 2025. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avesta.tj/2025/01/03/kasym-zhomart-tokaev-tsel-ukrepit-ekonomiku-i-suverenitet/> (дата обращения: 13.03.2025).

основным гарантом армянской обороны, имея военную базу в Гюмри и выступая союзником в рамках ОДКБ¹⁵⁸.

С другой стороны, Армения нуждалась в развитии отношений с Западом для получения экономической помощи и политической поддержки, особенно учитывая диаспору в Европе и США. Поэтому с момента обретения независимости армянская дипломатия старалась проводить политику «комплементарности», то есть сочетания пророссийского курса с одновременным диалогом с США, ЕС и соседним Ираном. Цель заключалась в максимизации внешней поддержки из разных источников – фактически классическая многовекторность, предполагающая использование разных опций и балансирование между конфликтующими векторами.

В 2000-е годы президент Роберт Кочарян и его преемник Серж Саргсян («карабахский клан») официально декларировали приоритет союзнических связей с Россией, но параллельно развивали контакты с НАТО и Евросоюзом¹⁵⁹.

Армения, подобно Украине, даже подготовила соглашение об ассоциации с ЕС¹⁶⁰, пытаясь интегрироваться в европейские структуры. Однако в 2013 году под сильным давлением Москвы Ереван был вынужден отказаться от подписания этого соглашения и согласился вступить в возглавляемый Россией Евразийский экономический союз.

Руководство Армении пыталось маневрировать: формально присоединилось к ЕАЭС, но одновременно надеялось сохранить часть договоренностей с ЕС – план, который тогда не получил поддержки Брюсселя.

Несмотря на эти ограничения, вплоть до конца 2010-х Армения старалась придерживаться многовекторного подхода. После «бархатной революции» 2018 г. новый премьер-министр Никол Пашинян подтвердил курс на сочетание тесного

¹⁵⁸ President of Brazil to visit Armenia in June 2025 [Электронный ресурс] // Armenpress.am. – 2024. – Режим доступа: <https://armenpress.am/en/article/1213594> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁵⁹ NATO and Armenia deepen partnership [Электронный ресурс] // Nato.int. – 2017. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/news_141839.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁶⁰ ЕС и Армения: Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве [Электронный ресурс] // Восточное партнерство. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_cera_armenia_factsheet_ru.pdf (дата обращения: 13.03.2025).

союза с Россией и развития отношений с другими центрами в рамках «многовекторного лавирования».

На Генассамблее ООН в 2019 г. Пашинян назвал Россию главным стратегическим союзником¹⁶¹, но при этом его правительство начало постепенно пересматривать некоторые аспекты традиционно дружеских отношений с Москвой.

Партнерские отношения Армении и России перешли к новому этапу. Россия воспринимала приход Пашиняна, опиравшегося на прозападные общественные силы, с подозрением.

Кульминацией напряженности стала Вторая карабахская война 2020 г., в ходе которой Россия заняла пассивную позицию и не предоставила Армении прямой военной помощи, что в Ереване расценили как нарушение союзнических отношений. Поражение в той войне потрясло армянское общество, а ответственность за случившееся многие возложили на «неблагонадежность» России.

На этом фоне, особенно после начала Специальной военной операции России в 2022 г., Армения резко скорректировала внешнеполитический курс. Фактически Ереван отказался от самого принципа многовекторности, сделав однозначную ставку на сближение с США и ЕС¹⁶².

В октябре 2022 г. армянское руководство отвергло посредничество Москвы в переговорах с Азербайджаном, обратившись вместо этого к западным форматам урегулирования¹⁶³.

Затем последовала серия шагов, демонстрирующих дистанцирование от России: Армения отказалась от проведения учений ОДКБ на своей территории¹⁶⁴,

¹⁶¹ Пашинян назвал Россию главным стратегическим партнером Еревана [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. – 2019. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20190926/Pashinyan-nazval-Rossiyeu-glavnym-strategicheskim-partnerom-Erevana-20544640.html> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁶² The Challenging Task of Armenia's Multi-Vector Diplomacy // BESA Center. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://besacenter.org/the-challenging-task-of-armenia> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁶³ Со всеми странами нужно дружить, но не в ущерб себе // Press Unity. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pressunity.org/archives/41629> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁶⁴ Армения отказалась от проведения учений ОДКБ на своей территории [Электронный ресурс] // Forbes.ru. – 2023. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/society/483557-armenia-otkazalas-ot-provedeniya-uchenij-odkb-na-svoej-territorii> (дата обращения: 13.03.2025).

не стала занимать положенную должность в секретариате организации и в 2023 г. объявила о «замораживании» своего членства в ОДКБ¹⁶⁵. Одновременно Ереван активизировал сотрудничество с НАТО и подписал в начале 2025 г. Хартию о стратегическом партнерстве с США¹⁶⁶.

Таким образом, к настоящему моменту многовекторная политика Армении фактически перешла в стадию глубокого кризиса. Страна, ранее пытавшаяся выстраивать отношения «со всеми», вынужденно сделала выбор в пользу одного геополитического направления – западного, причем ценой серьезного ухудшения отношений с Россией. Армянский пример наглядно показывает, что возможности многовекторности для небольшого государства, ограниченного в ресурсах и зажато между более мощными соседями, могут оказаться крайне уязвимыми перед лицом внешних угроз.

В итоге именно дефицит реальных гарантий безопасности со стороны разнонаправленных партнеров заставил Ереван отойти от балансирования и искать защиты у нового союзника, что означает конец прежней многовекторности.

Напротив, Азербайджан сумел реализовать концепцию многовекторности более успешно, исходя из иной стартовой позиции. Баку с начала 1990-х занял курс на максимально прагматичную и сбалансированную внешнюю политику¹⁶⁷. В отличие от Армении, Азербайджан не имел на своей территории российских войск и старался не вступать в формальные военно-политические союзы, сохраняя больше свободы маневра. Главным принципом внешней политики Баку

¹⁶⁵ Армения заморозила членство в ОДКБ после «бархатной революции» 2018 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр стратегических исследований. – Режим доступа: <https://acssi.am/2025/01/29/3396> (дата обращения: 12.03.2025).

¹⁶⁶ Armenia and U.S. Sign Strategic Partnership Charter [Электронный ресурс] // The Armenian Weekly. – Режим доступа: <https://armenianweekly.com/2025/01/15/armenia-and-u-s-sign-strategic-partnership-charter/> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁶⁷ Armenia between the United States and Russia: Geopolitical Scenario and Strategic Partnership [Электронный ресурс] // SpecialEurasia. – 2025. – Режим доступа: <https://www.specialeurasia.com/2025/01/16/armenia-us-eu-russia-politics/> (дата обращения: 13.03.2025).

стало стремление балансировать между интересами разных центров силы при одновременном развитии отношений со всеми значимыми партнерами¹⁶⁸.

Азербайджан установил тесный стратегический союз с Турцией – исторически и культурно близким государством¹⁶⁹, которое активно поддерживает его в противостоянии с Арменией¹⁷⁰. Одновременно азербайджанское руководство выстраивало рабочие отношения с Россией: несмотря на выход страны из ОДКБ в 1999 г. и ориентацию на НАТО в сфере реформ армии, Баку избегал прямой конфронтации с Москвой, участвуя в СНГ и координируя усилия по борьбе с терроризмом. Богатые энергоресурсы позволили Азербайджану привлечь крупные инвестиции западных компаний и наладить партнерство с ЕС (например, экспорт нефти и газа по трубопроводам в Европу), при этом сохраняя политическую дистанцированность – Азербайджан не стремился ни в Евразийский союз, ни в ЕС, придерживаясь линии Движения неприсоединения¹⁷¹. В последние годы, особенно после победы в 44-дневной войне 2020 г. за Нагорный Карабах, намечается тренд на выстраивание более лояльной внешней политики Азербайджана в сторону Анкары.

Турция продемонстрировала готовность оказать Баку не только экономическую, но и прямую военную поддержку, в результате чего отношения между двумя странами фактически оформлены как полноправный военно-политический союз¹⁷².

¹⁶⁸ Azerbaijan's Foreign Policy Strategy in the Post-September 2023 Period // APRI – Azerbaijan Policy Research Institute. – 2024. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apri.institute/azerbaijans-foreign-policy-strategy-in-the-post-september-2023-period/> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁶⁹ Ismayilov E., Zasztowt K. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States // Academia.edu. – 2015. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/25825732/Turkish_Azerbaijani_Relations_One_Nation_Two_States (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁷⁰ Foreign Policy Review. 2023. № 2 [Электронный ресурс]. — Budapest: Hungarian Institute of International Affairs, 2023. — Режим доступа: https://hiia.hu/wp-content/uploads/2025/01/mki_FPR_2023_2_online-2.pdf.

¹⁷¹ Заявление для печати Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – 2023. – 10 января. – Режим доступа: <https://president.az/ru/articles/view/60366> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁷² Khairunisa A. N. Identity and Foreign Policy: Turkey's Support for Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict // Proceedings of the 1st International Conference on Contemporary Risk Studies (ICONIC-RS 2022), March 31 – April 1, 2022, South Jakarta, DKI Jakarta, Indonesia. – 2022.

Азербайджан не присоединился к антироссийским санкциям и в целом избегал шагов, которые могли бы восприниматься Москвой конфликтно до 2024 года. В декабре этого года произошла катастрофа с крушением самолета Embraer E190 азербайджанских авиалиний. Баку возложил ответственность на Москву, потребовал извинений¹⁷³, ужесточил миграционное законодательство¹⁷⁴ и закрыл «Русский дом»¹⁷⁵.

Одновременно Азербайджан укрепляет отношения с Евросоюзом и позиционирует себя как часть европейского пространства, расширяя энергетическое сотрудничество и диалог по безопасности. Такая многовекторная линия позволила Азербайджану существенно упрочить свой суверенитет: страна самостоятельно определяет векторы развития, получала выгоды и от сотрудничества с Западом (инвестиции, технологии, политическая поддержка), и от добрососедства с Россией (военно-техническое сотрудничество, сдерживание армянской стороны) до 2024 года, и от союза с Турцией. Азербайджанский опыт показывает, что при благоприятном сочетании ресурсов (в данном случае нефтегазовых) и геополитическом положении многовекторность может быть реализована достаточно эффективно, хотя и требует постоянного балансирования при изменении обстановки в международных отношениях.

Белоруссия долгое время также позиционировала свою внешнюю политику как многовекторную, пытаясь лавировать между Востоком и Западом. Президент Александр Лукашенко с середины 1990-х годов неоднократно заявлял о стремлении Минска дружить и с Россией, и с европейскими странами, извлекая максимум пользы от такого балансирования¹⁷⁶. В 2010-е гг., например, Белоруссия отказывалась признавать независимость Абхазии и Южной Осетии, удерживая канал связи с Грузией и демонстрируя самостоятельность от Москвы;

¹⁷³ Баку потребовал от Москвы компенсацию в связи с крушением самолета AZAL [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2025. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/1001233> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁷⁴ Азербайджан изменит правила пребывания для россиян [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – 28 декабря. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/28/12/2024/676fd7c09a79477f56b8ad48> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁷⁵ Азербайджан ждет ответных мер от России после закрытия Русского дома [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – 2025. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/02/07/20512994.shtml> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁷⁶ Суздальцев А. В. Республика Беларусь: Эволюция Политики Балансирования Между Союзным Государством Белоруссии И России И Евразийским Экономическим Союзом // Актуальные проблемы Европы. № 1 (109). 2021. С. 193232.

параллельно Минск развивал сотрудничество с Евросоюзом (инициатива «Восточное партнерство»), рассчитывая на кредиты и рынки сбыта, но не переходя «красных линий» для Кремля. Такая двойственная позиция давала Беларуси определенные дивиденды в сфере безопасности и экономики – Россия субсидировала белорусскую экономику (через дешевые энергоносители, кредиты) в обмен на союзничество, а Запад воздерживался от жесткого давления, пока была надежда оторвать Минск от Москвы.

Однако многовекторность Белоруссии всегда имела ограниченный характер, учитывая глубокую зависимость страны от РФ. После президентских выборов 2020 г. и последовавших массовых протестов ситуация резко изменилась: политический режим Республики Беларусь, подвергшись санкциям и изоляции со стороны Запада, окончательно повернулся лицом к Москве¹⁷⁷. Фактически с 2020–2021 гг. белорусское руководство отказалось от прежней балансировки и ускорило интеграцию с Россией (подписаны «дорожные карты» Союзного государства, допущено расширенное военное присутствие РФ на территории РБ и др.). В результате многовекторная политика Минска практически сошла на нет, а страна оказалась под российским влиянием.

Таким образом, белорусский кейс демонстрирует двойственность многовекторной стратегии: с одной стороны, она помогала режиму выживать в качестве «маятника» между Москвой и Европой, но с другой – в критический момент внутреннего кризиса балансирование было пожертвовано ради немедленного политического выживания, что привело к утрате значительной части суверенных возможностей внешней политики¹⁷⁸.

Таким образом, в ходе анализа концепции многовекторности в международных отношениях была проведена систематизация теоретических подходов, позволяющих глубже понять сущность данного феномена. На основе изучения реалистической и неореалистической парадигм установлено, что

¹⁷⁷ Кузьмина Е. М. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2022. – №5 (575). – С. 8-28.

¹⁷⁸ Сергеев Н. М., Волков Г. Ю. Республика Беларусь и Специальная военная операция // Постсоветский материк. – 2023. – № 2 (38). – 27-45.

многовекторность является не только инструментом балансирования между центрами силы, но и элементом стратегического позиционирования государства в условиях глобальной конкуренции.

Анализ содержания многовекторности показал, что данная концепция не является строго идеологической, а представляет собой прагматическую стратегию, направленную на максимизацию национальных интересов через взаимодействие с различными акторами. В этом контексте особое значение приобретают такие элементы, как гибкость внешнеполитического курса, способность маневрировать между различными политическими блоками и адаптироваться к изменениям международной среды.

В рамках исследования рассмотрены ключевые характеристики многовекторности. Было выявлено, что многовекторность позволяет государству избегать вовлечения в геополитические конфликты и одновременно сохранять возможности для взаимодействия с различными международными акторами. Также отмечено, что концепция многовекторности в условиях современной международной системы трансформируется, в ряде случаев приобретая новые формы, связанные с адаптацией к динамично меняющемуся глобальному контексту.

Исследование многовекторной политики в контексте постсоветского пространства продемонстрировало, что данный подход наиболее активно реализуется в Центральной Азии, особенно в Узбекистане и Казахстане. Эти государства стремятся выстраивать сбалансированные отношения как с региональными партнерами, так и с глобальными центрами силы, включая Россию, Китай и США. В этом аспекте было показано, что многовекторность в Центральной Азии формируется под воздействием не только внешних, но и внутренних факторов, таких как экономическое развитие, демографические процессы и внутренняя политическая стабильность.

Анализ многовекторной внешней политики в странах постсоветского пространства показывает, что данная стратегия, несмотря на свою привлекательность в обеспечении гибкости и суверенитета, сталкивается с

серьезными вызовами в условиях меняющейся геополитической конъюнктуры. В ходе исследования выявлены несколько ключевых аспектов, определяющих эффективность и устойчивость многовекторного курса.

Во-первых, многовекторность, как стратегия, ориентированная на балансирование между различными центрами силы, позволяла постсоветским государствам минимизировать риски чрезмерной зависимости от одного актора, будь то Россия, Китай, США или Европейский Союз. Особенно успешно этот подход реализовывался Казахстаном, который на протяжении десятилетий выстраивал отношения с основными мировыми державами, извлекая экономические и политические выгоды. Однако растущая конкуренция между глобальными и региональными игроками сузила пространство для маневра, вынуждая Астану корректировать свои внешнеполитические приоритеты.

Во-вторых, устойчивость многовекторности зависит от внутренних ресурсов государства, его экономического потенциала и стратегической важности для международных партнеров. Казахстан и Азербайджан, обладая значительными энергетическими ресурсами, имели большую свободу в формировании независимой внешней политики. В отличие от них, Армения, в силу своей геополитической уязвимости и зависимости от России в сфере безопасности, оказалась неспособной поддерживать многовекторный курс и была вынуждена совершить резкий внешнеполитический разворот в сторону Запада.

В-третьих, многовекторность не является статичной стратегией, а претерпевает трансформации в зависимости от внешнеполитической среды и внутренних вызовов. Беларусь, изначально придерживавшаяся гибкой дипломатии между западными и восточными странами, после внутривнутриполитического кризиса 2020 года и выбора между Россией и ЕС, практически отказалась от многовекторности в пользу интеграции с Россией. Этот пример показывает, что в условиях политических кризисов балансирование уступает место вынужденному выбору геополитического вектора.

В-четвертых, государства Центральной Азии демонстрируют разные модели многовекторности: Казахстан и Узбекистан стремятся к выстраиванию

автономной внешней политики, используя интеграционные механизмы в рамках регионального сотрудничества, в то время как Туркменистан придерживается стратегии нейтралитета. Это подчеркивает многообразие подходов к многовекторности в зависимости от национальных интересов и геополитического положения.

Многовекторная внешняя политика остается важным инструментом для постсоветских государств, но ее успешная реализация требует гибкости, экономической устойчивости и способности адаптироваться к изменениям в глобальной системе. В долгосрочной перспективе эффективность данной стратегии будет зависеть от способности государств балансировать между интересами крупных геополитических акторов, избегая чрезмерной зависимости и обеспечивая собственный суверенитет.

Таким образом, многовекторность представляет собой динамичную внешнеполитическую стратегию, позволяющую государствам, особенно малым и средним, адаптироваться к сложной международной среде. В ходе анализа было выявлено, что ее успешная реализация требует четкого понимания национальных интересов, умения балансировать между различными политическими силами и использовать механизмы многосторонней дипломатии для защиты собственного суверенитета и обеспечения устойчивого развития.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПРИМЕНЕНИЯ МНОГОВЕКТОРНОГО ПОДХОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

2.1. Современный характер внешнеполитических отношений с Российской Федерацией

Центр Стимсона в докладе о 2025 году спрогнозировал углубление международных конфликтов, рост международного напряжения и неопределенность¹⁷⁹. С этим прогнозом согласны и другие международные организации — Council on Foreign Relations¹⁸⁰, S&P Global¹⁸¹, World Economic Forum¹⁸².

В этих условиях Республика Узбекистан будет вынуждена на практике реализовывать принципы многовекторной политики¹⁸³¹⁸⁴. Конфликты в Сирии, Украине и Израиле напрямую влияют на внутреннюю и внешнюю политику Узбекистана¹⁸⁵. США, Россия и Китай являются ключевыми игроками в регионе. Поэтому в рамках данного исследования мы сосредоточимся именно на них, как крупных глобальных игроках, а также проанализируем взаимоотношения внутри центральноазиатского региона.

Помимо того, что Узбекистан выстраивает продуктивные отношения со своими соседями, он также развивает и средства защиты, армию. К 2018 году примерно 4% ВВП страны или более 1,4 миллиарда долларов были потрачены на

¹⁷⁹ Stimson Center. Top Ten Global Risks for 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stimson.org/2025/top-ten-global-risks-for-2025/> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸⁰ Council on Foreign Relations. Conflicts to Watch in 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/report/conflicts-watch-2025> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸¹ Geopolitical Risk [Электронный ресурс] // S&P Global. – Режим доступа: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/market-insights/geopolitical-risk> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸² World Economic Forum. Global Risks Report 2025: A World of Growing Divisions [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2025/in-full/global-risks-2025-a-world-of-growing-divisions-c943fe3ba0/> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸³ Жумаханов Ш. З., Тошпулатов А.М. Географические и геополитические факторы внешней политики Узбекистана // Центральноазиатский журнал географических исследований. – 2023. – № 3 (4). – С. 39-48.

¹⁸⁴ Утамбетова М. М. Роль дипломатии в интеграции Республики Узбекистан в мировое сообщество // Теория и практика современной науки. – 2021. – №7 (73). – С. 131-134.

¹⁸⁵ Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М. Воздействие внешних акторов на современные интеграционные процессы в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – №74. – С. 106-114.

оборону страны¹⁸⁶. Армия Узбекистана считается наиболее технологической, эффективной и мобильной на территории всей Центральной Азии.

Страна исповедует многовекторный подход к международным игрокам, поэтому даже в рамках отношений с одной страной по одному вопросу может с ней сотрудничать, а по другой нет. Например, Узбекистан не состоит в ОДКБ и Таможенном союзе, но закупает российское вооружение по российским ценам¹⁸⁷. Это единственное государство, у которого есть такие права. Россия заинтересована в укреплении связей с Узбекистаном, учитывая стратегическое положение страны в Центральной Азии и ее роль в обеспечении региональной безопасности. Поставки вооружения способствуют поддержанию и развитию российского оборонно-промышленного комплекса.

После распада Советского Союза Узбекистан столкнулся с необходимостью формирования национальной идентичности, в рамках которой был сделан акцент на развитие узбекского языка в качестве государственного. Существенное влияние на социально-экономическую ситуацию оказал отток русскоязычного населения, включая специалистов редких и востребованных профессий, что способствовало изменению структуры кадрового потенциала страны.

Россия в этот период стремилась к интеграции всего постсоветского пространства в СНГ для экономического сотрудничества¹⁸⁸. Это подразумевало и включение Узбекистана в это объединение.

С момента обретения независимости Узбекистан выстраивал прагматичные отношения с Российской Федерацией, балансируя между стратегическим партнерством и сохранением внешнеполитической автономии. Отношения между двумя государствами основаны на широком спектре соглашений, направленных на развитие политического, экономического и гуманитарного сотрудничества.

¹⁸⁶ Обнародована сумма, затраченная Узбекистаном на импорт вооружений в 2018 году [Электронный ресурс] // Kun.uz. – 2019. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/95411361> (дата обращения: 13.04.2025)

¹⁸⁷ Сафронов И., Габуев А. Список, вооружающий воображение [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2017. – 6 сентября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3428668> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸⁸ Ахмедов Х. Т. Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 1180–1186.

В 1992 году страны подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве¹⁸⁹. По договору Россию инвестировала в отдельные отрасли Узбекистана, в основном, транспорт, сельское хозяйство и энергетику. В 2004 году был подписан Договор о стратегическом партнерстве, он охватывает координацию во внешней политике, взаимодействие в вопросах безопасности и укрепление дружеских связей¹⁹⁰. В 2005 году был подписан Договор о союзнических отношениях¹⁹¹, который закрепил союзнический характер отношений. Наиболее актуальный документ, регулирующий отношения между двумя странами — Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 2022 года¹⁹². Декларация подтвердила намерение сторон всесторонне углублять стратегическое сотрудничество и координацию политики.

С этого времени были подписаны программы экономического сотрудничества на различные периоды (2003–2010, 2013–2017, 2015–2019, 2019–2024, 2022–2026 годы). Сотрудничество охватывает сферы торговли, промышленности, энергетики, сельского хозяйства, финансов и научно-технического взаимодействия. Особое внимание уделяется энергетике и атомной отрасли с участием российских компаний («Газпром», «Лукойл», «Росатом»).

Культурное взаимодействие между Россией и Узбекистаном регулируется соглашением от 19 марта 1993 года, охватывающим культуру, науку, образование, здравоохранение, информацию, спорт и туризм. На его основе регулярно заключаются двусторонние программы культурного сотрудничества, включающие проведение Дней культуры, совместные выставки и фестивали.

¹⁸⁹ Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 30 мая 1992 года [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4084 (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹⁰ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3755/86908> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹¹ Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 14 ноября 2005 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3755/86908> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹² Россия и Узбекистан подписали декларацию о стратегическом партнерстве [Электронный ресурс] // NEWS.ru. – 2022. – 15 сентября. – Режим доступа: <https://news.ru/world/rossiya-i-uzbekistan-podpisali-deklaraciju-o-strategicheskom-partnerstve/> (дата обращения: 09.03.2025).

Межправительственным соглашением от 2017 года о сотрудничестве в области туризма¹⁹³. Данный документ способствовал росту взаимных туристических потоков, развитию совместных туристических программ, укреплению контактов туристических агентств и обмену опытом по организации туризма. К 2024 году туристический поток из России в Узбекистан вырос в 10 раз и составил больше 400 000 человек¹⁹⁴.

Эти документы создали прочную политико-правовую базу отношений. По состоянию на 2020 год договорно-правовая база насчитывала около 340 двусторонних документов, охватывающих практически все сферы взаимодействия. Активно идет контакт на уровне визитов руководящих лиц обеих стран, только за 2020 года таких встреч состоялось больше 80¹⁹⁵.

Помимо официальных государственных визитов, регулярные контакты руководителей России и Узбекистана осуществляются на многосторонних международных площадках. Так, встречи лидеров двух стран состоялись в сентябре 2017 года и июне 2019 года в рамках саммитов Шанхайской организации сотрудничества, а в декабре 2019 года – на неформальном заседании лидеров государств СНГ, проходившем в Санкт-Петербурге. Кроме того, важное значение имел рабочий визит Президента Узбекистана Ш. Мирзиева в Российскую Федерацию 21 ноября 2021 года, результатом которого стало подписание восемнадцати межгосударственных документов, охватывающих такие направления, как обеспечение ядерной, биологической и информационной

¹⁹³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о развитии сотрудничества в области туризма от 5 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420395639> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹⁴ Минэкономразвития России. Дмитрий Вольвач: количество российских туристов в Узбекистан увеличилось почти в десять раз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – 2023. – 17 февраля. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_kolichestvo_rossijskih_turistov_v_uzbekistan_v_desyat_raz.html (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁹⁵ Узбекистан и Россия отмечают 28-летие сотрудничества [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – 2020. – 20 марта. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/13346/uzbekistan_i_rossija_otmechajut_28letie_sotrudnichestva (дата обращения: 09.03.2025).

безопасности, а также утверждение комплексной программы экономического сотрудничества на очередной пятилетний период¹⁹⁶.

К концу 90-х в Центральной Азии решала вопрос безопасности боролась с ростом террористических актов¹⁹⁷. Такие вопросы подразумевают кооперацию с другими странами в регионе для их совместного решения. В этот период Узбекистан активно включался в миротворческие миссии ООН вместе с Россией по всему миру.

Тренд на упрочение торгово-экономических отношений продолжился в 2000-е. Россия по-прежнему финансово помогала стране, а Узбекистан стал главным союзником по вопросам безопасности для России в Центральной Азии. Одновременно с этим, Россия выступала против прямых связей между ЕС и странами Центральной Азии. Россия стремилась сохранить Узбекистан в своей сфере влияния и предлагала альтернативные форматы взаимодействия — СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. Это ограничивало возможности Узбекистана для самостоятельного выстраивания внешнеполитических связей, в том числе с ЕС. Россия контролировала ключевые газовые и нефтяные трубопроводы, по которым узбекские энергоресурсы экспортировались в Европу. Это позволяло Москве ограничивать доступ Узбекистана к альтернативным рынкам сбыта и укреплять его зависимость от России¹⁹⁸.

Через механизмы ОДКБ и двусторонние соглашения Россия демонстрировала свою роль гаранта безопасности в Центральной Азии¹⁹⁹, что ограничивало возможность Узбекистана развивать военно-техническое сотрудничество с ЕС и странами НАТО.

¹⁹⁶ Встреча с Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиевым [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – 2021. – 19 ноября. – Режим доступа: <https://kremlin.ru/events/president/news/67142> (дата обращения: 09.03.2025)

¹⁹⁷ Мирасаров М.П., Петрова М. В. Роль Республики Узбекистан в укреплении мира и безопасности в рамках СНГ // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 150-158.

¹⁹⁸ Jahangir K. (2004). Uzbek-Russian economic relations and the impact of the Russian economic performance on Uzbekistan's growth and foreign trade. *Central Asia and the Caucasus*. – 2024. – № 1 (25). – P. 167-172.

¹⁹⁹ Бабылева С. П., Черненко Е. Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 505-520.

Российско-узбекистанские отношения с 2010 года характеризуются поступательным развитием стратегического партнерства, опирающимся на разветвленную договорно-правовую базу и регулярные контакты на высшем политическом уровне. Фундаментом для этого взаимодействия стал подписанный в 2005 году Договор о союзнических отношениях²⁰⁰, закрепивший принципы взаимной поддержки и долгосрочного сотрудничества. Несмотря на решение Узбекистана о приостановлении членства в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в июне 2012 года²⁰¹, двусторонний диалог не только сохранился, но и продолжил интенсивно развиваться. Подтверждением значимости партнерства стало решение России в декабре 2014 года списать задолженность Узбекистана на сумму 865 млн долларов США²⁰².

Смена руководства Узбекистана в 2016 году, когда пост президента занял Шавкат Мирзиев, способствовала активизации российско-узбекистанского сотрудничества. Государственный визит президента Мирзиева в Москву в апреле 2017 года придал новый импульс двусторонним отношениям, в рамках которого были подписаны соглашения, отражающие значительное совпадение подходов по ключевым региональным и международным вопросам. Особое внимание уделялось военно-техническому сотрудничеству, борьбе с терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью, а также вопросам водных и экологических ресурсов Центральной Азии.

Одновременно с политическим сближением активно развивалось и экономическое партнерство. Россия стабильно занимает позицию одного из ключевых торгово-экономических партнеров Узбекистана. В 2016 году двусторонний товарооборот составил около 2,7 млрд долларов США²⁰³. В

²⁰⁰ Allison, Roy. Security Cooperation between Western States and Russia over Central Asia/Afghanistan: The Changing Role of Uzbekistan [Электронный ресурс] / Roy Allison. – 2008. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/241108_rep_allison.pdf (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰¹ Узбекистан официально приостановил членство в ОДКБ [Электронный ресурс] // Forbes.ru. – 2012. – 28 июня. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/news/231202-uzbekistan-ofitsialno-priostanovil-chlenstvo-v-odkb> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰² Путин списал Узбекистану долг в размере \$865 млн [Электронный ресурс] // РБК. – 2016. – 5 апреля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/05/04/2016/57041af49a7947220df53400> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰³ Статистика экспорта России в Узбекистан в 2016 году [Электронный ресурс] // World Integrated Trade Solution (WITS), Всемирный банк. – 2016. – Режим доступа:

последующие годы взаимный товарооборот демонстрировал устойчивый рост благодаря реализации новых инвестиционных проектов и подписанию межправительственных соглашений, охватывающих сферы энергетики, промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Одним из наиболее значимых проектов стало соглашение о строительстве первой в Центральной Азии атомной электростанции на территории Узбекистана с участием российской государственной корпорации «Росатом»²⁰⁴. Также развивались совместные проекты российских и узбекских компаний в области промышленности и энергетического сектора.

В начале 2020-х годов произошло дальнейшее укрепление двусторонних связей на институциональном уровне. В декабре 2020 года Узбекистан получил статус государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе, что свидетельствует о готовности страны к интеграционному взаимодействию в экономической сфере на постсоветском пространстве²⁰⁵. В ноябре 2021 года стороны утвердили Комплексную программу экономического сотрудничества на 2022–2026 годы²⁰⁶, затрагивающую широкий спектр отраслей. В сентябре 2022 года была подписана Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве²⁰⁷, подтвердившая особый характер двусторонних отношений. В условиях международного кризиса, связанного с конфликтом вокруг Украины, Узбекистан занял нейтральную позицию, не присоединившись к антироссийским санкциям, при этом последовательно подчеркивая важность соблюдения международного права и территориальной целостности государств.

<https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUSSIA/Year/2016/TradeFlow/Export/Partner/UZB/Product/All-Groups> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰⁴ Россия и Узбекистан подписали соглашения на \$6,2 миллиарда [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 16 мая. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190516/1553530361.html> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰⁵ Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2020. – 11 декабря. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/11/eaeu/> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰⁶ Министерство экономического развития Российской Федерации. Россия и Узбекистан подписали комплексную программу экономического сотрудничества на 2022–2026 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_uzbekistan_podpisali_kompleksnuyu_programmu_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_na_2022_2026_gody.html (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰⁷ Кремль. Совместное заявление по итогам заседания Межгосударственного совета ЕАЭС и саммита СНГ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 13.03.2025).

Экономическое сотрудничество не только сохранилось, но и существенно усилилось: в 2022 году товарооборот между Россией и Узбекистаном достиг исторического максимума в 9,28 млрд долларов США, что подчеркивает устойчивость и взаимную выгоду торговых связей²⁰⁸. В товарной структуре доминируют энергоносители, промышленные товары, оборудование и продукция сельского хозяйства. Важное значение сохраняет трудовая миграция граждан Узбекистана в Россию, оказывающая позитивное влияние на экономику обеих стран.

Таким образом, российско-узбекистанские отношения с 2010 года характеризуются поступательным развитием, укреплением политического диалога и экономическим взаимодействием, основанным на стратегических интересах и взаимной выгоде, что подтверждается развитой договорно-правовой базой и практическими результатами сотрудничества.

Во внешней политике Узбекистан с начала своей независимости стремился к ускоренному установлению партнерских отношений со странами Запада и Востока²⁰⁹. Страна стала участником Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организации Объединенных Наций (ООН), а с 2002 года страна сотрудничает с Организацией Североатлантического альянса (НАТО). Помимо этого, Узбекистан стремился к точному определению границ со странами-соседями по региону: Казахстану, Туркменистану, Таджикистану и Кыргызстану²¹⁰.

Россия помимо плацдарма для трудовой миграции узбекистанцев, служит также инвестором для развития и модернизации топливно-энергетического сектора Узбекистана²¹¹. Узбекистану необходимо решить проблему нехватки газа для собственного потребления. Истощение сразу и газа, и нефти, приводит страну

²⁰⁸ Россия и Китай обсудили развитие таможенного сотрудничества [Электронный ресурс] // Альта. – 2023. – Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/96990/ (дата обращения: 13.03.2025).

²⁰⁹ Алиева С. И. Новые и старые внешнеполитические ориентиры республик Кавказа и Центральной Азии в постсоветский период // Современная научная мысль. – 2021. – № 4. – С. 164–169.

²¹⁰ Султанов Ш.М. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. – 2020. – №1 (133). – С. 20–26.

²¹¹ Исакулов Ш.Н. Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. – 2021. – №4. – С. 161–174.

к зависимости от энергоносителей при импорте из других стран, в том числе — России²¹².

Попытка решить внутренние проблемы Узбекистана связаны со сменой внешней политики. Для получения доступа к мировому капиталу и укрепления своих позиций на мировом рынке, стране пришлось стать дружелюбнее для инвесторов. Для этого и было необходимо провести те реформы, которые этот капитал привлекли²¹³. Сначала Узбекистан решил проблему принудительного детского труда по сбору хлопка. Эта проблема привела к запрету США на ввоз узбекского хлопка и только в 2019 году были сняты ограничения. Международная организация труда (МОТ) только в 2021 году заявила, что Узбекистан избавился от принудительного труда при сборе хлопка²¹⁴. Валютная реформа с разрешением обмена узбекских сумов на иностранные валюты также открыла рынок для международных компаний.

Накопившиеся экономические проблемы привели к созданию стратегии «Нового Узбекистана»²¹⁵²¹⁶. Помимо внутренних направлений для развития, вроде укрепления демократических институтов и развитие рыночной экономики, она подразумевает и корректировку внешней политики страны²¹⁷.

Согласно стратегии «Нового Узбекистана», страна будет выстраивать внешнюю политику на следующих принципах:

Защита национальных интересов является важнейшим приоритетом. Цель любого взаимодействия с международными акторами сводится либо к защите, либо к продвижения национальных интересов страны.

²¹² Грозин А.В. Топливо-энергетический сектор экономики Узбекистана: состояние и проблемы // Геоэкономика энергетики. – 2021. – №1. – С. 136-156.

²¹³ Абдукодирова Н. А. Новый Узбекистан – новые соседи: перспективы сотрудничества со странами СНГ // Экономика и социум. – 2021. – № 8 (87). – С. 88–91.

²¹⁴ Uzbek cotton is free from systemic child labour and forced labour // International Labour Organization. Режим доступа: <https://www.ilo.org/resource/news/uzbek-cotton-free-systemic-child-labour-and-forced-labour> (дата обращения: 08.05.2024).

²¹⁵ Указ Президента Республики Узбекистан о стратегии «Узбекистан – 2030» № УП-158 от 11 сентября 2023 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/6600404> (дата обращения: 03.05.2025).

²¹⁶ Tulaganova G. Z., Ibratova F. B., Ruziev B.M. The Development Strategy of New Uzbekistan is the Path to New Opportunities // International Journal of Professional Science. – 2022. – № 9. – P. 33-36.

²¹⁷ Туляков Э., Хакимов Ф. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана // Strategy of Uzbekistan. – 2020. – № 4. – С. 111-116.

Прагматизм. Взаимодействие с другими странами должно строиться исключительно на принципах, которые ведут к выгоде Узбекистана. Это могут быть как политические выгоды, например, выстраивание пояса безопасности вокруг своей территории при участии стран Центральной Азии. Так и экономические, предоставление торговых узлов для Китая с целью модернизации территорий Республики Узбекистан, через которые эти узлы пойдут.

Выстраивание отношений с другими странами происходит как на межгосударственном уровне двух и более стран, так и через международные платформы — ООН и ВТО²¹⁸.

Реформы внутренней и внешней политики Узбекистана идут единым пакетом в рамках концепции Нового Узбекистана²¹⁹.

При этом, Узбекистан старается соблюдать баланс собственных интересов и международного капитала. В стране действует законодательство, которое обязывает иностранные компании «заземляться», что зачастую не нравится представителям компания, которые занимаются разработкой социальных сетей. Крупные технические гиганты Apple, Google, Netflix, Яндекс присутствуют на рынке и предоставляют свои услуги в Узбекистане.

Взаимодействие с Россией строится на взаимном уважении. С одной стороны, Узбекистан уважает стремление и волю России к доминированию в регионе, но с другой стороны, старается не попасть под вторичные санкции со стороны США и ЕС.

Россия инвестировала в Центральную Азию примерно 50 миллиардов долларов за период с 2008 по 2021 годы²²⁰, причем основные траты ушли на экономические и энергетические сферы. Помимо экономических связей, Узбекистан проводит совместные мероприятия с Россией по борьбе с международным терроризмом, а также контролю за миграционным потоком. Например, регулярные учения «Южный щит» для координации борьбы с

²¹⁸ Тошманова М. Ш. Влияние либерализации внешнеторговой политики на экономику и конкурентоспособность Узбекистана // Экономика и социум. – 2022. – №3–2 (94). – С. 848–851.

²¹⁹ Хайдаралиев Ш. Новый Узбекистан новая политика // Общество и инновации. – 2021. – №8/S. – С. 570–573.

²²⁰ Объем помощи РФ странам Центральной Азии за последние 3 года составил около 3 трлн рублей // ТАСС. – 2021. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11421837> (дата обращения: 09.03.2025)

терроризмом²²¹, обмен данных в рамках Антитеррористического центра СНГ²²² и совместный контроль за миграцией.

С момента обретения независимости, Узбекистан развивает двусторонние отношения с Россией. Республика хотела выстроить прагматичные отношения на взаимовыгодных условиях, с признанием независимости и суверенитета Узбекистана. Но и одновременно с этим получить от России экономическую помощь, а также решить неотложные вопросы национальной безопасности. К ключевым документам для совместного партнерства можно отнести:

- Протокол об установлении дипломатических отношений;
- Соглашение о стратегическом партнерстве;
- Соглашение о союзнических отношениях.

Переговоры между странами проходят на уровне первых лиц стран, а также ведущих политических сил. Президент Узбекистана всегда присутствует празднике 9 мая.

В отношениях с Россией тоже проявляется многовекторность Узбекистана. С одной стороны, Россия — это давний союзник и партнер страны по экономике, безопасности и инвестициям²²⁴. С другой стороны, Узбекистан не является членом ОДКБ, не вступает в ЕАЭС. Страна придерживается принципа ограниченного сотрудничества по небольшому кругу вопросов. Но Узбекистан отказывается ограничить часть своего суверенитета в пользу наднациональных организаций, а также отказывается вступать в интеграционные союзы, которые будут диктовать Республике экономическую политику²²⁵.

²²¹ Совместные военные учения России и Узбекистана на полигоне «Фориш» // KUN.UZ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kun.uz/ru/13602660> (дата обращения: 12.03.2025).

²²² Совместные антитеррористические учения стран СНГ «Восток-Антитеррор-2023» // Антитеррористический центр СНГ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/133> (дата обращения: 12.03.2025).

²²³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965/ (дата обращения: 12.03.2025).

²²⁴ Моховикова М. Н. Узбекистан в проектах регионального партнерства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 60-73.

²²⁵ Нурматов А. Узбекистан в контексте региональной экономической интеграции // Life Sciences and Agriculture. – 2020. – № 2–2. – С. 166-169.

Например, в начале правления Мирзиёева Узбекистан и Россия заключили крупномасштабные экономические соглашения, а затем расширили сотрудничество в таких областях, как подготовка кадров для обороны, развитие атомной энергетики и культурные обмены. Однако Узбекистан, не присоединился к военному альянсу Москвы (Организации Договора о коллективной безопасности), сохранив свободу действий. Когда в 2022 году началась СВО России на Украине, Узбекистан отказался поддержать российскую кампанию и заявил о поддержке территориальной целостности Украины, но при этом воздержался от международных резолюций, прямо осуждающих Москву²²⁶. Эта сбалансированная реакция стала примером более широкой стратегии Ташкента, заключающейся в том, чтобы подстраховаться между интересами великих держав — обозначить свою принципиальную позицию в отношении суверенитета, но при этом не вызывать явного отторжения у России.

Узбекистан старается ограниченно участвовать в региональных экономических союзах, которые предлагает Россия. Причина тому – стремление сохранить отношения с другими странами. Помимо этого, Узбекистан хочет быть экономически независимым государством для того, чтобы из-за возможной экономической зависимости не стать еще и политически зависимым государством. Для узбекистанцев такой сценарий означал бы потерю независимости и суверенитета.

Поэтому Узбекистан не ратифицировал большинство соглашений ЕАЭС, а также неоднократно разрывал отношения с этим объединением. Используя многовекторный подход в политике, страна старается расширить свои торговые и экономические связи, но ровно до того предела, когда появляется необходимость вступить в политический союз.

Россия и Узбекистан выстраивают сотрудничество, основанное на стратегическом партнерстве и принципах взаимного уважения. Внешнеполитическая доктрина Узбекистана предполагает многовекторный

²²⁶ Anadolu Agency. Uzbekistan supports territorial integrity of Ukraine [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/world/uzbekistan-supports-territorial-integrity-of-ukraine/2538618> (дата обращения: 13.03.2025).

подход, что позволяет стране балансировать между крупными международными игроками, включая Россию, США и Китай. В экономической сфере отношения с Россией носят преимущественно прагматичный характер, с акцентом на торговлю, инвестиции и энергетику, однако Узбекистан избегает участия в интеграционных наднациональных объединениях, таких как ОДКБ и ЕАЭС, стремясь сохранить независимость в принятии решений.

В вопросах безопасности и миграции страны проводят регулярные переговоры, координируют усилия в борьбе с терроризмом и организуют совместные проекты, направленные на урегулирование миграционных потоков. Россия остается важным инвестором в узбекскую экономику, а также ключевым партнером в области военно-технического сотрудничества. Однако Узбекистан придерживается политики ограниченного взаимодействия, развивая отношения только в тех сферах, которые соответствуют его национальным интересам.

Таким образом, российско-узбекистанские отношения можно охарактеризовать как динамично развивающиеся, но имеющие четкие границы, определяемые интересами Ташкента. Узбекистан продолжает реализовывать стратегию "Нового Узбекистана", направленную на укрепление экономической независимости, расширение внешнеполитических связей и поддержание внутренней стабильности.

2.2. Внешняя политика Узбекистана в странах Центральной Азии

После распада СССР страны Центральной Азии попытались создать функциональное и эффективное объединение для интеграции своих государств в регионе²²⁷. В 1994 году было создано Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), которое в 1998 году получило свое официальное название. Российская Федерация стала участником данной организации в начале 2000-х годов, а впоследствии она была интегрирована в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В настоящее время деятельность данной организации носит преимущественно символический и дипломатический характер, не являясь

²²⁷ Гарбузарова Е. Г. Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве на примере постсоветских стран Центральной Азии // Обозреватель – Observer. – 2019. – №11 (358). – С. 66-77.

эффективной платформой для решения актуальных социально-экономических и политических проблем Центрально-Азиатского региона²²⁸.

Узбекистан старается проводить эффективную политику и четко обозначать свои национальные интересы. Пока мировое сообщество меняется после запущенных в 2022 году процессов, Республика Узбекистан адаптируется под запросы разных игроков в регионе, учитывает их интересы и старается реализовать собственные. РУЗ активно сотрудничает с СНГ, в 2021 году, доля стран СНГ в обороте внешней торговли РУЗ составила 40,3%. Ключевое направление сотрудничества – транспортные коридоры.

Узбекистан сыграл ключевую роль в инициировании и продвижении идеи создания безъядерной зоны в Центральной Азии, что отражает стратегические приоритеты государства в области региональной безопасности и стабильности. Данный шаг следует рассматривать в контексте долгосрочной политики самоограничения в сфере военного потенциала, направленного на предотвращение гонки вооружений в регионе и минимизацию угроз, связанных с распространением ядерного оружия.

Центральноазиатская безъядерная зона (ЦАБЗ) была официально закреплена в 2006 году подписанием Семипалатинского договора²²⁹, участниками которого стали Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Однако ключевую роль в данном процессе играл именно Ташкент, который выступил инициатором переговоров и активным лоббистом создания данного механизма. Основным мотивом Узбекистана заключался в том, чтобы исключить возможность появления в регионе ядерного оружия и предотвратить повторение сценариев, подобных иранскому, когда развитие военной ядерной программы привело к международной изоляции и экономическим санкциям. Таким образом, Ташкент осознанно выбрал политику превентивного ограничения, направленную на укрепление международного имиджа государства как

²²⁸ Рахимова М. А. Некоторые особенности развития процессов межгосударственного экономического сотрудничества на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 136-142.

²²⁹ Ахтамзян И. А., Кутнаева Н. О подписании договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии // Индекс безопасности. – 2007. – № 1. – С. 131–136.

ответственного участника глобальной системы нераспространения ядерного оружия.

Важность данной инициативы также обусловлена геополитическими реалиями региона. Центральная Азия граничит с рядом государств, обладающих ядерным потенциалом (Россия, Китай, Пакистан, Индия), а также с государствами, чьи ядерные амбиции вызывали обеспокоенность международного сообщества (Иран). В этом контексте безъядерный статус региона стал инструментом обеспечения стратегической автономии стран Центральной Азии и предотвращения вовлеченности региона в потенциальные конфликты, связанные с ядерным оружием. Кроме того, это позволило Узбекистану укрепить свою роль в международных структурах, таких как ООН и МАГАТЭ, за счет демонстрации приверженности нормам глобальной безопасности.

Параллельно с этим Узбекистан занимает активную позицию в вопросах борьбы с международным терроризмом. Географическое положение страны делает ее уязвимой перед трансграничными угрозами, исходящими из нестабильных регионов, таких как Афганистан. В связи с этим Ташкент проводит политику жесткого контроля над радикальными группировками, а также участвует в различных международных инициативах по противодействию терроризму. Узбекистан активно сотрудничает с Россией, Китаем, США, а также с международными организациями, такими как ШОС и СНГ, в сфере обмена разведывательной информацией, пресечения деятельности экстремистских организаций и предотвращения вербовки боевиков.

Следует также отметить, что Узбекистан не ограничивается исключительно военными и силовыми методами борьбы с терроризмом. Важное место в политике государства занимает работа по предотвращению радикализации населения. Развитие образовательных программ, религиозное просвещение, контроль над финансированием радикальных организаций и меры по социальной реабилитации бывших членов террористических группировок стали частью комплексного подхода Узбекистана к борьбе с экстремизмом.

Таким образом, Узбекистан демонстрирует системный подход к вопросам региональной и международной безопасности. Будучи инициатором создания безъядерной зоны в Центральной Азии, страна не только закрепила свою приверженность принципам нераспространения ядерного оружия, но и сформировала новый механизм коллективной безопасности в регионе. Вопросы борьбы с международным терроризмом дополняют данную политику, делая Узбекистан ключевым актором в обеспечении стабильности Центральной Азии.

Основными направлениями для сотрудничества Узбекистана можно выделить страны Центральной Азии, Россию, Китай, Казахстан и Беларусь²³⁰. Узбекистан не является членом ЕАЭС, но внутривластная дискуссия о вступлении не перестает быть актуальной. Экономика страны растет, в 2023 году рост составил 6%. Если страна вступит в ЕАЭС, потенциально ее ВВП может вырасти на 1,4% – 1,7% в долгосрочной перспективе²³¹. Страна может запустить сразу два транспортных потока при участии Китая и России. Первый будет ориентирован на транспортные узлы Китая через Центральную Азию и часть стран СНГ до ЕС. Второй будет ориентирован на страны Персидского залива

Участие в ЕАЭС позволит Узбекистану решить одну из главных внутренних проблем страны – модернизировать топливно-энергетическую сферу. В 2023 году Ташкент и Самарканд остались практически полностью без электричества, газа и горячей воды. Местное производство не выдержало рекордных холодов во время зимы в период с наступления холодной погоды в ноябре и заканчивая концом февраля. Эти проблемы привели к отставке во внутривластном блоке, был уволен со своего поста мэр города Ташкент.

Примерно на 66% изношены магистральные сети, на 50% трансформаторные пункты²³². Помимо этого, в регионах страны развита коррупция и кража электричества и газа, с чем местные власти борются

²³⁰ Кузнецова С. И. Бор А. Узбекистан: внутренняя и внешняя политика // Центральная Азия: десять лет независимости. – 2001. – № 2001. – С. 32-37.

²³¹ Исполнительный комитет СНГ. Перспективы членства Узбекистана в ЕАЭС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/125396/> (дата обращения: 13.03.2025).

²³² Российский совет по международным делам (РСМД). Перспективы членства Узбекистана в ЕАЭС [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/perspektivy-chlenstva-uzbekistana-v-eaes/> (дата обращения: 13.03.2025).

десятилетиями. Потенциальное вступление в ЕАЭС могло бы решить проблему ограниченности ресурсов, но Узбекистан старается действовать в рамках многовекторной политики, то есть работать с ЕАЭС, но не вступать в организацию из-за сильного влияния России²³³.

В 2017 году новая администрация президента Шавката Мирзиёева решила пересмотреть свои геополитические интересы и позиции²³⁴. Начинается активное подписание межрегиональных договоров сотрудничества между Узбекистаном и странами Центральной Азии. К 2024 году Узбекистан и Казахстан становятся государствами с наиболее частыми визитами президентов и первых лиц правительства в страны друг друга. Такое сотрудничество стало возможным благодаря схожести политических режимов Казахстана с 2019 года при Касым-Жомарте Токаеве и Узбекистана при Шавкате Мирзиёеве с 2016 года, которые оба прошли через референдумы о продлении полномочий президента и закрепления международных норм права в основных законах страны²³⁵.

Несмотря на сохранившиеся разногласия с другими странами-соседями по региону, Узбекистан старается выстроить вокруг себя пояс мира и щит от внешнеполитического влияния. В 2020 году администрацией президента было проведено почти 100 встреч и конференций в рамках программы «Новый Узбекистан». В период с 2017 по 2020 годы было подписано более 300 договоров, сумма контрактов с другими странами составила 75 миллиардов долларов²³⁶. С приходом к власти, Мирзиёев начал решать проблемы, доставшиеся ему от предыдущего руководства – закрепление и демаркация границ Узбекистана и соседних стран, решение об общем пользовании природных ресурсов²³⁷.

²³³ Романчук Е. С. Проблемы участия Узбекистана в российских интеграционных инициативах // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 8. – С. 80-98.

²³⁴ Тахиров Ш.Ш. Становление и развитие основ публичной дипломатии Республики Узбекистан // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. – 2022. – Т. 2. – № 10. – С. 1253-1261.

²³⁵ Алимов Р. К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // Обозреватель – Observer. – 2020. – № 10 (369). – С. 5-20.

²³⁶ UZA. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://uza.uz/ru/posts/druzhestvennoe-sotrudnichestvo-so-stranami-centralnoy-azii-prioritetnoe-napravlenie-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti-uzbekistana_259562 (дата обращения: 9 марта 2025).

²³⁷ Сченснович В.Н. Стратегическое партнерство государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2022. – №1 (323). – С. 66-70.

Был взят курс на углубление взаимодействия со странами Центральной Азии, что выразилось в инициировании Консультативных встреч глав государств региона. Эти встречи, впервые проведенные в 2018 году, стали важной площадкой для обсуждения актуальных проблем и выработки совместных решений, направленных на обеспечение стабильности, безопасности и устойчивого развития. Формат таких встреч позволил укрепить договорно-правовую базу межгосударственного сотрудничества, а также повысить уровень доверия между странами региона. Важным достижением стало подписание двусторонних и многосторонних соглашений, касающихся упрощения визового режима, торгово-экономического сотрудничества, совместного управления водными ресурсами и безопасности границ. Среди наиболее значимых документов можно выделить соглашение о демаркации границы между Узбекистаном и Кыргызстаном, а также совместные инициативы по борьбе с транснациональной преступностью.

Развитие транспортных коридоров также стало важным аспектом региональной политики Узбекистана. Создание и модернизация инфраструктурных проектов, обеспечивающих связь Центральной Азии с другими регионами, служат драйвером экономического роста и углубления региональной интеграции. Важным проектом является строительство железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», направленной на укрепление логистических связей и развитие торговых потоков. Кроме того, активно модернизируются транспортные узлы, такие как международный транспортный коридор «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман» и улучшение автодорожной сети между Ташкентом и соседними государствами. Поддержка таких инициатив со стороны Узбекистана свидетельствует о его стремлении к формированию эффективной системы межгосударственного взаимодействия, ориентированной на долгосрочное развитие.

Помимо региональных инициатив, Узбекистан активно участвует в международных проектах, направленных на привлечение внимания мирового сообщества к Центральной Азии. Важным шагом в этом направлении стала организованная в 2017 году в Самарканде международная конференция под

эгидой ООН «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее», которая заложила основу для дальнейшей интеграции стран региона в мировые экономические и политические процессы.

В 2017–2019 годах началась его новая политика по установлению двух- и многосторонних отношений с другими странами. За этот период годовой товарооборот со странами ЦА составил 5,2 миллиарда долларов. Рост составил больше 50%, а уже в 2020 году сумма была на уровне 5 миллиардов, хотя в мире была пандемия Covid-19, и глобальная экономика была заморожена.

Динамика международных отношений Узбекистана с другими государствами характеризуется волнообразностью, обусловленной чередованием периодов сотрудничества и обострения межгосударственных разногласий. Несмотря на стремление к мирному и партнерскому взаимодействию, нерешенные вопросы, связанные с политическим наследием предыдущих администраций, периодически приводят к возникновению конфликтных ситуаций. Так, в 2017 году между Узбекистаном и Кыргызстаном произошли обострения, вызванные территориальными спорами. В частности, анклавов Сох, Шахмардан, Джангайл и Чон-Гара-Калча, являющиеся административными районами Узбекистана, полностью окружены киргизской территорией, что создает предпосылки для территориальных разногласий. Однако, несмотря на сложность двусторонних отношений, в период пандемии COVID-19 Узбекистан оказал Кыргызстану гуманитарную помощь, предоставив финансовую поддержку в размере 560 000 долларов²³⁸, что свидетельствует о наличии элементов конструктивного взаимодействия даже в условиях потенциальных геополитических разногласий²³⁹. Эту практику Узбекистан повторил в 2024 году, когда направил 200 тонн гуманитарной помощи²⁴⁰.

²³⁸ Kun.uz. Узбекистан предоставил Кыргызстану гуманитарную помощь на 560 тыс. долларов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kun.uz/ru/news/2020/08/04/uzbekistan-predostavil-kyrgyzstanu-gumanitarnuyu-pomoshch-na-560-tys-dollarov> (дата обращения: 9 марта 2025).

²³⁹ Мавланов И.Р. К формированию новой концепции регионального сотрудничества в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 7. – С. 1485-1491.

²⁴⁰ Газета.uz. Узбекистан направил в Ошскую область Кыргызстана гумпомощь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/07/16/kyrgyzstan/> (дата обращения: 9 марта 2025).

Сложный период отношений с Таджикистаном был у Узбекистана с 2002 по 2012 годы. Между странами действовало ограничение транзита грузов, были вопросы по демаркации государственных границ, спорным оставалось использование водных и энергетических ресурсов вблизи двух стран. Решением стало подписание соответствующих договоров, которые решили эти проблемы. Важно учитывать и культурные обмены между странами, которых стало больше во времена администрации Мирзиёева. В Узбекистане таджики являются вторым по величине этносом на территории страны с примерно 4,9%²⁴¹.

Ташкент проявляет себя как дипломатический модератор в регионе. Во время вспышек пограничного конфликта между Кыргызстаном и Таджикистаном в сентябре 2022 г. Узбекистан совместно с Казахстаном призывали стороны к диалогу и предлагали площадки для переговоров, чтобы остановить эскалацию²⁴². Согласно союзническому договору с Казахстаном, Ташкент и Астана обязались согласовывать шаги по восстановлению мира при подобных кризисах.

Укрепляя свою «мягкую силу», Ташкент продвигает идеи экономических и социально-политических реформ на региональном уровне. Узбекистан делится опытом собственной либерализации экономики и административных преобразований – например, инициировал создание региональных центров экономического сотрудничества на границах (совместные торгово-промышленные зоны с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном)²⁴³.

На глобальной арене лидеры Центральной Азии ныне все чаще выступают согласованно – единым блоком. С 2018 года по предложению Узбекистана проводятся ежегодные консультативные саммиты глав ЦА, где отрабатываются совместные позиции; благодаря таким встречам выдвинуты и приняты Генассамблеей ООН резолюции по ключевым для региона вопросам (защита

²⁴¹ Этнический состав населения Узбекистана [Электронный ресурс] // Gazeta.uz. – 2021. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (дата обращения: 13.05.2025).

²⁴² Сердалина А. Казахстан и Узбекистан укрепляют стратегическое партнерство . [Электронный ресурс] // Inform.kz. – 2024. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/sohraneno-avtorom-aruzhan-serdalina-112901-27022024-57f2fc> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁴³ Central Asia's Foreign Policy in 2022: Highlights [Электронный ресурс] // Eurasian Research Institute – 2022. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/central-asias-foreign-policy-in-2022highlights/?lang=ru> (дата обращения: 13.03.2025).

горных ледников, решение экологических проблем Арала, нераспространение ядерного оружия)²⁴⁴.

Узбекистан играет ключевую роль в инициировании и продвижении региональных реформ, направленных на координацию управления водными ресурсами и энергетикой в Центральной Азии. Водный вопрос на протяжении десятилетий оставался одним из наиболее сложных и потенциально конфликтных аспектов межгосударственного взаимодействия в регионе. Центральная Азия характеризуется высокой степенью водной зависимости: основные реки региона, Сырдарья и Амударья, формируются в горных районах Кыргызстана и Таджикистана, в то время как крупнейшие потребители воды – Казахстан, Узбекистан и Туркменистан – располагаются в засушливых зонах и зависят от трансграничных водных потоков. Это неравномерное распределение водных ресурсов исторически порождало противоречия между странами, особенно в контексте строительства гидроэнергетических объектов и распределения воды для нужд сельского хозяйства.

В Центральной Азии был конфликт интересов: верховья рек (Киргизия и Таджикистан) стремились развивать гидроэнергетику, что позволяло им минимизировать зависимость от поставок углеводородов и обеспечить энергетическую безопасность, в то время как страны низовий (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан) опасались, что строительство крупных плотин и водохранилищ сократит объемы доступной воды в вегетационный период. Наибольшие разногласия вызывали проекты таких гидроузлов, как Рогунская ГЭС (Таджикистан) и Камбаратинская ГЭС-1 (Кыргызстан), которые потенциально могли изменить гидрологический режим рек и повлиять на орошаемое земледелие в странах низовий.

Однако с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева Узбекистан принципиально изменил свою политику по данному вопросу, отказавшись от

²⁴⁴ Предстоящий узбекско-таджикский саммит откроет новые перспективы в деле обеспечения устойчивого развития всей Центральной Азии // UZ Daily. 2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/ru/predstoiashchii-uzbeksko-tadzhikskii-sammit-otkroet-novye-perspektivy-v-dele-obespecheniia-ustoichivogo-razvitiia-vsei-tsentralnoi-azii/> (дата обращения: 13.03.2025).

жесткой конфронтационной позиции и перешел к стратегии компромиссов и кооперации. В отличие от прошлых лет, когда Ташкент категорически возражал против реализации гидроэнергетических проектов в соседних странах, новая политика заключается в том, чтобы не только поддерживать диалог, но и предлагать механизмы совместного финансирования и управления водно-энергетическими объектами. Например, в 2023 году Узбекистан и Таджикистан подписали соглашение о совместном строительстве ГЭС на реке Зарафшан, что стало знаковым шагом в нормализации двустороннего водного сотрудничества. Аналогичные переговоры ведутся с Кыргызстаном по проекту Камбаратинской ГЭС-1, где рассматриваются возможности участия узбекских инвесторов²⁴⁵.

Такая политика содействует стабилизации обстановки в регионе и формированию принципиально нового подхода к управлению водными ресурсами. Теперь страны Центральной Азии начинают воспринимать водную проблему не как объект противостояния, а как зону для поиска взаимовыгодных решений. В частности, обсуждаются такие механизмы, как взаимный энергетический обмен (зимой Кыргызстан и Таджикистан поставляют электроэнергию, произведенную на ГЭС, в Узбекистан, а летом Узбекистан и Казахстан компенсируют это поставками газа и угля), совместные инвестиционные фонды для модернизации ирригационной инфраструктуры, а также координация графиков водосбросов с учетом потребностей всех сторон.

Несмотря на позитивные тенденции, проблема воды остается одним из ключевых вызовов для Центральной Азии. Глобальное изменение климата, рост населения, деградация ирригационных систем и увеличение потребностей в воде создают угрозу дефицита водных ресурсов в будущем. В этих условиях Узбекистан стремится выстраивать долгосрочную стратегию, направленную на рационализацию водопользования. Среди ключевых направлений данной политики – внедрение современных технологий капельного орошения, снижение

²⁴⁵ Газета.uz. Узбекистан и Таджикистан подписали соглашение о строительстве двух ГЭС на реке Зарафшан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/06/10/agreement/> (дата обращения: 13.03.2025).

потерь воды при транспортировке, развитие водосберегающего сельского хозяйства и углубление международного сотрудничества по водной безопасности.

После 2022 года Узбекистан укрепил свое реноме регионального лидера, способного и снижать конфликтный потенциал между соседями, и задавать позитивную повестку реформ и сотрудничества в Центральной Азии.

Интеграционные процессы в Центральной Азии продолжают сталкиваться с серьезными структурными и политическими препятствиями, что обусловлено как историческими факторами, так и современными геополитическими реалиями. Постсоветское наследие оставило странам Центральной Азии сложный комплекс нерешенных вопросов, связанных с демаркацией границ, управлением водными ресурсами, миграцией и торговыми барьерами. Эти проблемы усугубляются различиями в экономических моделях государств региона, а также неоднородностью их внешнеполитических приоритетов.

Кроме того, Центральная Азия представляет собой арену конкуренции между глобальными и региональными центрами влияния, что оказывает непосредственное воздействие на интеграционные процессы. Внешнеполитическое позиционирование Узбекистана и других государств региона формируется в условиях активной борьбы за влияние между Россией и странами Запада. Москва продвигает экономическую и военно-политическую интеграцию через механизмы Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), используя их как инструменты расширения своего присутствия в регионе²⁴⁶. В то же время страны Запада стремятся к укреплению экономических, образовательных и гуманитарных связей с государствами Центральной Азии, продвигая альтернативные модели сотрудничества и рыночной интеграции.

Для Узбекистана данная геополитическая конфигурация создает как вызовы, так и возможности. С одной стороны, республика сталкивается с необходимостью лавирования между различными внешнеполитическими

²⁴⁶ Мавланов И. Р. Стратегия внешнеэкономической политики нового Узбекистана – трансформация экономической дипломатии // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 252-265.

полюсами, избегая односторонней зависимости от какого-либо актора. С другой стороны, многосторонняя дипломатия позволяет Узбекистану извлекать выгоду из конкуренции крупных держав, используя различные интеграционные механизмы для привлечения инвестиций, технологического обмена и диверсификации торговых маршрутов. В этом контексте политика Ташкента направлена на сохранение стратегической автономии, развитие прагматичных экономических партнерств и укрепление регионального сотрудничества, что в перспективе может способствовать ослаблению внешнеполитической зависимости и формированию более устойчивой модели региональной интеграции.

Внешнеполитический курс Узбекистана в постсоветский период демонстрирует поступательное развитие от фрагментарных инициатив к системной политике укрепления регионального сотрудничества и формирования устойчивых межгосударственных связей. Начиная с 2017 года, под воздействием внутренних реформ и внешних вызовов, республика активизировала установление двух- и многосторонних соглашений, направленных на интенсификацию торгово-экономических, транспортных и гуманитарных контактов со странами Центральной Азии. Результатом этих усилий стало существенное увеличение взаимной торговли: в 2019 году товарооборот со странами региона достиг 5,2 миллиарда долларов США, что свидетельствовало о росте более чем на 50% по сравнению с предыдущими показателями. Несмотря на глобальные потрясения, вызванные пандемией COVID-19, в 2020 году удалось сохранить объем товарооборота на уровне 5 миллиардов долларов, что подтверждает устойчивость новых внешнеэкономических связей Узбекистана.

Расширение межрегионального взаимодействия сопровождалось институционализацией консультативных механизмов, таких как саммиты глав государств Центральной Азии, что позволило создать дополнительную платформу для выработки согласованных позиций по вопросам безопасности, устойчивого развития и рационального использования природных ресурсов. Узбекистан не только инициировал ключевые проекты в рамках региональной

повестки, но и последовательно выступал за укрепление доверия между странами Центральной Азии, используя дипломатические, экономические и гуманитарные инструменты.

Таким образом, внешняя политика Узбекистана в рассматриваемый период характеризуется переходом от реактивной модели взаимодействия к активной стратегии формирования региональной архитектуры сотрудничества. Это стало возможным благодаря внутренним трансформациям, переосмыслению внешнеполитических приоритетов и стремлению интегрировать национальные интересы в контекст более широкой центральноазиатской динамики.

2.3. Внешняя политика Узбекистана в отношении Китая

Другой способ влияния избрал Китай, который использует инициативу «Один пояс – один путь» и ШОС для экономического влияния в регионе²⁴⁷. Узбекистан соединяет Европу и Китай через Центральную Азию для торгового пути и тем самым является важным игроком для Китая²⁴⁸.

Особое положение среди крупных игроков в регионе Центральной Азии занимает Китай²⁴⁹. Он заинтересован в экономическом доминировании в регионе для упрощенного товарооборота со странами Европейского союза, Южного Кавказа и Россией.

ШОС стал одним из инструментов влияния Китая в регионе²⁵⁰. Организация стала противовесу индийскому влиянию, которое с недавних пор начало расти в Центральной Азии. Помимо ШОС, инициатива «Один пояс, один путь» делает ставку на экономическое сотрудничество в регионе²⁵¹. Развиваются торговые, экономические и финансовые связи с регионом, включая Узбекистан²⁵².

²⁴⁷ Цибиков В.А. Инициатива «пояс и путь» в контексте американо-китайского влияния на человеческий капитал Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – №3. – С. 80-96.

²⁴⁸ Гэн Ч. Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – №3 (51). – С. 1-13.

²⁴⁹ Юлдашев А. Основные показатели и потенциал торгово-экономического сотрудничества между Узбекистаном и Китаем // *Sharq ma'shali / Восточный факел*. – 2022. – №1. – С. 136-144.

²⁵⁰ Чжан С., Лян И. 20 лет ШОС: к вопросу о транспортном сотрудничестве на пространстве ШОС // Социально-политические науки. – 2021. – №4. – С. 51–61.

²⁵¹ Алиева А. О. Вызовы и проблемы реализации «экономического пояса шелкового пути» в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 3 (321). – С. 72-78.

²⁵² Борисов Д. А., Савкович Е.В., Татаренко В. И. Инициатива «пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // *Sciences of Europe*. – 2022. – №108. – С. 32-37.

Инициатива отсылает к древнему торговому пути, который когда-то связывал такие страны и регионы, как сам Китай, Индия, страны Ближнего Востока, Россия и страны Европы²⁵³²⁵⁴.

Благодаря инициативе «Один пояс, один путь» в центральноазиатском регионе развивается инфраструктура, а также транспортные коридоры между странами²⁵⁵.

Узбекистан одним из первых в Центральной Азии поддержал мегапроект BRI, еще в 2015 году подписав соответствующий меморандум²⁵⁶, а при новом руководстве активно включился в его реализацию.

Инициатива Китая "Один пояс — один путь" (BRI) в Центральной Азии является стратегически важным направлением внешнеэкономической и геополитической политики Пекина. Она ориентирована на укрепление влияния Китая в регионе через инфраструктурные и экономические проекты. Центральная Азия занимает ключевое положение в реализации экономического компонента BRI, известного как Экономический пояс Шелкового пути. Одним из ключевых проектов является строительство Китайско-Кыргызско-Узбекской железной дороги (СКУ), запланированное на 2025 год, которое позволит уменьшить зависимость транспортных потоков от российских маршрутов. Одновременно Китай поддерживает развитие "Срединного коридора", проходящего через Казахстан и служащего важным маршрутом для грузоперевозок из Китая в Европу.

Неотъемлемым элементом китайской стратегии в Центральной Азии является укрепление энергетической безопасности²⁵⁷. Богатые природные ресурсы

²⁵³ Якубов И. Х. Проблемы развития транспортных коммуникаций в Южную Азию во внешней политике Узбекистана // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 324-331.

²⁵⁴ Даниш Н. Р. Внешнеполитические связи между США и Индией и их оценка Китаем: проблема напряженности в трехсторонних отношениях в Центральной и Восточной Азии (краткое описание) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – №2. – С. 141-154.

²⁵⁵ Семенова Н. К., Аристова Л. Б. Анализ степени интегрированности китайских компаний в транспортный сектор государств Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №5–1. – С. 523-529.

²⁵⁶ Новое Китайское информационное агентство Синьхуа. Китай и Узбекистан подписали документ о сотрудничестве в строительстве "экономического пояса Шелкового пути" [Электронный ресурс]. – 17 июня 2015 года. – Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2015-06/17/c_134334861.htm (дата обращения: 10 марта 2025 года).

²⁵⁷ Чжао Ди (2020). Энергетическая политика Китая на современном этапе. StudNet, 3 (6), 111-119.

региона, включая нефть и газ, делают его стратегически значимым для Китая. В этой связи Пекин реализует проекты по созданию и модернизации трубопроводов, таких как Центральноазиатско-Китайский газопровод, который обеспечивает стабильные поставки природного газа из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Это позволяет Китаю не только диверсифицировать источники энергоснабжения, но и обеспечивать долгосрочную энергетическую безопасность.

Параллельно Китай стремится снизить зависимость Центральной Азии от России, используя экономическую экспансию и инфраструктурные проекты в качестве инструментов влияния. Это способствует диверсификации внешнеэкономических связей стран региона и ослаблению традиционного российского доминирования. В геополитическом плане Центральная Азия выполняет для Китая функцию сухопутного моста между Китаем и Европой, обеспечивая стратегическую связность китайских экономических интересов. Политика Китая в регионе направлена на укрепление стабильности посредством экономического сотрудничества и инвестиций, что позволяет также противодействовать западному влиянию. Так, в рамках саммита "Китай + Центральная Азия" (С+С5) в 2023 году был подписан план развития отношений, включающий углубление торгово-экономических связей²⁵⁸.

В 2023 году торговый оборот между Китаем и государствами региона достиг 89,4 миллиарда долларов США, что представляет собой 27-процентный рост по сравнению с предыдущим годом. Отдельное внимание уделяется развитию двусторонних отношений: например, Узбекистан и Китай планируют увеличить объем взаимной торговли с 10 миллиардов долларов в 2023 году до 20 миллиардов долларов к 2028 году²⁵⁹. Данные инициативы демонстрируют возрастающую роль Китая в региональной экономике и его стремление закрепить статус ключевого торгового партнера для стран Центральной Азии.

²⁵⁸ Цао Хуань. "Анализ Стратегий Китая И США В Центральной Азии: Взгляд На Механизм +1"" Право и политика. №10. 2024. С. 22–39. DOI:10.7256/2454-0706.2024.10.71959

²⁵⁹ МИР 24. Товарооборот между Узбекистаном и Китаем нарастят до 20 млрд долларов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16578452/tovarooborot-mezhdu-uzbekistanom-i-kitaem-narastyat-do-20-mlrd> (дата обращения: 13.03.2025).

Несмотря на успехи, реализация BRI сталкивается с рядом вызовов. Среди основных проблем можно выделить местное сопротивление китайским инвестициям, опасения по поводу возможной долговой зависимости стран региона, а также конкуренцию с Россией за влияние. Эти факторы могут осложнить долгосрочную реализацию инициативы, что требует от Китая более гибкого подхода, учитывающего национальные интересы партнеров. В этой связи критически важно, чтобы Пекин стремился к балансу между экономической экспансией и уважением суверенитета государств региона.

Таким образом, инициатива "Один пояс — один путь" в Центральной Азии носит комплексный характер, охватывая транспортную и энергетическую инфраструктуру, экономическую интеграцию и геополитическое влияние. Китайская стратегия направлена на укрепление своего присутствия в регионе, снижение зависимости центральноазиатских стран от других крупных держав и обеспечение долгосрочной устойчивости проекта. Однако успешная реализация BRI будет зависеть от способности Китая учитывать местные интересы и избегать усиления долговой нагрузки, что в конечном итоге определит будущее китайского влияния в Центральной Азии.

Если говорить о сотрудничестве между Китаем и странами Центральной Азии, в частности, Узбекистаном, можно выделить нефтегазовую отрасль. Китай находится в поисках нефти, чтобы сократить свою зависимость от Ближнего Востока²⁶⁰. Для этого он сотрудничает с Россией, как с одним из крупнейших поставщиков природных ископаемых, а также со странами Центральной Азии. Ради поставок энергоресурсов, Китай развивает транспортную инфраструктуру региона²⁶¹.

Китайское влияние в Центральной Азии значительно возросло за последние три десятилетия, что выражается в увеличении объема торговли со странами региона в 25 раз и росте прямых инвестиций, превышающих 14 миллиардов

²⁶⁰ Воловик Н. П. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30. – № 5. – С. 37-50.

²⁶¹ Кузнецова С. И. Китай и Центральная Азия // Центральная Азия: десять лет независимости. – 2001. – № 1. – С. 264-267.

долларов²⁶². Данный процесс обусловлен стратегическими интересами Китая, направленными на диверсификацию источников энергоресурсов, развитие транспортных коридоров и интеграцию западных регионов страны в глобальную экономику. Центральноазиатские государства, в частности Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, рассматриваются Китаем как ключевые узлы в формируемой транспортно-экономической сети, что подтверждается поддержкой крупных инфраструктурных проектов, включая развитие транспортной логистики, сельского хозяйства, промышленности и энергетики²⁶³. Однако, несмотря на активное участие китайского капитала в экономике региона, существует недостаточная прозрачность данных об объемах инвестиций, что затрудняет объективную оценку их масштабов и влияния на национальные экономики.

Очевидно, что вложения Китая в Центральную Азию носят долгосрочный характер и имеют не только экономическую, но и геополитическую значимость, поскольку создают основу для укрепления китайского присутствия в регионе, расширения влияния на транспортные маршруты и обеспечения устойчивого доступа к мировым рынкам. В этом контексте страны Центральной Азии оказываются перед дилеммой: с одной стороны, они выигрывают от китайских инвестиций и инфраструктурных проектов, а с другой — рискуют усилением экономической зависимости от Китая, что может привести к изменению баланса сил в регионе и потенциальному ослаблению их суверенитета в стратегически значимых секторах экономики.

С 2017 года отношения между Китаем и Узбекистаном вступили в этап динамичного развития, ознаменованный подписанием обширного пакета двусторонних договоров, соглашений и меморандумов. Новое руководство Узбекистана во главе с президентом Шавкатом Мирзиевым взяло курс на активизацию связей с Пекином, стремясь интегрироваться в инициированную Китаем программу «Один пояс — один путь» (BRI) и диверсифицировать

²⁶² Eurasian Research Institute. Экономическое сотрудничество между Центральной Азией и Китаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china/?lang=ru> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁶³ Сыроежкин К. Л. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С. 15-30.

внешнеэкономические отношения страны. В мае 2017 года, в ходе первого государственного визита Мирзиёева в Китай, стороны заключили 105 соглашений на сумму свыше \$23 млрд, охватывающих сотрудничество в электроэнергетике, нефтехимии, архитектуре, текстильной промышленности, фармацевтике, транспортной инфраструктуре и сельском хозяйстве²⁶⁴. Этот внушительный пакет включал как межправительственные соглашения, так и коммерческие контракты и меморандумы о взаимопонимании, которые совместно образовали «дорожную карту» экономического сотрудничества.

К наиболее крупным договоренностям того периода относились проекты по производству синтетического топлива (около \$3,7 млрд инвестиций), вложения в нефтяную отрасль Узбекистана (\$2,6 млрд), строительство новых электростанций (\$679 млн), развитие железнодорожной инфраструктуры (\$520 млн), а также создание производственных мощностей в цементной и текстильной промышленности. Эти соглашения заложили основу для модернизации узбекской экономики и укрепления инфраструктуры, демонстрируя стремление Ташкента использовать китайский капитал и опыт для индустриализации и наращивания экспортного потенциала.

В качестве субъектов инициативы выступили Министерство торговли КНР и Государственная инвестиционная комиссия Узбекистана. Примером реализации данной инициативы стал проект ж/д Ангрэн-Пап, который стоил почти 2 миллиарда долларов²⁶⁵. Ключевым направлением будущего развития могут стать совместные проекты при участии Узбекистана, Кыргызстана и Китая по увеличению количества железнодорожных путей. Важным маршрутом стала торговое направление городов Андижана, Ош, Иркештам, Кашгар.

Президент Мирзиёев лично участвовал в международных форумах «Один пояс — один путь» в 2017 и 2019 годах, продвигая инициативы по совместному развитию инфраструктуры Шелкового пути. К 2019 году Китай утвердился в

²⁶⁴ Визит Мирзиёева в Китай: подписано 105 соглашений на сумму \$23 млрд [Электронный ресурс] // Asia-Plus. – 2017. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/news/centralasia/20170516/vizit-mirziyoeva-v-kitai-podpisano-105-soglashenii-na-summu-23-mlrd> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁶⁵ Лексютина Я. В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 77-87.

качестве крупнейшего торгового партнера Узбекистана, на которого приходилось около 18% внешнеторгового оборота республики. По официальным данным, в 2019 году двусторонний товарооборот достиг \$7,6 млрд (узбекский экспорт – \$2,9 млрд, импорт из Китая – \$5,1 млрд)²⁶⁶, превысив показатели торговли с другими партнерами и установив рекорд. Хотя торговый баланс складывается в пользу Китая, значительная доля узбекского экспорта представлена сырьевыми товарами (природный газ, хлопок и др.), а импорта – машинами и оборудованием, необходимыми для развития промышленности. Тем не менее, рост экспорта в Китай и участие китайских компаний в добыче и переработке сырья способствует расширению рынков сбыта для Узбекистана и притоку технологий, компенсируя диспропорции торговли.

Важно подчеркнуть, что интересы России и Китая не просто не совпадают в регионе, но и скорее являются противоположными²⁶⁷. Для Китая важны рынки сбыта Центральной Азии, а также доступ к энергоресурсам²⁶⁸. За период с 2016 по 2020 годы внешнеторговый оборот между Китаем и Республикой Узбекистан увеличился в 1,5 раза. Больше всего выиграли регионы Узбекистана, а не столица. Среди лидеров следующие области: Андижанская, Бухарская, Ферганская и другие. Рост торговли этих регионов с Китаем вырос от 2,3 до 3,7 раз. По прогнозам, внешнеторговый оборот между Узбекистаном и Китаем к 2024 году может достичь почти 12,5 миллионов долларов²⁶⁹.

Китай плавно старается изменить отношение к себе, особенно это заметно с постпандемийной эпохи 2022 года. Китайцы стремятся выработать многосторонний, а не двухсторонний формат взаимодействия со странами Центральной Азии. Он действует по аналогии формата C5+1, только вместо США – Китай. Саммит получал название «Китай-Центральная Азия». Он затрагивает

²⁶⁶ Spot.uz. Китай вложил в экономику Узбекистана более \$8 млрд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2020/01/23/china/> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁶⁷ Юношкина А. С., Понька Т. И., Шаповалова К. А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии // Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 40-54.

²⁶⁸ Торопыгин А. В., Мендагазиев А.Е. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – №3 (33). – С. 88-98.

²⁶⁹ Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – № 27. – С. 268-281.

сразу несколько проблемных точек, начиная с вопросов национальной безопасности и доступа к транспортным узлам, и заканчивая торговлей и вопросами инвестиций в крупные проекты.

Одна из проблем, которая затрудняет сотрудничество Китая и Узбекистана – газовая зависимость страны от России и Туркменистана. В 2023 году Узбекистан отказался от трехстороннего газового союза с Россией из-за потенциальных санкций и давления со стороны стран Запада. Несмотря на все это, Китай продолжает сотрудничество в области добычи и экспорта природного газа в Центральной Азии. Инвестируя в развитие возобновляемых источников, Китай стремится снизить и свою зависимость от углеводородов и энергетики.

Современная стадия отношений Китая и Узбекистана проходит через стадию от секьюритизации, то есть работе по направлению безопасности к десекуритизации, развитию экономики и торговли. Сегодня Узбекистан привлекает туристический поток из Китая, ищет иностранные инвестиции и оформляет совместные проекты сотрудничества²⁷⁰. По сравнению с 2023 году, в 2024 китайские туристы посетили Узбекистан на 56,8% больше, чем годом ранее²⁷¹. Правительство Узбекистана продумывает дополнительные меры для увеличения туристического потока — увеличение частоты рейсов в страну, а также перевод услуг на китайских язык²⁷².

Масштабные соглашения с КНР существенно влияют и на внешнеполитическую стратегию Узбекистана. Ташкент традиционно проводит многовекторную политику, а в последние годы особенно активно выстраивает стратегическое партнерство с Пекином как противовес избыточной зависимости от других мировых держав. В июле 2016 года отношения Узбекистана и Китая

²⁷⁰ Урокова Д. Б., Толипов М.У. Факторы, влияющие на развитие туризма в Узбекистане // Достижения науки и образования. – 2020. – № 3 (57). – С. 21-23.

²⁷¹ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Данные о туристическом потоке из Китая [Электронный ресурс]. – Telegram-канал: @statistika_rasmiy. Режим доступа: https://t.me/statistika_rasmiy/5265 (дата обращения: 13.04.2025).

²⁷² Узбекистан адаптирует туристические услуги для привлечения туристов из Китая [Электронный ресурс] // Spot.uz. – 2025. – 10 апреля. – Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2025/04/10/tourism-china/> (дата обращения: 13.04.2025).

были подняты до уровня всеобъемлющего стратегического партнерства²⁷³, а по итогам самаркандской встречи 2022 года лидеры объявили о выходе на уровень «всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху²⁷⁴». Наконец, в январе 2024 года, в ходе государственного визита Мирзиева в Пекин, стороны провозгласили «всепогодное» всеобъемлющее стратегическое партнерство²⁷⁵, что свидетельствует о беспрецедентной близости двусторонних связей. Такая эскалация дипломатических формулировок отражает растущую взаимную значимость: Китай демонстрирует, что рассматривает Узбекистан в числе приоритетных партнеров в Евразии, а Узбекистан подтверждает приверженность углублению сотрудничества с КНР на долгосрочной основе. Во многом внешнеполитическая ценность этих договоренностей для Ташкента заключается в диверсификации геополитических рисков. Партнерство с Китаем позволяет сбалансировать влияние России, исторически доминировавшей в регионе, и снизить уязвимость Узбекистана перед колебаниями российской экономики и политики.

Если еще в начале 2010-х экономика Узбекистана была ориентирована преимущественно на Россию (как рынок сбыта и источник инвестиций), то к началу 2020-х Китай сравнялся по ряду показателей, а по объему новых инвестиций и торговли даже превзошел российского партнера. Например, количество китайских предприятий в стране практически сравнялось с числом российских, а доля Китая во внешней торговле стабильно превышает долю любого другого государства²⁷⁶²⁷⁷. Благодаря китайским инвестициям Узбекистан

²⁷³ Синьхуа. Китай и Узбекистан повысили уровень межгосударственных отношений до всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-06/22/c_135457981.htm (дата обращения: 13.03.2025).

²⁷⁴ Синьхуа. Китай и Узбекистан повысили двусторонние отношения до уровня всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian.news.cn/20240125/bdd83ad2a8da4db09636f0d5dd6315a4/c.html> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁷⁵ Узбекистан и Китай выводят отношения на уровень «всепогодного» всестороннего стратегического партнерства – президент // Газета.uz. – 25.01.2024. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/25/china-partnership/> (дата обращения: 10.03.2025).

²⁷⁶ Агентство по статистике Республики Узбекистан. Данные о количестве предприятий с китайскими инвестициями [Электронный ресурс] // Telegram-канал: @statistika_rasmiy. – Режим доступа: https://t.me/statistika_rasmiy/5448 (дата обращения: 13.04.2025).

²⁷⁷ Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект [Электронный ресурс] // Asian Focus Journal. – 2023. – Режим доступа: <https://www.afjournal.ru/2023/2/development-trends-and-risks/chinas-expansion-into-uzbekistan-the-economic-aspect/> (дата обращения: 13.03.2025).

получил альтернативные источники финансирования инфраструктуры — вместо упования исключительно на кредиты международных банков или российскую поддержку, теперь значительную часть проектов (дороги, электростанции, промышленные объекты) финансирует Пекин на двусторонней основе. Ташкент активно взаимодействует с Пекином в рамках ШОС, сопрягает свою национальную стратегию развития «Новый Узбекистан» с китайскими интеграционными проектами, а также участвует в новом формате саммитов «Центральная Азия – Китай» (первый из которых прошел в Сиане в 2023 году). В ООН и других международных организациях Узбекистан и Китай все чаще поддерживают инициативы друг друга, демонстрируя возросшую политическую координацию.

Анализ двусторонних соглашений 2017–2025 годов свидетельствует, что они оказали комплексное воздействие на экономику и политику Узбекистана. Торгово-экономическое сотрудничество с КНР вышло на новый уровень: Китай прочно удерживает позицию крупнейшего торгового партнера Узбекистана, обеспечивая растущий спрос на узбекскую продукцию и поставляя необходимые товары и инвестиции. Инвестиционная активность Китая способствовала созданию новых производств, рабочих мест, трансферу технологий и развитию инфраструктуры по всей стране. Реализация инфраструктурных мегапроектов – от железных дорог до энергетических объектов — укрепила транспортную и энергетическую безопасность Узбекистана, связав его экономику с глобальными рынками и снизив зависимость от отдельных транзитных маршрутов. Политически же Ташкенту удалось, опираясь на поддержку Пекина, продвинуть свою многовекторную дипломатию: расширение связей с Китаем сбалансировало внешнеполитические ориентиры Узбекистана и дало ему возможность проводить более самостоятельный курс. В то время как связи с традиционными партнерами (Россия, США, ЕС) сохраняются, именно китайское направление во многом стало драйвером диверсификации внешних связей. В совокупности двусторонние договоры, соглашения и меморандумы между КНР и Узбекистаном в 2017–2025 годах заложили прочную основу для всеобъемлющего сотрудничества — от

торговли и инвестиций до культурно-гуманитарного обмена — и тем самым внесли значительный вклад в достижение стратегической цели Ташкента: интегрироваться в мировую экономику на условиях партнерства и снизить зависимость от какого-либо одного центра силы. В условиях геополитической турбулентности такое партнерство с Китаем представляется Узбекистану важным ресурсом для устойчивого развития и укрепления суверенитета одновременно превращая республику в неотъемлемый узел новой архитектуры евразийской торговли и транзита в рамках инициативы «Один пояс — один путь».

2.4 Афганское направление во внешней политике Узбекистана

Отдельного внимания в данном исследовании заслуживает Афганистан. Узбекистан — это страна, которая является одним из ведущих игроков в урегулировании афганского вопроса²⁷⁸. Между правительствами обеих стран идет взаимодействие на всех уровнях, РУЗ взаимодействует с правительством талибов. Среди направлений сотрудничества можно выделить трансграничные проекты, например, трансафганскую железную дорогу. Этот проект важен для обеих стран и в целом для региона Центральной Азии, он должен обеспечивать транзит товаров, в том числе энергоресурсы между странами.

Взаимодействие Узбекистана и Афганистана на международном уровне можно разделить на несколько исторических периодов²⁷⁹. Первый был с 1991 по 2016 годы, страна выбрала политику изоляционизма и максимальной дистанции от происходящих в Афганистане событий.

До 2016 года, когда президентом страны был Ислам Каримов, отношения между Узбекистаном и Афганистаном были сложными и многофакторными²⁸⁰. В 1999 году на Каримова было совершено несколько нападений со стороны исламских боевиков. В стране действовало Исламское движение Узбекистана

²⁷⁸ Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 266-280.

²⁷⁹ Мирзоев С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник Педагогического университета. – 2019. – № 2 (79). – С. 278-284.

²⁸⁰ Зиядуллаев Н. С. Трансформация экономики Республики Узбекистан: история, современность, стратегии развития // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – №8 (130). – С. 7-17.

(ИДУ)*²⁸¹, которое было ответственно за столкновение с правительственными войсками и теракты конца 1990-х и начала 2000-х годов. Движение настаивало, чтобы в Конституцию Узбекистана была добавлена статья об исламе²⁸².

Второй этап начался с 2017 года и продолжается по настоящий день. Он характеризуется динамичными взаимными отношениями, стремлением решить накопившиеся проблемы и организовать совместные торгово-экономические проекты. Например, железнодорожная линия «Хайратон — Мазари-Шариф» (2010)²⁸³, международный торговый центр в Термезе для транзитных грузоперевозок между Узбекистаном и Южной Азией (2024), совместная разведка и добыча газа «Тути-Майдан» с инвестициями около 1 млрд. долларов (2024²⁸⁴). Во время второго периода Узбекистан принял для себя доктрину отказа от вмешательства в дела Афганистана военными средствами. Существуют сложности со взаимодействием Республики Узбекистан и властями талибов. Опираясь на прошлое страны, узбекские лидеры не хотят повторение исламских терактов на территории страны.

Транс-афганский транспортный коридор является важным звеном для соединения Центральной Азии и Индийского океана²⁸⁵. Его задача – увеличить объемы торговли внутри регионов Центральной и Южной Азии, привлечения инвестиций в регион. Сотрудничество Узбекистана дает бизнесу и государствам гарантии реализации проектов. Можно выделить два ключевых проекта железных дорог, первая это Мазари-Шариф – Кабул-Пешавар, вторая — это Мазари-Шариф – Герат. Новая власть талибов в Афганистане стала для Узбекистана возможностью для выхода к Индийскому океану. У Республики Узбекистан отсутствует выход к морям, поэтому страна старается выстраивать отношения со

²⁸¹ Террористическая организация на территории РФ, организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации

²⁸² Притчин С. А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 781-790.

²⁸³ Верховуров Д. Н. "В Афганистане началась эпоха железных дорог" Электронный ресурс // Афганистан.Ру. – 2010. – Режим доступа: <https://afghanistan.ru/doc/16754.html> (дата обращения: 10.03.2025)

²⁸⁴ Сотрудничество между Узбекистаном и Афганистаном [Электронный ресурс] // Консульство Узбекистана в Актау. – 2024. – Режим доступа: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/сотрудничество-между-узбекистаном-и-2/> (дата обращения: 10.03.2025).

²⁸⁵ Орокбоев И. Транс-афганский транспортный коридор: с надеждой на будущее // Strategy of Uzbekistan. – 2021. – №1. – С. 72-77.

всеми соседями и ключевыми игроками в регионе. Многовекторность внешней политики позволяет Узбекистану лавировать между интересами США и собственными на территории Узбекистана.

Афганистан в силу своей специфики стал регионом, который требует слаженного взаимодействия всех региональных и крупных игроков международных отношений. В той или иной мере свои интересы продвигают помимо Узбекистана и Россия, Индия, Иран, Китай, Пакистан²⁸⁶. Причины взаимодействия стран просты — Афганистан требует особого внимания с точки зрения безопасности для региона и требует кооперации для сдерживания распространения радикального ислама на Узбекистан, Казахстан и Таджикистан, так и для взаимодействия по вопросам логистики, не говоря уже и о вопросе безопасности и сохранения целостности границ.

Страна придерживается прямых контактов и развивает проекты между двумя государствами. Узбекистан взаимодействует со странами Центральной Азии и учитывает интересы США в этом регионе дабы не допустить военного конфликта в регионе²⁸⁷.

В 2016 году президентом Узбекистана становится политик реформаторскими взглядами – Шавкат Мирзиёев. В отношении Афганистана он меняет давний принцип изоляционизма и начинает двухсторонний диалог. Тогда и начинается инвестирование в дорогу Хайратон-Мазари-Шариф. Увеличивается взаимная торговля и экономический рост обеих стран. Помимо экономического взаимодействия, добавляется политическое. Узбекистан выступает модератором мирных переговоров в Афганистане. Например, была организована конференция «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное сотрудничество» в 2018 году. Несмотря на взаимодействие с Россией и США по вопросу Афганистана, Узбекистан претендует на увеличение своего влияния в регион.

²⁸⁶ Федорко В. Н. Трансформация транспортно-географического пространства стран Центральной Азии в постсоветскую эпоху // Псковский регионологический журнал. – 2021. – № 2 (46). – С. 64-76.

²⁸⁷ Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 82-99.

В этом контексте у Республики Узбекистан есть несколько опасений: эскалация конфликта между США и Китаем, гражданская война внутри фракций Афганистана и расширение территории конфликта до Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, блокировка энергетических и логистических проектов во стороны международного сообщества. Также рассматриваются риски, связанные с контрабандой незаконных наркотических средств, оборот оружия и сильное влияние радикального ислама на государства Центральной Азии.

Ограничивающим фактором для развития сотрудничества в регионе для Афганистана и Узбекистана могут выступать международные организации, такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Их роль в данном контексте заключается в формировании консультативных и дипломатических механизмов, направленных на предупреждение потенциальных угроз стабильности региона. В частности, такие институты могли бы выполнять функцию посредников в диалоге с глобальными акторами, такими как Европейский Союз и Соединенные Штаты, разъясняя им возможные негативные последствия их внешнеполитической стратегии в регионе.

Анализ внешнеполитической стратегии Узбекистана в отношении Афганистана свидетельствует о трансформации подходов страны к взаимодействию с этим государством. От политики изоляции, проводимой в период президентства Ислама Каримова, Ташкент перешел к активному вовлечению в экономические и дипломатические процессы, направленные на стабилизацию ситуации в Афганистане и расширение стратегических возможностей Узбекистана. В рамках этого курса республика укрепляет двустороннее сотрудничество, реализует трансграничные инфраструктурные проекты и стремится позиционировать себя в качестве ключевого медиатора в вопросах региональной безопасности²⁸⁸.

²⁸⁸ Мавланов И. Р. Стратегия внешнеэкономической политики нового Узбекистана -трансформация экономической дипломатии // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 252-265.

Афганский фактор остается одним из наиболее значимых вызовов для Центральной Азии, что обусловлено сложной внутренней ситуацией в стране, высокой степенью вовлеченности международных акторов и угрозами распространения радикального ислама. Сложность взаимодействия усугубляется отсутствием международного признания правительства «Талибана» и неопределенностью дальнейшего политического развития страны. В этом контексте Узбекистан вынужден выстраивать сбалансированную политику, сочетающую прагматичное сотрудничество с Кабулом и учет интересов ключевых глобальных и региональных акторов, включая Россию, Китай, США, Иран и Пакистан.

Развитие транспортных коридоров, таких как железные дороги Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар и Мазари-Шариф – Герат, является не только экономическим проектом, но и стратегическим инструментом, позволяющим Узбекистану расширить свое геоэкономическое присутствие. Эти инициативы могут укрепить позиции Ташкента как транзитного хаба, обеспечивающего выход к Индийскому океану и диверсифицирующего торговые маршруты. Однако их успешная реализация во многом зависит от политической стабильности в Афганистане и способности международного сообщества сформировать согласованный подход к регулированию ситуации в регионе.

Нынешняя стратегия Узбекистана демонстрирует многовекторность и гибкость в условиях изменяющейся геополитической обстановки. Республика стремится минимизировать риски, связанные с возможной эскалацией конфликта в Афганистане, расширением влияния радикальных группировок и усилением конкуренции глобальных держав за влияние в регионе. Потенциальные сценарии развития событий, включая возможность гражданской войны, ослабление власти талибов или вмешательство внешних сил, представляют серьезные вызовы для внешнеполитического курса Ташкента.

Таким образом, Узбекистан занимает активную позицию в афганском вопросе, используя экономические и дипломатические инструменты для укрепления своей роли в регионе. Его политика направлена на обеспечение

безопасности, развитие инфраструктуры и сохранение стратегического влияния в Центральной Азии. Дальнейшее развитие ситуации будет зависеть от способности страны адаптироваться к новым вызовам и выстраивать конструктивное взаимодействие как с афганскими властями, так и с ключевыми мировыми игроками.

2.5. Внешняя политика Узбекистана по развитию отношений с Южной Кореей

Южная Корея выстраивает стратегические отношения не со всем регионом, а преимущественно с двумя государствами — Казахстаном и Узбекистаном. Страны сотрудничают более 30 лет, в основном, в области здравоохранения. Центральная Азия стремится к созданию цифровой интегрированной системы, Южная Корея готова делиться этим опытом²⁸⁹. Сегодня она заинтересована в развитии уровня медицинского персонала, развития электронных медицинских систем и форматов сертификации. Помимо этого, идет двухсторонний процесс по упрощению лицензирования медицинской деятельности в Южной Корее и Узбекистане. Обязательная система медицинского страхования Узбекистана частично основывается на схожем опыте Южной Кореи.

Сближение Южной Кореи и Узбекистана форсируется на фоне геополитической турбулентности последних двух лет, начиная с периода 2022 года. Пока европейские страны вместе с альянсом североамериканских стран объединяются по сдерживанию и противодействию политических интересов России и Китая, между странами Центральной Азии происходит ускоренная интеграция. Страны Евразийского материка становятся все ближе друг к другу по мере того, как европейские страны (в широком смысле, не только Европейский союз) становятся дальше друг от друга.

Узбекистан для Южной Кореи представляет интерес, как рынок сбыта южнокорейской продукции и страна, в которой можно реализовать крупные

²⁸⁹ Khakimov F. South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan // Strategy of Uzbekistan. – 2021. – №1. – P. 66-71.

инфраструктурные проекты. Для Узбекистана Южная Корея представляет еще один выход к глобальным рынкам. Южная Корея для Узбекистана – это высокоразвитая технологичная страна, которая занимает лидирующее место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ценность Узбекистана раскрывается в наличии огромных природных и энергетических ресурсов, а также возможностью вести взаимовыгодные проекты. Но ключевой мотив здесь, конечно же, экспортный рынок для Южной Кореи. Правда, отсутствие прямых сухопутных путей сильно сказывается на перспективах сотрудничества. Этот фактор влияет на стоимость логистики, а также время доставки всех перевозимых продуктов.

В перспективе можно ожидать, что Южная Корея захочет создать аналогичный США и Китаю формат C5+1, который ускорит интеграцию в регионе. Может быть выработан формат по примеру TRACECA, которая объединяет транспортный коридор между странами Европы, Кавказа и Азии.

На данный момент мы видим заинтересованность Сеула в развитии отношений с Узбекистаном. Южная Корея и Узбекистан – стратегические партнеры, объем инвестиций в страну превысил 7 миллиардов долларов и Узбекистан является крупнейшим торговым партнером для Сеула. В 2019 году страны вышли на уровне почти 3 миллиардов долларов (2,7 млрд.). Больше 70 компаний присутствуют в Узбекистане от имени крупного южнокорейского бизнеса, больше 800 южнокорейских инвесторов участвуют в узбекских предприятиях²⁹⁰.

Взаимоотношения между Узбекистаном и Южной Кореей демонстрируют динамичное развитие, обусловленное не только экономическими интересами, но и долгосрочной стратегической взаимозависимостью. В отличие от других крупных внешнеполитических игроков, Сеул фокусируется на углубленном двустороннем сотрудничестве с отдельными странами региона, прежде всего с Узбекистаном и Казахстаном, что отличает его подход от экспансивных интеграционных стратегий России, Китая, ЕС и США.

²⁹⁰ Узбекистан и Республика Корея: перспективы высокотехнологичного и инновационного партнерства [Электронный ресурс] // Ташкентский государственный экономический университет (ТГЭУ). – 2024. – Режим доступа: <https://tsue.uz/media/uploads/2024/06/17/no-118-15-12.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).

Ключевым аспектом южнокорейско-узбекских отношений является диверсифицированное экономическое взаимодействие, включающее значительные инвестиционные вливания, реализацию инфраструктурных проектов, развитие цифровых технологий и обмен опытом в области здравоохранения. Южная Корея рассматривает Узбекистан не только как перспективный рынок для своих товаров, но и как логистический узел, способный обеспечить доступ к евразийскому пространству. В то же время для Ташкента партнерство с Сеулом открывает новые возможности в сфере технологического трансфера, модернизации национальной экономики и усиления экономической автономии в условиях глобальной турбулентности.

Геополитическая обстановка последних лет оказывает значительное влияние на форсирование интеграционных процессов в Евразии. В то время как западные страны сосредоточены на стратегическом сдерживании России и Китая, в Азии наблюдается ускоренное развитие межгосударственного сотрудничества. Южная Корея, стремясь закрепить свое присутствие в регионе, вероятно, будет стремиться к институционализации диалога с Центральной Азией, что может привести к созданию нового формата взаимодействия, аналогичного C5+1 или TRACECA. Это не только усилит экономическую интеграцию, но и создаст дополнительные механизмы для реализации стратегических инициатив, направленных на преодоление логистических барьеров и повышение конкурентоспособности региона.

При этом остается ряд вызовов, сдерживающих углубление сотрудничества. Одним из ключевых факторов является отсутствие прямого сухопутного соединения, что увеличивает издержки логистики и ограничивает торговую экспансию Южной Кореи в регионе. Кроме того, в условиях нарастающей глобальной конкуренции Узбекистану предстоит выстраивать сбалансированную внешнеполитическую стратегию, избегая чрезмерной зависимости от одного внешнего актора и сохраняя пространство для маневра между ведущими мировыми державами.

В целом, взаимодействие между Узбекистаном и Южной Кореей является примером стратегического партнерства, основанного на взаимовыгодных интересах и ориентированного на долгосрочную перспективу. Значительный рост объема торговых операций, увеличение числа совместных предприятий и постоянное расширение сфер сотрудничества свидетельствуют о высоком потенциале двусторонних отношений. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшей институционализации сотрудничества, а также роста южнокорейского присутствия в ключевых секторах узбекской экономики, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению позиций Узбекистана в системе международных экономических отношений.

2.6. Узбекско-американские внешнеполитические отношения в условиях международной турбулентности

При президенте Шавкате Мирзиёеве Узбекистан начал активные дипломатические контакты с Соединенными Штатами, что ознаменовало отход от более изолированной позиции предыдущей эпохи. Контакты на высоком уровне быстро возобновились: в декабре 2017 года Мирзиёев провел первый телефонный разговор с президентом США Дональдом Трампом²⁹¹, обозначив взаимную заинтересованность в укреплении связей. Это послужило основой для знакового визита в мае 2018 года, когда Мирзиёев отправился в Вашингтон для первого официального визита президента Узбекистана в США с 2002 года²⁹². В ходе этого исторического саммита он встретился с президентом Трампом в Белом доме, и лидеры двух стран провозгласили «новую эру» стратегического партнерства, подчеркнув траекторию реформ Узбекистана и его развивающуюся региональную роль²⁹³. Был объявлен широкий спектр соглашений, включая совместную политическую декларацию, обязательства по расширению сотрудничества в таких

²⁹¹ Дональд Трамп пригласил Шавката Мирзиёева посетить США [Электронный ресурс] // Газета.uz. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/12/19/us/> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁹² Президент Узбекистана начинает первый официальный визит в США [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5199673> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁹³ Мирзиёев: В отношениях Узбекистана и США началась новая эра [Электронный ресурс] // МИР 24. – Режим доступа: https://mir24.tv/news/16305451/Tihonov_AI@mirtv.ru (дата обращения: 13.03.2025).

областях, как образование и сельское хозяйство, поддержка заявки Узбекистана на вступление во Всемирную торговую организацию и пятилетний план сотрудничества в области безопасности и обороны, направленный на обеспечение региональной стабильности. Этот получивший широкую огласку визит не только оживил двусторонние отношения, но и продемонстрировал поддержку Вашингтоном внутренних реформ Узбекистана и конструктивной региональной дипломатии, в частности, вклада Ташкента в мирные усилия в Афганистане.

В последующие годы регулярные дипломатические контакты продолжали углублять партнерство. В 2021 году ежегодные двусторонние консультации были преобразованы в официальный диалог стратегического партнерства США-Узбекистан, что позволило создать структурированный форум для высокопоставленных официальных лиц, на котором ежегодно обсуждаются вопросы политического сотрудничества, реформ управления и безопасности. Поездка госсекретаря США Майка Помпео в Ташкент в феврале 2020 года — включая переговоры с президентом Мирзиевым и региональную встречу C5+1 с участием министров иностранных дел всех стран Центральной Азии — еще больше укрепила политические связи²⁹⁴. В ходе этих обсуждений была подчеркнута поддержка независимой внешней политики Узбекистана и его экономических открытий, а также рассмотрены общие проблемы, такие как борьба с терроризмом и ситуация в Афганистане. При администрации Байдена взаимодействие оставалось стабильным и даже расширялось. В 2021 и 2022 годах высокопоставленные американские и узбекские чиновники обсуждали вопросы ликвидации последствий захвата власти афганскими талибами, при этом Узбекистан содействовал диалогу о будущем Афганистана и координировал гуманитарные усилия — эта роль приветствовалась Вашингтоном. Визит госсекретаря Энтони Блинкена в Узбекистан в марте 2023 года подтвердил приверженность США этим отношениям и приветствовал прогресс Ташкента в области реформ.

²⁹⁴ Майк Помпео прибыл с официальным визитом в Узбекистан [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. –Режим доступа: <https://iz.ru/971367/2020-02-02/maik-pompeo-pribyl-s-oficialnym-vizitom-v-uzbekistan> (дата обращения: 13.03.2025).

К сентябрю 2023 года руководство Узбекистана приняло участие в саммите всех пяти президентов стран Центральной Азии с президентом США Джо Байденом (встреча лидеров C5+1 в Нью-Йорке), что свидетельствует о возросшем значении Центральной Азии в стратегии администрации Байдена. Эти встречи, проведенные в период с 2016 по 2025 год, демонстрируют четкую траекторию потепления политических связей, регулярного диалога на высоком уровне и растущего признания США Узбекистана в качестве ключевого регионального партнера.

Несколько политических соглашений, инициатив и встреч на высшем уровне в этот период институционализировали американо-узбекские отношения и придали им стратегическое направление. Важным заявлением стало Совместное заявление о стратегическом партнерстве между США и Узбекистаном, опубликованное во время визита Мирзиёева в Вашингтон в 2018 году²⁹⁵, в котором были изложены общие принципы и видение расширения сотрудничества. Это заявление, которое часто называют началом «новой эры» в двусторонних отношениях, подтвердило взаимное уважение суверенитета и обязательство сотрудничать в самых разных областях — от безопасности до экономического развития. Оно опиралось на более ранние основы (в 2002 году Узбекистан подписал с США Декларацию о стратегическом партнерстве²⁹⁶), но при этом выходило за рамки, отражая изменившийся контекст реформ и регионального участия Узбекистана. В развитие этого политического обязательства на высоком уровне две страны создали рабочие группы и подписали ряд соглашений в последующие годы. В частности, флагманским механизмом двусторонней дипломатии стал Стратегический диалог о партнерстве (SDP)²⁹⁷: впервые созванный в 2021 году, он ежегодно собирает старших должностных лиц обеих сторон для обзора прогресса и определения приоритетов. В рамках SDP и

²⁹⁵ Соединенные Штаты и Узбекистан: начало новой эры стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – 2018. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/1719> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁹⁶ США и Узбекистан подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20020313/88166.html> (дата обращения: 13.03.2025).

²⁹⁷ Совместное заявление о диалоге по стратегическому партнерству между США и Узбекистаном [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://gov.uz/ru/mfa/news/view/28069> (дата обращения: 13.03.2025).

связанных с ним консультаций США и Узбекистан разработали инициативы в области эффективного управления, верховенства закона и прав человека — темы, которые в прошлом вызывали споры, но теперь стали открыто обсуждаться благодаря улучшениям, достигнутым Узбекистаном в этих областях.

В 2021-2023 годах на заседаниях СДП (и во время промежуточных дипломатических визитов, таких как визит министра Блинкена) были рассмотрены двусторонние проекты и поставлены новые цели, например, расширение образовательных обменов и англоязычных программ, а также поддержка стремления Узбекистана присоединиться к таким глобальным институтам, как Всемирная торговая организация.

Крупные саммиты и встречи на уровне министров способствовали дальнейшему формированию политической траектории партнерства. Президентский саммит 2018 года привел к пятилетнему плану военного сотрудничества, подчеркнув совместную приверженность безопасности Центральной Азии и стабилизации Афганистана. Ташкент, со своей стороны, принял у себя международную конференцию по мирному процессу в Афганистане в 2018 году, а затем дипломатически связался с талибами в 2021 году, информируя Вашингтон, пока обе страны стремятся к стабильному исходу в Афганистане.

До СВО 2022 года влияние стран ЕС и США оставалось относительно незначительным, но в последнее время выросло. Одновременно с этим США предлагают постоянное сотрудничество в области образования и инвестиций, а представитель США Блинкен неоднократно давал понять Узбекистану, что страна должна определиться, на чьей она стороне, России или США²⁹⁸. Европейский союз старается представлять для Узбекистана альтернативу России, но сталкивается с сильными антизападными настроениями внутри страны. Большинство реакций на приезд президента Франции Эмманюэля Макрона в Самарканд для переговоров с Шавкатом Мирзиевым были негативными в

²⁹⁸ Президент ответил на вопрос: «На чьей стороне Узбекистан?» [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/13/president/> (дата обращения: 10.03.2025).

социальных сетях. То же самое касается и реакции на помощь западных стран Украине в противостоянии с Россией. Культурное влияние последней остается доминирующим, но постепенно сходит на нет внутри молодого поколения. Здесь есть две тенденции – тюркизация и вестернизация. Первая группа ориентируется на Турцию и традиционные исламские ценности, а вторая на США, ЕС и Южную Корею с Японией и стремится перенять их культуру.

Узбекистан участвует в многостороннем формате «С5+1», который включает в себя 5 стран Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, а также США. Этот дипломатический формат, который подразумевает обсуждение не только региональных проблем, но и общемировых²⁹⁹. Во время встреч данного формата темой обсуждения стали: нестабильность в Афганистане³⁰⁰, война в Сирии, рабство и подневольный труд, детский принудительный труд, наркотрафик и контрабанда оружием. Диалог между странами-участницами происходит постоянно и подразумевает, как коллективную работу, так и с каждой страной по отдельности. Институционализация сотрудничества происходит через несколько механизмов. В рамках С5+1 проходят регулярные встречи на разных уровнях. Они проходят ежегодно и служат для координации совместных инициатив, консультации специалистов рабочих групп. Существуют специальные рабочие группы, которые фокусируются на конкретных направлениях — торговле, безопасности, экологии и других темах.

Формат предполагает не только защиту в нем интересов стран Центральной Азии, но и продвижение внешнеполитического курса США³⁰¹. На площадке обсуждаются совместные встречи экспертов, публичные доклады, разработку новых масштабных проектов и торгово-экономические отношения. Среди них

²⁹⁹ Хакимов Ф. Динамика регионального развития в центральной Азии и формат многостороннего сотрудничества «5+1» // *Strategy of Uzbekistan*. – 2021. – №2. – С. 78-85.

³⁰⁰ Ханалиев Н.У. Влияние меняющегося вектора энергетической политики стран Центральной Азии на безопасность и стабильность в регионе // *Власть*. – 2021. – №2. – С. 289-295.

³⁰¹ Кокошин А. А., Кокошина З. А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // *Современная Европа*. – 2022. – № 6 (113). – С. 126-139.

Power the future про переход к низкоуглеродным технологиям³⁰², Opening Networks through English для обучения английскому языку бесплатно специалистов в сфере энергетики и экологии³⁰³. Одно из воздействий в рамках данного формата на регион являются инвестиции и возвратные средства. Когда в 2022 году началась СВО, США в лице своих представителей оказывали давление на каждого представителя формата C5+1 и пытались договориться с каждой из стран. Среди поставленных условий были следующие³⁰⁴:

- сокращение торгово-экономических связей с Россией;
- противодействие по обходу санкций со стороны Россией;
- отказ от предоставления параллельного импорта на территорию

РФ;

Страны Центральной Азии не выступали против России во время СВО, как того требовали США, но они были заинтересованы в сотрудничестве в отдельных сферах: Казахстан был заинтересован в инвестициях, Узбекистан был заинтересован в образовательном обмене с США³⁰⁵.

Можно выделить три ключевых направления для реализации своих интересов в Узбекистане у США. Они включают в себя экономическое влияние, политическое и идеологическое, а также международное.

Международное направление подразумевает, что США будут развивать дипломатические отношения с РУЗ, а также могут потенциально участвовать в военно-техническом сотрудничестве. США заинтересованы в полезных ископаемых на территории страны, в том числе не только в Узбекистане, но и Казахстане, Туркменистане. И ключевое, политико-идеологическое направление

³⁰² "C5+1: Форум Центральной Азии и США для усиления регионального экономического, экологического и безопасности сотрудничества" [Электронный ресурс] // Посольство США в Узбекистане. – Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/c51-fact-sheet-central-asian-u-s-forum-to-enhance-regional-economic-environmental-and-security-cooperation-ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

³⁰³ Программа C5+1 Opening Networks through English (C5+ONE) [Электронный ресурс] // Таджикский национальный университет. – 2024. – Режим доступа: <https://tnu.tj/index.php/ru/programma-c5-opening-networks-through-english-s5-one/> (дата обращения: 10.03.2025).

³⁰⁴ Менендес Р. Chairman Menendez Calls on Kyrgyzstan to Uphold International Sanctions Against Russia, Reverse Course on Democratic Backsliding // U.S. Senate Committee on Foreign Relations. – 2023. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.foreign.senate.gov/press/dem/release/chairman-menendez-calls-on-kyrgyzstan-to-uphold-international-sanctions-against-russia-reverse-course-on-democratic-backsliding> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁰⁵ Саттарова М. С. Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 171-173.

означает, что США при прежних администрациях хотели построить в регионе Центральной Азии демократические политические режимы. Переизбрание Трампа в 2024 году поменяло вектор международной политики США к странам Центральной Азии.

В 2023 году были приняты поправки в законодательство страны, которые ограничивали ношение полностью закрытых одежд для женщин — бурок и чадр³⁰⁶. Также была введена уголовная ответственность за дискриминацию на основе пола, особенно женщин³⁰⁷. Узбекистан активно проявил себя во время событий в Палестине и Газе³⁰⁸. Казахстан и Узбекистан выступили с совместным заявлением о необходимости проведения мирных переговоров и решения конфликта между Израилем и Палестиной.

Все это не мешает США проводить свою политику «мягкой силы»³⁰⁹. Влияние на отдельные страны Центральной Азии началось сразу после распада СССР. При Исламе Каримове был запрещен обмен иностранной валюты, международные компании не рассматривали возможность открыть офисы в стране. Все изменилось с приходом к власти Шавката Мирзиёева, который открыл страну для международного капитала³¹⁰.

Ключевое влияние США на регион — вестернизация столицы. В стране действует несколько зарубежных университетов, среди которых есть Вебстерский университет³¹¹ и Вестминстерский университет³¹². Агентство по международному развитию (USAID) курировало несколько направлений в Узбекистане. Например, в марте 2024 года был запущен проект по поддержке узбекского бизнеса со

³⁰⁶ В Узбекистане запретили дискриминацию против женщин [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2023. – 5 сентября. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/09/05/uzbekzapret/> (дата обращения: 10.03.2025)

³⁰⁷ Закон Республики Узбекистан ЗРУ № 561 «О защите женщин от притеснений и насилия» от 2 сентября 2019 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4494712?ONDATE=10.12.2021> (дата обращения: 09.03.2025).

³⁰⁸ Ситуация в секторе Газа [Электронный ресурс] // Gazeta.uz. – 2023. – 31 октября. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/31/gaza-strip/> (дата обращения: 10.03.2025).

³⁰⁹ Бабушок Н. О. Идеиные основания внешней политики США // Век глобализации. – 2022. – № 3 (43). – С. 87–96.

³¹⁰ Абдулазиз К. Национальные интересы Узбекистана на международной арене // Strategy of Uzbekistan. – 2020. – № 3. – С. 174–184.

³¹¹ Webster University in Tashkent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webster.uz/index.php> (дата обращения: 10.03.2025).

³¹² Westminster International University in Tashkent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiut.uz> (дата обращения: 10.03.2025).

стороны США³¹³. В рамках этого проекта USAID планировало выделить \$17.7 миллионов долларов, которые будут потрачены в течение ближайших пяти лет.

В рамках проекта C5+1 администрация президента США Дональда Трампа публично ставила условия для получения финансирования и инвестиций со стороны американцев³¹⁴. Страны Центральной Азии должны были реализовать точечные реформы, в которых заинтересованы США.

Казахстан и Узбекистан вместе с США создали CAIP — Центральноазиатское инвестиционное партнерство, специальная организация, которая инвестирует в эти страны не меньше 1 миллиарда долларов для поддержки экономики стран. Формат сотрудничества предполагает работу через платформу C5+1 и нацелен на развитие торговли и восстановление после пандемии 2020 года. В 2023 году государственный долг Узбекистана составил 31,5 миллиардов долларов³¹⁵. Со стороны США за проект отвечает Американская международная финансовая корпорация развития (DFC)³¹⁶.

На сегодняшний день можно выделить следующие направления влияния США на Узбекистан:

1. Гуманитарное. Расширение программ студенческого обмена, развитие образовательных программ, распространение американских ценностей через частные компании и университеты (Fullbright, FLEX)³¹⁷³¹⁸.
2. Политико-экономическое. Инвестирование и выделение денег в обмен на принятие реформ и необходимых решений для США. С 2016 года сотрудничество увеличилось на 400%³¹⁹.

³¹³ USAID запускает новый проект по поддержке бизнеса в Узбекистане // Посольство США в Узбекистане. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/new-project-to-support-businesses-in-uzbekistan-ru/> (дата обращения: 08.05.2024).

³¹⁴ Хлопов О.А. Приоритеты и реализация внешней политики США Администрацией Д. Трампа // Бюллетень науки и практики. – 2021. – №5. – С. 509-210.

³¹⁵ Госдолг Узбекистана достиг \$31,5 млрд по итогам первого полугодия // Газета.uz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/11/08/gov-debt/> (дата обращения: 08.05.2024).

³¹⁶ Совместное заявление о создании Центра [Электронный ресурс] // Посольство США в Казахстане. – Режим доступа: <https://kz.usembassy.gov/ru/совместное-заявление-о-создании-цент/> (дата обращения: 09.03.2025).

³¹⁷ Культурно-гуманитарное сотрудничество // Официальный сайт Посольства Республики Узбекистан в США. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uzbekistan.org/ru/культурно-гуманитарное-сотрудничест> (дата обращения: 13.04.2025).

³¹⁸ Программы обмена // Официальный сайт Посольства США в Узбекистане. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru> (дата обращения: 13.04.2025).

3. Экологическое. Продвижение повестки альтернативных источников энергии и эко-повестки. Обе страны поддерживают узбекистанскую инициативу по объявлению Приаралья зоной экологических инноваций³²⁰.

4. Медицинское. США активно открывают бизнесы, связанные с медициной в Узбекистане. Это касается поставщиков оборудования, частных больниц, врачебных обменов высококлассных специалистов. Американские организации предоставляют медикаменты Узбекистану на миллионы долларов³²¹.

Выводы, сделанные в рамках проведенного анализа, позволяют выделить ключевые аспекты влияния Соединенных Штатов Америки на политико-экономическое развитие Узбекистана и региона Центральной Азии в целом. За последние десятилетия роль США в регионе значительно усилилась, что обусловлено рядом факторов, включая геополитическую нестабильность, стремление Вашингтона закрепить свое влияние в стратегически важном регионе, а также необходимость нейтрализации доминирующего положения России и Китая.

Прежде всего, экономическое взаимодействие между США и Узбекистаном развивается в нескольких направлениях. Программа C5+1, инициированная Соединенными Штатами, предусматривает укрепление экономических связей, предоставление инвестиций и развитие инфраструктуры. В рамках этого формата Вашингтон оказывает финансовую поддержку странам региона, однако эта помощь сопровождается рядом условий, направленных на сокращение их зависимости от России и Китая. США активно инвестируют в энергетический сектор, продвигая идеи альтернативной энергетики, а также в сферу здравоохранения, открывая частные клиники и поставляя медицинское оборудование. Американская международная финансовая корпорация развития

³¹⁹ USA–Uzbekistan: A Partnership That Delivers // Официальный сайт Посольства США в Узбекистане. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/usa-uzbekistan-a-partnership-that-delivers-ru> (дата обращения: 13.04.2025).

³²⁰ Газета.uz. О чем договорились Узбекистан и США в рамках Диалога стратегического партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/14/us-statement/> (дата обращения: 13.04.2025).

³²¹ AmeriCares оказывает гуманитарную помощь Узбекистану // Central Asia Analytical Network. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.caa-network.org/archives/8342> (дата обращения: 13.04.2025).

(DFC) оказывает содействие в привлечении инвестиций, в том числе в рамках Центральноазиатского инвестиционного партнерства (CAIP), созданного совместно с Казахстаном и Узбекистаном.

Политическое влияние США проявляется в дипломатических инициативах и многосторонних переговорах, таких как C5+1, в которых Узбекистан является активным участником. При этом американская сторона использует данный формат не только для решения региональных проблем, но и для продвижения собственных интересов. Это выражается в требованиях к странам-участницам, таких как отказ от содействия России в обходе санкций и сокращение экономических связей с Москвой. Такой формат требований поступает на закрытых встречах руководителей высшего уровня, о чем неоднократно говорил президент Узбекистана.

В данном контексте Узбекистан демонстрирует осторожную дипломатическую позицию, стараясь не вступать в открытую конфронтацию с Россией, но при этом углубляя взаимодействие с США в сфере образования и инвестиций. К тому же, после прихода Трампа к власти в 2025 году, эта повестка стала менее актуальной ведь республиканец поменял вектор взаимодействия с Россией, а значит, и со странами бывшего СССР. К тому же, были отменены программы USAID, которые действовали на территории страны.

Узбекистан принимает гуманитарную и техническую помощь, но сохраняет дипломатический нейтралитет — не вступает в союзы и не поддерживает ни одну из сторон в международных конфликтах. США относятся к этому сдержанно, но периодически выражают недовольство решением Узбекистана оставаться нейтральным через публичные доклады Госдепа с критикой уровня демократии в Узбекистане³²².

Идеологическое влияние Соединенных Штатов выражается в реализации политики «мягкой силы». Через образовательные программы, студенческий обмен, открытие университетов и культурных центров США продвигают свои

³²² Узбекистан должен прекратить репрессии против активистов [Электронный ресурс] // Gazeta.uz. – 2023. – 27 марта. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/27/human-rights/> (дата обращения: 13.04.2025).

ценности и демократическую модель управления. Вестернизация столичной элиты, распространение американских брендов и присутствие западных компаний в Ташкенте свидетельствуют о возрастающем культурном влиянии. Однако в то же время в обществе сохраняются антизападные настроения, особенно на фоне событий в Палестине и продолжающейся конфронтации между США и мусульманским миром. Американская политика, направленная на поддержку Израиля, вызывает недовольство среди части населения Узбекистана, что ограничивает потенциал дальнейшего расширения идеологического влияния.

Исторически отношения Узбекистана с США проходили через этапы сближения и охлаждения. В начале 2000-х годов Вашингтон и Ташкент поддерживали стратегическое партнерство, особенно в контексте военных операций в Афганистане. Однако события в Андижане 2005 года привели к серьезному ухудшению двусторонних отношений, поскольку Соединенные Штаты осудили действия узбекских властей против протестующих. Впоследствии, с приходом к власти Шавката Мирзиёева, отношения постепенно начали восстанавливаться. Сегодня Узбекистан демонстрирует прагматичный подход, стараясь использовать экономическое сотрудничество с США для модернизации собственной экономики и получения доступа к инвестициям, при этом избегая превращения в геополитический инструмент американской внешней политики.

В целом, влияние США на Узбекистан осуществляется через экономические, политические и идеологические механизмы. Вашингтон стремится закрепить свое присутствие в регионе, используя сочетание финансовых инструментов, дипломатических инициатив и культурного воздействия. Однако успех американской стратегии зависит от множества факторов, включая устойчивость узбекского политического курса, баланс сил в регионе и реакцию населения на продолжающиеся внешние влияния. Таким образом, дальнейшее развитие американо-узбекских отношений будет определяться не только действиями Вашингтона, но и стратегическими

решениями, принимаемыми Ташкентом в условиях многовекторной внешней политики.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что Россия и Узбекистан продолжают развивать стратегическое партнерство, однако Ташкент стремится сохранять баланс между основными мировыми игроками. Экономическое сотрудничество с Россией остается ключевым, включая торговлю, энергетику и инвестиционные проекты. Однако Узбекистан избегает участия в наднациональных структурах, таких как ЕАЭС и ОДКБ, что свидетельствует о его стремлении к внешнеполитической автономии. В вопросах безопасности стороны координируют усилия, однако Ташкент ограничивает свое участие, чтобы не создавать избыточную зависимость от Москвы. Таким образом, российско-узбекские отношения характеризуются прагматизмом, при котором Узбекистан извлекает экономические выгоды, не поступаясь стратегической независимостью.

Центральная Азия остается регионом геополитического соперничества между крупными мировыми державами³²³. Страны региона сталкиваются с вызовами, связанными с демаркацией границ, миграцией и управлением водными ресурсами. Интеграционные процессы сталкиваются с препятствиями из-за различий в экономических моделях и внешнеполитических приоритетах государств. Россия и Китай продвигают проекты, направленные на усиление экономического и политического влияния, тогда как США и Европейский союз предлагают альтернативные форматы сотрудничества. Узбекистан занимает позицию стратегического маневра, стремясь минимизировать зависимость от одного игрока, расширяя экономические и дипломатические связи, что позволяет стране эффективно лавировать между глобальными центрами силы.

Китай активно укрепляет свое присутствие в Центральной Азии, предлагая многосторонний формат сотрудничества, аналогичный C5+1, но с участием Пекина. Основное внимание уделяется инфраструктурным проектам, вопросам национальной безопасности и энергетике. Однако газовая зависимость

³²³ Neafie, J. The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: a case study of the Emerging Role of the EU and its implications for Kazakhstan's Multivector foreign policy / J. Neafie, M. Amanbaiuly, A. Akhmer // *Economic Diplomacy*. – 2025. – Vol. 3, № 1. – P. 41–51. – DOI: 10.2478/ecdip-2025-0003.

Узбекистана от России и Туркменистана создает барьеры для китайских инициатив. Несмотря на это, Пекин остается ключевым партнером в развитии альтернативных источников энергии и расширении торговли. Взаимодействие Китая и Узбекистана переходит от акцента на вопросы безопасности к торгово-экономическому сотрудничеству, что делает Китай одним из важнейших внешнеэкономических партнеров Ташкента.

Афганистан продолжает представлять вызовы для региональной безопасности. Узбекистан отказался от политики изоляции и активно участвует в трансграничных проектах, таких как железные дороги и транспортные коридоры, что усиливает его влияние в регионе. Однако отсутствие международного признания «Талибана» и нестабильность внутри страны создают риски. Узбекистан балансирует между сотрудничеством с Кабулом и учетом интересов других мировых акторов, включая США, Россию и Китай. Основная цель – сохранить безопасность, избежать распространения радикальных движений и закрепить за собой роль посредника в урегулировании региональных конфликтов.

Южная Корея является важным экономическим партнером Узбекистана, акцентируя внимание на технологическом обмене, инвестициях и развитии цифровой экономики. В отличие от других внешнеполитических акторов, Сеул сосредоточен на двусторонних отношениях, предоставляя Узбекистану возможность диверсификации внешних экономических связей. Южная Корея рассматривает Узбекистан как перспективный рынок и логистический узел, тогда как Ташкент получает доступ к передовым технологиям и инвестициям. Несмотря на отсутствие сухопутного соединения, сотрудничество между двумя странами продолжает углубляться, что подтверждает стратегическую значимость этого партнерства.

США укрепляют свое влияние в регионе через дипломатические инициативы, экономическое сотрудничество и продвижение демократических ценностей. Формат С5+1 остается основным инструментом взаимодействия, предлагая инвестиции и торговые возможности. Однако Вашингтон использует этот механизм и для сокращения влияния России и Китая, включая давление на

страны региона в вопросах санкционной политики. Вестернизация столичной элиты, рост американских образовательных программ и культурные инициативы указывают на идеологическое влияние США. Тем не менее, внутри узбекского общества сохраняются антизападные настроения, что может ограничивать дальнейшее расширение американского присутствия. Узбекистан продолжает придерживаться политики прагматичного сотрудничества, используя партнерство с США для модернизации экономики, но избегая вовлечения в геополитическую конфронтацию.

Таким образом, Узбекистан реализует стратегию многовекторности, выстраивая баланс между ключевыми мировыми центрами силы³²⁴. Россия, Китай, США, Южная Корея и страны Центральной Азии конкурируют за влияние в регионе, предлагая различные модели взаимодействия. В этих условиях Ташкент стремится извлечь максимум выгоды, укрепляя свою экономическую независимость, развивая технологические партнерства и поддерживая дипломатическую гибкость. Будущее узбекской внешней политики будет зависеть от способности страны эффективно адаптироваться к изменяющейся геополитической ситуации, балансируя между глобальными игроками и укрепляя свою автономию в международных отношениях.

Завершая анализ, целесообразно обратиться к операционализации многовекторности, и продемонстрировать, как ее ключевые индикаторы эмпирически воплощаются во внешнеполитической практике Республики Узбекистан.

1. Многосторонность внешнеполитических альянсов и партнерств находит свое выражение в участии Узбекистана в таких разноориентированных структурах, как Шанхайская организация сотрудничества, Организация исламского сотрудничества, СНГ, а также в поддержании партнерства с НАТО и статусе наблюдателя при ЕАЭС. Это свидетельствует о

³²⁴ Kurc, Ç. The puzzle: Multi-vector foreign policy and defense industrialization in Central Asia / Ç. Kurc // Comparative Strategy. – 2018. – Vol. 37, № 4. – P. 316–330. – DOI: 10.1080/01495933.2018.1497352.

стремлении республики институционализировать связи с различными центрами силы, не замыкаясь в рамках одного интеграционного трека.

2. Диверсификация внешнеэкономических связей проявляется в динамичном росте торговли с Китаем, ЕС, Южной Кореей и странами Центральной Азии при одновременном сохранении интенсивных экономических связей с Россией. Ни один из внешнеэкономических партнеров на сегодняшний день не доминирует в структуре внешней торговли республики, что позволяет говорить о сбалансированном распределении рисков.

Диверсификация внешнеэкономических связей Узбекистана в последние годы проявляется в устойчивом расширении торгово-экономического взаимодействия с различными странами и регионами. Согласно данным Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан, в 2023 году общий объем внешнеторгового оборота страны достиг 62,6 млрд долларов США, увеличившись на 23,8% по сравнению с предыдущим годом.

Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером Узбекистана, с товарооборотом в 13,7 млрд долларов США, что составляет 21,9% от общего внешнеторгового оборота страны. Товарооборот с Российской Федерацией достиг 9,8 млрд долларов США, увеличившись на более чем 5% по сравнению с 2022 годом. С Европейским союзом объем торговли составил 5,13 млрд евро, что на 11% превышает показатель предыдущего года. Торговля с Южной Кореей достигла 2,5 млрд долларов США. Объем внешней торговли со странами Центральной Азии составил 7,2 млрд долларов США, что составляет 11,5% от общего внешнеторгового оборота Узбекистана³²⁵³²⁶³²⁷.

Такая структура внешнеэкономических связей свидетельствует о сбалансированном распределении торговых потоков и снижении зависимости от

³²⁵ Инфографика: Торговля Узбекистана с Китаем в 2023 году // Генеральное консульство Республики Узбекистан в Актау. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/инфографика-торговля-узбекистана-с-к/> (дата обращения: 13.05.2025).

³²⁶ Внешнеторговый оборот Узбекистана увеличился почти на 24% [Электронный ресурс] // Информационное агентство ALTA.RU. – 2024. – Режим доступа: https://www.altaru.ru/external_news/107665/ (дата обращения: 13.05.2025).

³²⁷ Инфографика: Торговля Узбекистана со странами Центральной Азии за 2023 год // Review.uz. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-so-stranami-centralnoy-azii-za> (дата обращения: 13.05.2025).

отдельных партнеров. Отсутствие доминирующего внешнеэкономического контрагента позволяет Узбекистану более гибко реагировать на изменения мировой конъюнктуры и способствует укреплению экономической устойчивости страны.

3. Риторическая и документальная артикуляция многовекторности четко зафиксирована в стратегических документах («Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан», «Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан») и публичных выступлениях высших должностных лиц, где подчеркиваются принципы прагматизма, независимости и открытости в международных делах.

Риторическая и документальная артикуляция многовекторности четко зафиксирована в стратегических документах, таких как «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы»³²⁸ и «Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан»³²⁹, а также в публичных выступлениях высших должностных лиц государства. В «Стратегии действий» многовекторность внешней политики определяется как один из ключевых элементов обеспечения национальных интересов, предусматривающий развитие сбалансированных отношений с ведущими мировыми державами и международными организациями. Особое внимание уделено укреплению добрососедских связей, расширению участия в региональных интеграционных процессах и активизации дипломатического взаимодействия в формате многосторонних форумов.

«Концепция внешнеполитической деятельности» акцентирует принципы прагматизма, независимости и открытости как базовые установки международной активности Узбекистана. В документе подчеркивается, что республика стремится

³²⁸ Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/3107042?ONDATE=17.03.2021> (дата обращения: 13.05.2025).

³²⁹ Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан: Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4450 от 10 сентября 2012 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/2055075> (дата обращения: 13.05.2025).

к выстраиванию равноправных и взаимовыгодных отношений без предпочтения какой-либо группы государств или военно-политических блоков, что в полной мере соответствует доктрине многовекторности.

Публичные заявления президента Шавката Мирзиёева, в частности его выступления на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, консультативных встречах глав государств Центральной Азии и форумах Шанхайской организации сотрудничества, также иллюстрируют приверженность многовекторному подходу. Так, в обращении к 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2020 года президент Узбекистана подчеркнул приоритетное значение расширения конструктивных отношений со всеми странами, без противопоставления интересов различных центров силы³³⁰.

Кейсом практической реализации данной концепции является активизация взаимодействия Узбекистана одновременно с Евразийским экономическим союзом (в статусе наблюдателя)³³¹, с Европейским союзом (через переговоры по новому Соглашению о расширенном партнерстве и сотрудничестве)³³² и с инициативой «Один пояс — один путь», продвигаемой Китаем³³³. Это свидетельствует о стремлении республики избегать односторонней зависимости и поддерживать многовекторную конфигурацию внешнеэкономических и политических связей.

4. Маневренность в условиях внешнего давления особенно отчетливо проявилась в позиции Узбекистана по отношению к конфликту на Украине: республика заняла нейтральную и сбалансированную позицию, одновременно подчеркивая уважение к территориальной целостности государств и не присоединяясь к санкциям, введенным против России. Такой подход

³³⁰ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/3945> (дата обращения: 13.05.2025).

³³¹ Республика Узбекистан получила статус наблюдателя при Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/570/85903/> (дата обращения: 13.05.2025).

³³² Узбекистан и ЕС согласовали основные положения нового Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/21/uzbekistan-eu/> (дата обращения: 13.05.2025)

³³³ Узбекистан поддерживает инициативу Китая «Один пояс – один путь». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uzreport.news/politics/uzbekistan-i-china-rasshirenje-sotrudnichestva-v-ramkah-initsiatiivi-odin-poyas-odin-put> (дата обращения: 13.05.2025).

демонстрирует гибкость, избегающую жесткой привязки к какому-либо международному полюсу.

Маневренность внешней политики Узбекистана в условиях внешнего давления особенно отчетливо проявилась в позиции республики по отношению к конфликту на Украине. С первых месяцев эскалации в 2022 году официальные власти Узбекистана последовательно придерживались нейтральной и сбалансированной линии, акцентируя в своих публичных заявлениях приверженность принципам территориальной целостности и суверенитета государств, зафиксированным в Уставе ООН. Так, 16 марта 2022 года министр иностранных дел Узбекистана Абдулазиз Камилев в своем выступлении в Сенате Олий Мажлиса прямо подчеркнул, что Узбекистан признает территориальную целостность Украины и выступает за мирное урегулирование конфликта политико-дипломатическими средствами³³⁴.

Одновременно республика отказалась от участия в санкционной политике, введенной рядом западных государств в отношении Российской Федерации, что свидетельствует о стремлении сохранить конструктивные отношения как с Россией, так и с другими ключевыми внешнеполитическими партнерами. Узбекистан сохранил экономическое взаимодействие с Российской Федерацией в области торговли, инвестиций и трудовой миграции, что было подтверждено данными о росте объема взаимной торговли в 2022 и 2023 годах.

Таким образом, данный исторический факт демонстрирует гибкость внешнеполитической линии Узбекистана, избегающей жесткой привязки к какому-либо международному полюсу. Республика стремится поддерживать стратегическую автономию, минимизируя потенциальные риски вовлечения в конфронтационные блоки и сохраняя возможности для взаимодействия с различными центрами силы.

5. Полицентричность дипломатической активности подтверждается равномерным распределением официальных визитов, подписанием соглашений и

³³⁴ Выступление Министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилева в Сенате Олий Мажлиса 16 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/press/news/2022/03/30276/> (дата обращения: 13.05.2025).

участием в форумах с представителями различных акторов — от Китая и Турции до Японии, ЕС и США. Регулярные саммиты в формате «Центральная Азия +1» (с Китаем, США, Кореей, ЕС) служат доказательством целенаправленного стремления к расширению дипломатического присутствия по всем векторным направлениям.

Полицентричность дипломатической активности Узбекистана подтверждается равномерным распределением официальных визитов, подписанием соглашений и участием в форумах с представителями различных акторов — от Китая и Турции до Японии, Европейского союза и Соединенных Штатов Америки. Регулярные саммиты в формате «Центральная Азия +1» (с Китаем, США, Южной Кореей, ЕС) служат доказательством целенаправленного стремления к расширению дипломатического присутствия по всем векторным направлениям. В частности, в 2022 году Узбекистан принимал у себя первый саммит «Центральная Азия – ЕС», а в 2023 году — участвовал в аналогичных встречах с США в формате «С5+1» и с Китаем в формате «Центральная Азия — Китай». Важным подтверждением полицентричности стало подписание в 2022 году Декларации о всеобъемлющем стратегическом партнерстве с Турцией, а также проведение ряда двусторонних визитов на высшем уровне в Японию, Южную Корею и страны Персидского залива. Показательно, что в 2023 году количество официальных встреч и визитов узбекских представителей с лидерами стран Азии, Европы и Америки было распределено равномерно, что свидетельствует об отсутствии явной доминанты в одном направлении и о сознательной политике поддержания сбалансированного внешнеполитического курса. Эти факты объективно подтверждают стремление Узбекистана реализовать стратегию многовекторности на практике, используя полицентричную архитектуру международных связей для укрепления своих позиций в глобальной системе.

Таким образом, на основании приведенных данных можно утверждать, что внешняя политика Узбекистана в исследуемый период отвечает критериям многовекторности, рассматриваемой, как институционализированная стратегия

балансирования между альтернативными внешними направлениями с целью обеспечения устойчивой автономии, безопасности и экономической выгоды в условиях нестабильной международной среды.

ГЛАВА 3. СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ МНОГОВЕКТОРНОСТИ

3.1. Продолжение политики добрососедства и торгового обмена со странами Центральной Азии

После 2022 года Узбекистан закрепил курс на укрепление добрососедства и взаимодействия со странами региона. В декабре 2022 г. Ташкент и Нур-Султан подписали Договор о союзнических отношениях³³⁵, нацеленный на всестороннее углубление связей – от роста торговли и инвестиций до координации действий в случае региональных кризисов.

С Кыргызстаном в январе 2023 г. достигнут качественно новый уровень отношений: лидеры обеих стран утвердили Декларацию о всеобъемлющем стратегическом партнерстве³³⁶ и окончательно решили пограничные споры — подписан протокол об обмене ратификационными грамотами по делимитации отдельных участков границы³³⁷.

Аналогично с Таджикистаном: ранее сложные отношения преобразованы в стратегическое партнерство (с 2018 г.), а в июне 2022 г. – подняты до уровня союзнических³³⁸, что ознаменовало новую эпоху тесного сотрудничества двух республик. Эти договоренности создали официальные механизмы регулярных контактов – от межправительственных комиссий до межпарламентских групп – для реализации совместных проектов и мониторинга достигнутых договоренностей

В отношениях с Туркменистаном также наблюдается динамика: президенты двух стран в 2022–2023 гг. заключили соглашения об углублении стратегического

³³⁵ Декларация о союзнических отношениях Ташкента и Нур-Султана – историческое событие [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. – 2021. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/декларация-о-союзнических-отношениях-ташкента-и-нур-султана-историческое-событие/2441832> (дата обращения: 13.03.2025).

³³⁶ Узбекистан и Кыргызстан подписали пакет документов о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/27/documents-kg/> (дата обращения: 13.03.2025).

³³⁷ Киргизия и Узбекистан утвердили документы по демаркации границы [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/903690> (дата обращения: 13.03.2025).

³³⁸ Исполнительный комитет СНГ. Между Узбекистаном и Таджикистаном официально установлены союзнические отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/28986/mezhdu_uzbekistanom_i_tadzhikistanom_oficialno_ustanovleny_sojuznicheskie_otnoshe_nija (дата обращения: 13.03.2025).

партнерства³³⁹, расширении сотрудничества в промышленности, энергетике и транспортной инфраструктуре.

Таким образом, к 2023 году Узбекистан выстроил сеть двусторонних программ сотрудничества со всеми соседями в Центральной Азии, заложив институциональную основу для координации политики и развития совместных инициатив. После 2022 года Узбекистан задействовал официальные программы партнерства как с соседями по региону, так и с Китаем, институционализируя сотрудничество через двусторонние договоры, комиссии и интеграцию стратегических планов развития.

Узбекистан проводит взвешенную политику безопасности, сочетая принцип невступления в военные блоки с активным двусторонним и многосторонним сотрудничеством. В соответствии с новой Оборонной доктриной, Ташкент придерживается внеблокового статуса и не размещает на своей территории иностранные базы.

Несмотря на это, республика укрепляет военные связи с партнерами по региону и за его пределами на договорной основе. В 2017–2023 гг. Узбекистан подписал и ратифицировал восемь международных соглашений в области обороны, а также утвердил отдельные планы военного сотрудничества с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Турцией, Азербайджаном, США, Германией, Францией и Индией.

С ключевыми центральноазиатскими соседями налажен регулярный обмен визитами силовых делегаций и совместные учения. Например, с Казахстаном проводятся ежегодные двусторонние маневры: в 2023 г. на полигоне «Ангрен» прошли учения «Щит-2023» по отработке взаимодействия армий двух стран в отражении региональных угроз.

Аналогично развивается сотрудничество с Кыргызстаном и Таджикистаном: после урегулирования границ Узбекистан приступил к усилению взаимодействия погранслужб и проведению совместных антитеррористических учений с этими

³³⁹ Декларация об углублении стратегического партнерства между Туркменистаном и Республикой Узбекистан от 21 октября 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/722> (дата обращения: 13.03.2025).

странами. Важную роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – многосторонняя платформа, где Ташкент и Пекин, а также соседние державы, координируют усилия в сфере безопасности. Узбекистан как соучредитель ШОС активно участвует в контртеррористических учениях формата «Мирная миссия» и работе Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС) со штаб-квартирой в Ташкенте. Так, узбекские военные контингенты совместно с коллегами из Китая, России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и других стран регулярно отрабатывают на полигонах задачи по борьбе с терроризмом и угрозами безопасности в рамках многонациональных учений ШОС.

Отдельно стоит отметить позицию Узбекистана в отношении Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Ташкент приостанавливал членство в ОДКБ еще в 2012 году и после 2022-го не возобновил участие, предпочитая двусторонний формат сотрудничества с союзниками по ОДКБ (Россией и Казахстаном) и участие в альтернативных структурах безопасности³⁴⁰. Тем не менее Узбекистан демонстрирует готовность к консультациям со странами ОДКБ по региональным кризисам: заключенный с Казахстаном союзнический договор, например, предполагает незамедлительные консультации Ташкента и Астаны для восстановления мира в случае вооруженного конфликта между третьими странами Центральной Азии.

После прихода к власти президента Ш. Мирзиёева (2016) Узбекистан превратился в двигатель региональной консолидации, и эта тенденция ярко проявилась в 2022–2025 гг. Ташкент активно использует свой вес (самое населенное государство Центральной Азии с центральным географическим положением) для формирования более сплоченной и самостоятельной региональной политики. Конструктивная региональная политика Узбекистана принесла осязаемые результаты в разрешении давних разногласий между соседями. В частности, дипломатические усилия Ташкента стали одним из факторов успешного прогресса в делимитации границ в Ферганской долине: к

³⁴⁰ Willardson, S. L. Role socialization: Kazakhstan and the nature of the multivector foreign policy role / S. L. Willardson, A. Karibayeva // *International Politics*. – 2025. – DOI: 10.1057/s41311-025-00718-5.

2024 году полностью согласованы линии границы Узбекистана с Казахстаном, значительные участки рубежей с Кыргызстаном и Таджикистаном, демилитаризован узбекско-таджикский участок и восстановлено движение через ранее закрытые погранпереходы.

Примечательно, что эти договоренности достигнуты самими центральноазиатскими странами без посредничества внешних сил, что отражает их возросшую способность самостоятельно решать споры.

После 2022 года Узбекистан продолжил активно участвовать в многосторонних структурах и инициативах, направленных на координацию внешнеполитических курсов стран региона. Ключевым инструментом регионального взаимодействия стали Консультативные встречи глав государств Центральной Азии – неформальный саммит пяти президентов, проводимый ежегодно с 2018 г. по предложению Ш. Мирзиёева³⁴¹. За прошедшее время этот механизм доказал свою эффективность: к примеру, на пятой юбилейной встрече (Душанбе, сентябрь 2023 г.) лидеры стран ЦА утвердили Совместное заявление и пакет соглашений, включая Соглашение об укреплении взаимосвязанности наземного транспорта, договор о сотрудничестве в области молодежной политики, а также Положение о Совете национальных координаторов для организационного сопровождения будущих саммитов.

Президенты подтвердили исключительную значимость данного формата для упрочения дружбы и договорились решать все возникающие региональные проблемы исключительно политико-дипломатическими средствами на принципах равноправия и учета интересов друг друга.

Хотя правовой статус этих договоренностей носит рекомендательный характер, сам факт их принятия свидетельствует о формировании новой региональной архитектуры сотрудничества, где Узбекистан играет роль одного из главных координаторов. Примечательно, что три страны (Узбекистан, Казахстан,

³⁴¹ 5-я консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Таджикистане: итоги [Электронный ресурс] // News Central Asia. – 2023. – Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2023/09/15/5-aya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-tadzhikistane-itogi/> (дата обращения: 13.03.2025).

Кыргызстан) уже подписали Договор о дружбе³⁴². Хотя Таджикистан и Туркменистан не сразу присоединились к нему, в совместных заявлениях они разделяют цели договора, и ожидается их полноценное участие после завершения внутренних процедур согласования. Такой договор свидетельствует о стремлении центральноазиатских стран институционализировать доверие и стабильность в регионе.

Узбекистан также задействует многосторонние организации для продвижения общерегиональных интересов. В рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) Ташкент участвует в координации экономической политики и гуманитарных проектов, хотя и сохраняет выборочную вовлеченность (республика, например, не входит в военные структуры СНГ). Начиная с 2021 года Узбекистан получил статус наблюдателя при Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), что позволяет отслеживать интеграционные процессы и при необходимости координировать торгово-тарифную политику с партнерами по ЕАЭС (Казахстаном, Кыргызстаном) без формального членства.

В данной работе был проанализирован торговый оборот между Узбекистаном и странами Центральной Азии. Так как ЮНЕСКО относит к Центральной Азии и Афганистан, объединим эти страны в одну таблицу (Таблица №1 в Приложении).

Ключевые выводы, которые мы можем сделать:

- Казахстан является абсолютным лидером по импорту и экспорту товаров между Узбекистаном и Казахстаном.
- Афганистан стал важной страной для экспорта со стороны Узбекистана. В два раза вырос экспорт из Узбекистана в Афганистан.
- Общий уровень экспорта вырос с 7,4 миллиардов долларов в 2016 году до 16,9 миллиардов долларов в 2022 году.
- Общий уровень импорта вырос с 9,6 миллиардов долларов в 2016 году до 29,9 миллиардов долларов в 2022 году.

³⁴² Главы государств Центральной Азии подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2022. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/21/glavy-gosudarstv-centralnoj-azii-podpisali-dogovor-o-druzhbe-dobrososedstve-i-sotrudnichestve.html> (дата обращения: 13.03.2025)

По данным таблицы мы можем сделать вывод, что экспорт-импортные отношения со странами Центральной Азии имеют постоянную тенденцию к росту. Исключением стали Казахстан и Афганистан в 2020 году, которые показали меньшие объемы торговли. Причины тому лежат во всемирной пандемии Covid-19, где и в Казахстане, и в самом Узбекистане работали жесткие условия карантина.

На основе проанализированных данных по импорту и экспорту между странами Центральной Азии и Узбекистана, мы можем сделать вывод, что эти страны представляют меньший экономический интерес, чем более крупные игроки.

Совокупная доля импорта всех центральноазиатских стран за 2022 год составляет 15,9459% от всех стран в экономике Узбекистана. Совокупная доля экспорта всех центральноазиатских стран за 2022 год составляет 19,25%. Эти цифры ниже, чем с Россией, Китаем, США и Южной Кореей. Но при этом являются важными, поэтому Узбекистан продолжит торговые отношения с этими странами, об этом нам говорит анализ роста обмена товаров с 2016 по 2022 годы. В данной работе мы предполагаем, что Казахстан останется лидером по этим показателям. Импорт с Казахстаном за все время составил 14,401 миллиард долларов, экспорт 7,023 миллиарда.

Отдельно рассмотрим торговые отношения с Южной Кореей и Китаем. Результаты анализа оборота импорта и экспорта этих стран с Узбекистаном можно найти в Таблице 2 (см. Приложение 1. Таблица 2).

Для анализа объема импорта и экспорта были использованы данные из открытой платформы Observatory of Economic Complexity (ОЕС)³⁴³. Этот источник предоставляет структурированные данные по международной торговле между странами, включая конкретные показатели импорта и экспорта, разбитые по странам-партнерам.

Данные включают следующие переменные:

³⁴³ Observatory of Economic Complexity. World Trade Data [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/world/wld> (дата обращения: 16.06.2024).

- **Страна-партнер** (например, Россия, Китай, Казахстан и т.д.);
- **Объем импорта** (в денежном выражении и процентном соотношении от общего объема импорта Узбекистана);
- **Объем экспорта** (в денежном выражении и процентном соотношении от общего объема экспорта Узбекистана).

Данные по объемам импорта и экспорта были получены с платформы ОЕС. Для каждого показателя были собраны данные за конкретный временной период (2016–2022 гг.). Были удалены дубликаты, а также обработаны пропущенные значения.

На основе проведенного анализа были сделаны выводы о ключевых торговых партнерах Узбекистана, особенностях структуры импорта и экспорта, а также потенциальных рисках и возможностях для развития внешнеэкономической деятельности.

Мы видим, что Китай доминирует по импорту и экспорту с Узбекистаном над Южной Кореей. Так за период с 2016 по 2022 года совокупный импорт в Узбекистан составил 31,83 миллиарда долларов с Китаем. За тот же период экспорт из Узбекистана составил 12,34 миллиарда долларов. Если анализировать показатели Южной Кореи, то они будут скромнее. Импорт за этот период составил 12,868 миллиардов долларов. Экспорт составил 214,1 миллион долларов.

Если говорить про азиатские страны, мы видим, что Китай является абсолютным выгодополучателем от торговли с Узбекистаном и развития совместных проектов. Если бы наш анализ подразумевал выделение «финалистов» соревнования по товарообороту, мы бы выделили сначала Китай, затем Казахстан и после Южную Корею по совокупным показателям выгоды от экспорта и импорта.

Если говорить о контент-анализе внутри узбекистанской медиасферы, то нами были выделены наиболее популярные и политически весомые русскоязычные телеграм-каналы в Узбекистане.

Целью контент-анализа является выявление частоты и контекста упоминаний различных стран в русскоязычных Telegram-каналах Узбекистана.

Единица анализа — название государства, единица счета — частота появления в тексте. Было подсчитано, сколько раз упоминаются государства в текстах телеграм-каналов. Это позволяет оценить, как формируется образ внешнеэкономических и внешнеполитических партнеров в локальном медиа-дискурсе.

Критериями отбора стали:

- язык (только русскоязычные каналы);
- аудитория (только крупные каналы);
- специализация (новости, политика, экономика, социальные темы);
- период (2024 год).

Для анализа использовались специальные парсеры и агрегаторы — TGStat³⁴⁴ (сервис для аналитики Telegram-пространства) и его аналог Telemetr³⁴⁵. Нами применялся частотный анализ — подсчет количества упоминаемых стран с последующим сравнительным анализом.

Для анализа мы выбрали следующие из них: Газета Узбекистан, Kursiv, ХУК, Repost. Совокупная аудитория этих каналов составляет 201 293 подписчика. Подробнее ознакомиться с результатами показателей можно в таблицах №3 и №4.

Мы проанализировали частоту упоминаний азиатских стран, с которыми Узбекистан ведет наиболее интенсивную внешнеэкономическую деятельность и пришли к следующим результатам:

- Казахстан – 3 135.
- Китай – 1 833.
- Кыргызстан – 1 632.
- Афганистан – 1 503.
- Таджикистан – 1 079.
- Туркменистан – 645.
- Южная Корея – 536.

³⁴⁴ TGStat. Сервис аналитики Telegram-каналов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 16.06.2024).

³⁴⁵ Telemetr.me. Аналитика Telegram-каналов и чатов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telemetr.me> (дата обращения: 16.06.2024).

Таблица 3 - Количество упоминаний стран в крупнейших русскоязычных Телеграм-каналах

Площадка/Страна	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан	Афганистан	Казахстан
Gazeta Uz	362	563	220	521	855
Kursiv Uz	403	685	236	444	1455
Repost Uz	294	348	171	513	773
ХУК	20	36	18	25	52
ИТОГО:	1079	1632	645	1503	3135

Начнем с наименее заметного торгового партнера – Южной Кореи. Несмотря на то, что импорт составил больше 12 миллиардов долларов, публичных и культурных мероприятий между двумя странами проводится достаточно мало. Этим можно объяснить столь небольшой интерес к этой стране. Отношения с Кыргызстаном и Туркменистаном носят волнообразный характер и говорят о том, что скрытые конфликты между странами, несмотря на сотрудничество, остаются. Более того, из-за разности политических режимов, Узбекистан можно попробовать определить, как «суперпрезидентскую республику», а Казахстан, как «президентскую республику» по крайней мере формально. Причина такой типологизации в том, что в обеих странах были проведены референдумы по балансированию между исполнительной и законодательной властью. В частности, прошедшие референдумы в Узбекистане (2023) и Казахстане (2022).

Мы видим, что в лидерах по частоте упоминаний Казахстан и Китай занимают первые две строчки своеобразного рейтинга. Это говорит нам о том, что частота экономических сопряжений косвенно влияет и на интерес узбекистанцев к этим странам. Оно и понятно, когда СМИ озвучивают новые крупные проекты по развитию совместной инфраструктуры, это тут же получает охваты в ключевых центрах поиска информации, в данном случае, в телеграм-каналах.

Очевидно, что Узбекистану выгодно продолжать торговлю с азиатскими странами и при этом диверсифицировать свою экономику³⁴⁶. Действующий

³⁴⁶ Мухаммад А. Н. Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления // Постсоветские исследования. – 2022. – № 4. С. 357-366.

президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев относится к узбекистанской экономике, как к портфельным инвестициям – диверсифицирует экономику страны и сотрудничает с разными странами по удовлетворению национальных потребностей. Если бы мы представили сотрудничество с каждой отдельной страной, как покупку акций отдельных компаний на бирже, то политику Узбекистана по этому вопросу можно было бы назвать консервативной с минимальным риском. Именно этого подхода придерживается действующая администрация Узбекистана³⁴⁷.

В среднесрочной перспективе Узбекистан будет поддерживать совместные инфраструктурные проекты с Китаем, Южной Кореей и Казахстаном, а также продолжать поддерживать пояс безопасности с оставшимися странами Центральной Азии.

В ближайшие годы политическое взаимодействие Узбекистана с Центральной Азией будет развиваться по нарастающей, однако сопряженно с определенными вызовами. Базовый сценарий предполагает продолжение нынешнего курса Ташкента на региональную сплоченность и многовекторность. Узбекистан, вероятно, и далее останется двигателем интеграции в Центральной Азии – следует ожидать углубления практической реализации уже заключенных соглашений с соседями. Например, союзнические договоры с Казахстаном и Таджикистаном могут преобразоваться в реальные планы совместных действий по обеспечению региональной безопасности и экономического роста. Если заложенные механизмы (Совет национальных координаторов ЦА, межправительственные комиссии и фонды развития) покажут эффективность, то возможен переход к еще более институционализированным форматам – вплоть до создания постоянно действующего Секретариата глав ЦА или аналогии регионального союза. Предпосылки для этого есть: на пятом душанбинском саммите 2023 г. сразу пять соглашений приняли конкретные дорожные карты сотрудничества до 2025 года и их успешное выполнение укрепит доверие между

³⁴⁷ Захаров Ф. В. Современная стратегия «мягкой силы» Узбекистана // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 41-47.

странами. Узбекистан, как наиболее инициативный участник, вероятно, продолжит предлагать новые проекты – например, общий рынок электроэнергии Центральной Азии или совместные инфраструктурные «хабы» на стыке границ – чтобы поддержать тренд на взаимозависимость и уменьшить риск конфликтов.

3.2. Продолжение партнерских отношений с Китаем при сохранении многовекторной политики

Отношения Узбекистана и Китая после 2022 года вышли на беспрецедентно высокий уровень. Узбекистан, придерживаясь доктрины многовекторной внешней политики, стремится развивать сотрудничество с Китаем, одновременно поддерживая баланс сил и избегая излишней зависимости от какого-либо одного центра влияния.

В ходе государственного визита президента Шавката Мирзиёева в Пекин (январь 2024 г.) стороны подписали совместное заявление о повышении двусторонних отношений до уровня «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху»³⁴⁸.

Этот новый статус отражает особое доверие и приоритетность сотрудничества для обеих сторон. В политической плоскости созданы механизмы регулярного диалога: например, действует Узбекско-китайский межправительственный комитет по сотрудничеству³⁴⁹, а в 2023 г. принято решение учредить Совет регионов Узбекистана и Китая для координации связей между областями двух стран³⁵⁰.

Ташкент полностью поддерживает китайские международные инициативы – в том числе сопряжение своей национальной стратегии развития с проектом

³⁴⁸ Узбекистан и Китай вывели двусторонние отношения на уровень всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства [Электронный ресурс] // News Central Asia. – 2024. – Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2024/01/25/uzbekistan-i-kitay-vyveli-dvustoronniye-otnosheniya-na-uroven-vseporodnogo-vseobyemlyushchego-strategicheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 13.03.2025).

³⁴⁹ Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <http://mid.ru/ru/maps/uz/1673893/> (дата обращения: 13.03.2025).

³⁵⁰ The Multidimensional Foreign Policy of New Uzbekistan [Электронный ресурс] // Institute for Strategic and Regional Studies (ISRS). – Режим доступа: <https://isrs.uz/en/maqolalar/the-multidimensional-foreign-policy-of-new-uzbekistan/> (дата обращения: 13.03.2025).

«Пояс и путь». В результате синергии инициативы BRI с приоритетами Узбекистана реализуются масштабные совместные проекты в инфраструктуре, торговле, энергетике и др.

Знаковым примером стала договоренность о строительстве трансграничной железной дороги Китай–Киргизия–Узбекистан (подписано межправительственное соглашение в июне 2024 г.), которую президент Мирзиеев назвал «кратчайшим сухопутным маршрутом, связывающим Китай с Центральной Азией»³⁵¹ и новым коридором к рынкам Южной Азии и Ближнего Востока.

Отношения с Китаем развиваются под эгидой многовекторной стратегии. Ташкент высоко ценит стратегическое партнерство с Пекином, но параллельно сохраняет и активизирует сотрудничество с другими державами. Например, Узбекистан имеет также договоренности о стратегическом партнерстве с Россией, поддерживает тесные экономические и культурные связи с Турцией, а в отношениях с США участвует в диалоговом формате «С5+1» (пять стран Центральной Азии + США). Показательно, что в 2023 году Ташкент принимал визит Госсекретаря США Энтони Блинкена³⁵², прошедший буквально через несколько дней после саммита «Китай – Центральная Азия» в Сиане. Это демонстрирует умение узбекской дипломатии лавировать между крупными державами, извлекая выгоду из сотрудничества с каждым и не ставя одну повестку выше другой.

Китай, со своей стороны, официально приветствует суверенное право Узбекистана выбирать свой путь развития и партнеров. В Пекине понимают, что Ташкент не желает попадать в чью-либо эксклюзивную орбиту влияния, и пытаются выстраивать отношения на основе равенства и учета интересов. В совместных заявлениях лидеров подчеркивается, что Китай «твердо поддерживает Узбекистан в защите его национального суверенитета,

³⁵¹ Послание Президента Шавката Мирзиеева участникам церемонии, посвященной запуску строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/7791> (дата обращения: 13.03.2025).

³⁵² США возвращаются в Центральную Азию, но есть нюансы // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/> (дата обращения: 13.03.2025).

независимости и территориальной целостности»³⁵³. Такие формулировки важны для Ташкента: получая гарантию невмешательства во внутренние дела, Узбекистан легче интегрирует китайское направление в свой широкий внешнеполитический курс.

Несмотря на позитивную динамику узбекско-китайского сотрудничества, курс на его углубление сопряжен с определенными рисками. Главный вызов – возможность чрезмерной зависимости Узбекистана от Китая, что противоречило бы принципам многовекторности. Пекин уже стал для Ташкента крупнейшим экономическим партнером и источником инвестиций, что может со временем трансформироваться в политическое влияние. Аналитики предупреждают, что регион Центральной Азии, традиционно практиковавший балансировку между великими державами, ныне рискует оказаться чрезмерно зависимым от Пекина.

Если Китай будет рассматриваться Ташкентом как безальтернативный партнер, то возникнет угроза постепенной утраты внешнеполитической самостоятельности – когда важные решения принимаются с оглядкой на позицию Пекина.

Связанная с этим проблема – сокращение пространства для маневра на фоне обострения глобальной конкуренции. В условиях противостояния Китая с Западом (США и их союзниками) Узбекистан может столкнуться с давлением выбрать сторону. Пока Ташкент успешно избегает прямого вовлечения в подобную конфронтацию, но в перспективе нарастающая поляризация в мире способна осложнить нейтралитет. Например, усиление технологического и военного соперничества Китая и США может привести к тому, что сотрудничество Узбекистана с китайскими компаниями (в сферах телекоммуникаций, безопасности и т.п.) вызовет недовольство Запада. Аналогично, сближение с КНР может вызвать настороженность у Индии или Японии – других важных азиатских партнеров Ташкента. Геополитический риск заключается в том, что многовекторная политика станет труднее реализуемой по

³⁵³ Китай твердо поддерживает Узбекистан в защите национального суверенитета и выборе собственного пути развития [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китая. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202401/t20240126_11233644.html (дата обращения: 13.03.2025).

мере роста влияния Китая: быстро расширяющиеся амбиции Пекина в регионе затрудняют поддержание равновесия.

Отдельный комплекс рисков связан с потенциальными разногласиями Китая и традиционного союзника Узбекистана – России. Хотя Пекин и Москва ныне демонстрируют стратегическое партнерство, их интересы в Центральной Азии не всегда совпадают. Китайская инициатива «Глобальная инициатива безопасности» (Global Security Initiative), предлагаемая Си Цзиньпином, нацелена на укрепление влияния Пекина в Евразии и фактически бросает вызов привычному доминированию России в регионе³⁵⁴.

Если в будущем конкуренция между Китаем и Россией за влияние в Центральной Азии обострится, Узбекистан окажется в сложном положении. Ему придется балансировать не только между этими двумя державами, но и сглаживать возможные противоречия между ними на своей территории – например, в вопросах военной присутствия, энергетики или языково-культурной политики. Любое давление со стороны Пекина (или Москвы) с требованием поддержать одну сторону против другой станет серьезным испытанием для суверенитета и многовекторности Узбекистана.

Наконец, геополитический риск – возможные кризисные сценарии вокруг самого Китая, которые неизбежно затронут его партнеров. Например, гипотетический военный конфликт вокруг Тайваня или резкий экономический спад в КНР отразились бы на Центральной Азии. Узбекистан, тесно вовлеченный в инициативы Пекина, почувствует на себе последствия – от перебоев инвестиционных проектов до необходимости формировать позицию по острому международному вопросу. Такая взаимозависимость означает, что стабильность узбекско-китайских отношений не гарантирована, и Ташкент должен быть готов к непредвиденным вызовам, сохраняя альтернативные варианты и поддерживая страховые механизмы на случай ухудшения ситуации.

³⁵⁴ Implementing the Global Security Initiative to Build a World of Lasting Peace and Universal Security [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китая. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjbj/zzjg_663340/swaqsqs_665306/xgxw/202403/t20240328_11272725.html (дата обращения: 13.03.2025).

В краткосрочной и среднесрочной перспективе (2025–2030 гг.) наиболее вероятным сценарием является дальнейшее укрепление политических связей Узбекистана и Китая при сохранении Ташкентом курса на баланс интересов. **Базовый сценарий** предусматривает, что Ташкент и Пекин реализуют достигнутые договоренности и инициативы, углубляя стратегический диалог. Они будут продолжать проводить регулярные встречи на высшем уровне и расширять сотрудничество в рамках подписанных программ (на 2023–2027 годы и последующих). Можно ожидать институционализации нового формата «Китай – Центральная Азия» – создание его секретариата, в работе которого Узбекистан примет активное участие.

В рамках ШОС Ташкент и Пекин, скорее всего, выступят единым фронтом по ключевым вопросам безопасности региона, включая совместное противодействие терроризму и координацию политики по Афганистану. Этот сценарий означает поступательное развитие двустороннего партнерства без резких поворотов, когда Узбекистан продолжит получать экономические и политические дивиденды от дружбы с КНР, а Китай – надежного союзника в сердце Центральной Азии.

Однако даже в рамках благоприятного сценария Узбекистан будет стараться не «скатиться» в одновекторность. Продолжение многовекторной линии видится неотъемлемым элементом будущей стратегии Ташкента. Параллельно, вероятно, Ташкент сохранит диалог с США и Европой: участие узбекской стороны в формате C5+1 и иных западных инициативах (таких как платформа ЕС «Global Gateway» или американские программы развития в Центральной Азии) позволит минимизировать риски односторонней зависимости от КНР.

Другой возможный сценарий – усиление китайской доминанты в регионе, если геополитическая конъюнктура сложится в пользу Пекина. В случае дальнейшего ослабления России из-за внутренних проблем или санкционного давления, а также при сокращении внимания США к Центральной Азии, Китай может заполнить вакуум влияния. Тогда Ташкент, желая не отстать от соседей, может еще плотнее привязаться к Пекину, вплоть до присоединения к китайским

геополитическим проектам (например, более активная поддержка китайской «Глобальной инициативы развития» или «Инициативы глобальной безопасности»³⁵⁵). В этом случае возрастает риск смещения внешнеполитического баланса Узбекистана в сторону восточного направления. Теоретически возможно даже обсуждение присоединения Узбекистана к ШОСовским экономическим проектам или более тесное сопряжение с объединениями, где доминирует КНР. Тем не менее, даже в таком сценарии Ташкент вряд ли полностью пожертвует многовекторностью – скорее, он постарается временно сместить акцент на Китай, но сохраняя каналы взаимодействия с другими партнерами на случай, если потребуется коррекция курса.

Пессимистичный сценарий предполагает возникновение кризисов, затрудняющих узбекско-китайское сближение. Такой сценарий может реализоваться, если вспыхнет серьезный конфликт с участием Китая (например, военная эскалация на Тайване или в Южно-Китайском море) – тогда Узбекистан окажется перед неприятным выбором, испытывая давление как со стороны Китая, требующего лояльности, так и со стороны Запада, ожидающего поддержки принципов международного права. Либо же, если в самом Китае начнутся внутренние потрясения, это ударит по инвестиционным и политическим проектам в Узбекистане. Внутри страны усиление антикитайских настроений тоже способно осложнить отношения: например, экологические или трудовые споры вокруг китайских предприятий. В таком случае Ташкент, возможно, притормозит некоторые инициативы с Пекином, чтобы стабилизировать внутреннюю ситуацию, и переориентируется временно на других партнеров (Россия, Турция, страны Залива). Однако подобные кризисные сценарии сейчас оцениваются как менее вероятные, хотя и не исключаемые полностью.

В долгосрочной перспективе (после 2030 года) можно ожидать, что Узбекистан и другие страны региона будут все более осознанно выстраивать

³⁵⁵ China's Global Security Initiative: Tilting the Balance in Central Asia // Institute for Advanced International Studies (IAIS). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iais.uz/en/outputnew/chinas-global-security-initiative-tilting-the-balance-in-central-asia/> (дата обращения: 13.03.2025)

полицентричную стратегию³⁵⁶. Консолидация центральноазиатских лидеров вокруг Китая может носить временный характер – рано или поздно регион может отступить от ориентированной на КНР дипломатии.

Для Узбекистана это означает сохранение гибкости: если Китайская Народная Республика продолжит укреплять влияние, Ташкент, скорее всего, усилит противовесы – через более тесное региональное сотрудничество (Центральная Азия как единый блок), развитие отношений с альтернативными центрами (Анкара, Сеул, Токио, Нью-Дели) и продвижение собственной региональной повестки (например, инициатив по водной безопасности, транспортным коммуникациям, где Узбекистан выступает инициатором). Такая стратегия позволит Узбекистану и далее получать выгоды от дружбы с Китаем, но при этом не превращаться в его сателлита.

С 2025 года политическое сотрудничество Узбекистана и Китая, вероятно, продолжит укрепляться на принципах партнерства и взаимной выгоды. Ташкент будет и далее демонстрировать образцовую модель многовекторной дипломатии – углубляя отношения с Пекином (вплоть до уровня «сообщества единой судьбы»), он одновременно будет поддерживать активные связи с другими государствами и международными организациями. Такой баланс позволит Узбекистану воспользоваться возможностями, которые предоставляет восхождение Китая, и вместе с тем сохранить стратегическую автономию. В условиях меняющейся геополитической среды Узбекистан постарается превратить Центральную Азию из объекта соперничества крупных держав в самостоятельный субъект международной политики. Это отвечает и интересам Китая, который предпочитает иметь дело со стабильными и предсказуемыми партнерами. В конечном счете, устойчивость узбекско-китайского политического тандема будет зависеть от способности обеих сторон учитывать чувствительности друг друга и

³⁵⁶ Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика: ежегодный прогноз / Кобринская И. Я., Мачавариани Г. И., Адно Ю. Л. [и др.]. – М.: Нац. исслед. ин-т мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, 2024. – 213 с.

готовности Ташкента следовать многовекторному курсу, даже вступая в новую эпоху всестороннего стратегического партнерства с Пекином.

3.3. Сохранение статуса-кво во взаимоотношениях с Российской Федерацией и США

Россия и США специально выбраны в качестве стран-антиподов, которые на 2025 год противостоят друг другу за доминирование в конкретных регионах мира³⁵⁷. На протяжении периода 2022-2024 годов мы видели столкновение их интересов в Латинской Америке в сфере поставок вооружения, предоставления ГЛОНАСС, развития местного транспорта и энергоносителей. Противостояние по линии США-Россия происходит и в Европейском союзе, где лидеры Венгрии, Словакии не хотят участвовать в глобальном конфликте вокруг Украины, а Франция с Германией ведут Европейский Союз в сторону эскалации. Не обходится и без споров о влиянии в Центральной Азии, к которой интерес США пробудился особенно сильно в последние два года, то есть в период с 2022 по 2024 год³⁵⁸. Администрация Трампа 2025 года поменяла вектор международной политики США, в том числе и в отношении России. Прошедшие переговоры американской и российской делегаций в Саудовской Аравии показали, что обе страны готовы учитывать национальные интересы друг друга и выстраивать конструктивные отношения.

Финальная стратегия относительно Центральной Азии формируется новой администрацией Трамп³⁵⁹. Соединенные Штаты могут активизировать дипломатическое взаимодействие с центральноазиатскими республиками, укрепляя двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества. Администрация Трампа могла бы придать этой платформе новый подход, например, инициировать

³⁵⁷ Вербицкая Т. В. Проблемы взаимодействия России и государств Центральной Азии в гуманитарной сфере в контексте влияния ЕС и США в регионе (на примере взаимодействия вузов России и Казахстана) // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – №2. С. 35-44.

³⁵⁸ Аллаерова Л. Б. Роль мягкой силы в политике ведущих стран мира в Центральной Азии // Экономика и социум. – 2022. – № 9 (100). – С. 257-263.

³⁵⁹ National Security Strategy of the United States of America. — Washington, DC : The White House, November 2025. — 33 p.

регулярные саммиты на высшем уровне и перейти от обсуждений к конкретным совместным проектам в сферах торговли, энергетики и безопасности. Параллельно Вашингтон мог бы координировать усилия с союзниками и партнерами — Японией и Южной Кореей, чтобы расширить для центральноазиатских стран возможности сотрудничества с демократическим миром и уменьшить их зависимость от Китая. Если бы на выборах 2024 года победил Джо Байден, тогда к этому списку союзников добавился бы и Европейский Союз, но смена внешнеполитического курса ставит под вопрос способность США в ближайшее время договориться с ЕС.

Особое внимание может уделяться двусторонним отношениям с такими ключевыми государствами, как Узбекистан и Казахстан. В 2018 году при первой администрации Трампа уже был сделан шаг к «перезагрузке» отношений с Ташкентом: президенты Трамп и Мирзиев провозгласили новый этап стратегического партнерства, подчеркнув поддержку сильной и независимой Центральной Азии³⁶⁰.

Вероятно, с 2025 года США продолжат эту линию, поощряя Ташкент к активному региональному лидерству и заверяя в поддержке суверенитета центральноазиатских стран перед лицом внешнего давления. Можно ожидать организацию ответных визитов высокого уровня: личный визит президента США в Центральную Азию стал бы знаковым событием, учитывая, что ни один действующий американский президент еще не посещал этот регион. Такой визит – например, в Ташкент подчеркнул бы приверженность США региону и укрепил бы двусторонние связи, открывая возможности для подписания новых соглашений. И главное, это стало бы важным политическим сигналом для региона относительно Китая³⁶¹.

Администрация Трампа, вероятно, продолжит оказывать политическую поддержку таким форматам сотрудничества, где центральноазиатские страны без участия «больших соседей» (Китая или России) обсуждают экономическую

³⁶⁰ Бушов А. С. Трампизм во внешней политике США. Истоки, особенности и перспективы // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2020. – №2. С. 13-20.

³⁶¹ How Trump Can Unlock New Opportunities in Central Asia and Counter China's Influence [Электронный ресурс] // Atlantic Council. – 2020. – Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/briefs/how-trump-can-unlock-new-opportunities-in-central-asia/> (дата обращения: 10.03.2025).

кооперацию и безопасность. Кроме того, США могут расширить свое дипломатическое присутствие, например, учредить дополнительные консульские учреждения.

Во второй администрации Трампа Вашингтон может продолжить выступать посредником и спонсором региональных форматов с участием Афганистана, помогая объединить центральноазиатские государства в решении общих проблем без влияния Пекина.

Для противодействия китайскому влиянию США, вероятно, задействуют сочетание военно-стратегических инициатив и экономических стимулов. В военной сфере Вашингтон будет углублять сотрудничество с государствами региона по линии безопасности и обороны. С Узбекистаном уже реализуется пятилетний план военного сотрудничества, принятый в 2018 году, предусматривающий регулярные консультации, учения и обмен разведданными³⁶².

Создание формальных региональных альянсов наподобие НАТО в Центральной Азии вряд ли возможно, однако США могут стимулировать более плотное оборонное взаимодействие пятерки центральноазиатских стран между собой и с внешними партнерами. Возможно, Вашингтон поддержит идею регулярных встреч министров обороны «С5+1» для обсуждения коллективных мер безопасности. Кроме того, США могут косвенно поощрять сотрудничество Центральной Азии с другими державами, разделяющими озабоченность ростом влияния Китая, например, с Турцией, учитывая ее роль в Организации тюркских государств, или с Индией. Хотя Индия и Турция действуют самостоятельно, совпадение интересов с США (сдерживание Пекина) открывает возможности для неформального треугольника взаимодействия. Это может выражаться в координации поставок оборонительной техники, проведении многосторонних тренингов или обмене опытом по противодействию гибридным угрозам.

³⁶² United States and Uzbekistan: Launching a New Era of Strategic Partnership [Электронный ресурс] // The White House Archives. – 2018. – Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/united-states-uzbekistan-launching-new-era-strategic-partnership/> (дата обращения: 10.03.2025).

Маловероятным кажется осложнение отношений между Россией и Центральной Азией, в частности, Узбекистаном³⁶³. США стремятся, чтобы их экономические санкции в полной мере действовали на Россию, и у последней не было возможности избежать их воздействия. В России после 2022 года был разрешен параллельный импорт, который в публицистических материалах называют «серым». Он позволяет частным лицам и компаниям закупать западные товары, которые подпали под санкции. Ключевые из них – высокие инновации и технологические патенты, а также техника, в том числе и общего потребления. Казахстан наравне с Турцией выступил для России рынком такого сбыта, через который страна могла получить почти любой продукт в свободном обороте. Это касается как военной продукции, так и общемировой, компьютеров, часов, одежды, телевизоров и прочего.

Но США на протяжении всего периода с начала СВО давит на Казахстан и Узбекистан, чтобы тот всячески пытался избежать вторичных санкций, которые с недавних пор вводят США³⁶⁴.

Россияне, будучи полностью лишены доступа к мировой финансовой системе, пользовались банковскими услугами Казахстана и Узбекистана. Это были одни из немногих оставшихся систем, которые позволяли получить Visa и Mastercard для людей с российским паспортом. В настоящий момент со стороны США ведется давление на банковские системы этих стран. В Казахстане и Узбекистане практически отключена система «МИР», под санкции попала платежная система «Корона», которая позволяла переводить денежные средства в другие страны из России и наоборот.

США и Россия продолжают оказывать культурное влияние на Узбекистан. США неоднократно пытались убедить в своей позиции узбекистанцев, проводя как совместные круглые столы на территории Узбекистана, так и обещая торговые преференции, заключения военных и

³⁶³ Сенокopf Я. С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 2. – С. 303-312.

³⁶⁴ Кислицын С. В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 4. – С. 27-39.

оборонительных контрактов, а также выделения льготных кредитов. Вся для одной цели, чтобы Узбекистан отвернулся от России и стал еще одной страной, которая плотно привязан к внешнеполитическим интересам США.

Отношения между Россией и США больше всего волнуют узбекистанцев. Если мы посмотрим на таблицу №4, то увидим частоту упоминаний России и США в популярных и политических весомых русскоязычных телеграм-каналах. На первом месте будет Россия с 4 481 упоминанием. На втором месте будут США с 3 663 упоминаниями. Обе страны являются абсолютными лидерами и обходят все страны Центральной Азии, а также Китай и Южную Корею.

Таблица 4 - Количество упоминаний стран в крупнейших русскоязычных Телеграм-каналах

Площадка/Страна	Россия	США	Южная Корея	Китай
Gazeta Uz	1200	1052	183	436
Kursiv Uz	1891	1610	214	983
Repost Uz	1649	974	136	386
ХУК	101	27	3	28
ИТОГО:	4841	3663	536	1833

Узбекистан на сегодня занимает 88 позицию по знанию английского языка согласно исследованию EF English Proficiency Index (EF EPI) за 2021 год³⁶⁵. При этом страна является лидером, то есть первая по рейтингу среди стран Центральной Азии. Казахстан находится на 96 месте, Кыргызстан на 101, а Таджикистан на 103.

При этом, экономические показатели товарооборота трех стран тотально отличаются. Импорт и экспорт между США и Узбекистаном составляет в целом около 1% от общего оборота между Узбекистаном и всеми странами. Другое дело Россия, цифры там на порядок выше. Если импорт и экспорт с США у

³⁶⁵ Узбекистан лидирует по знанию английского языка среди стран Центральной Азии // Uzreport.news. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://uzreport.news/society/uzbekistan-lidiruet-po-znaniyu-angliyskogo-yazika-sredi-stran-tsa> (дата обращения: 08.05.2024).

Узбекистана исчисляется десятками и сотнями миллионов долларов, то с Россией речь идет о миллиардных оборотах. В период с 2016 по 2022 год импорт Узбекистана с Россией составил 27,27 миллиардов долларов, а экспорт 12 миллиардов³⁶⁶. За этот же период импорт с США у Узбекистана составил почти 1,8 миллиарда долларов и экспорт составил 296,3 миллиона³⁶⁷.

Мы видим, что экономические рычаги давления на Узбекистан не столь велики. Ключевые из них – отказ от предоставления льготных кредитов, вторичные санкции на растущий технологический банковский сектор Узбекистана и запрет к доступу на новые рынки, в особенности, американский. Большинство рычагов давления носят не столько экономический характер, сколько политический³⁶⁸. Прямых инструментов влияния на экономику Узбекистана у США не так много³⁶⁹.

Во-первых, как уже было написано в предыдущем пункте данного исследования, экономика Узбекистана во внешней торговле носит диверсификационный характер. Она одновременно направлена на удовлетворение национальных интересов и потребностей и при этом взаимодействует с разными акторами. Китай – инфраструктурные проекты³⁷⁰, Афганистан – стабильность границы и доступ к Индийскому океану через Афганистан и Пакистан, Южная Корея – привлечение бизнеса и инвестиций, Россия – вопросы безопасности, трудовой миграции и внешнеторговый обмен. США в эту «матрицу интересов» не входят по экономическим показателям, но входят по политическим³⁷¹.

³⁶⁶ The Observatory of Economic Complexity. Russia and Uzbekistan Bilateral Trade [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/uzb> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁶⁷ The Observatory of Economic Complexity. Uzbekistan and United States Bilateral Trade [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/uzb/partner/usa> (дата обращения: 13.04.2025).

³⁶⁸ Кузнецов Н.М. Sharp Power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. – 2022. – №1. С. 146-151.

³⁶⁹ Лузянин С.Г. Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель – Observer. – 2020. – №11 (370). С. 51-63.

³⁷⁰ Штапова О. А. Современные тенденции формирования экономических отношений Китая и стран Центральной Азии // Россия в глобальном мире. – 2021. – №21 (44). С. 32-42.

³⁷¹ Казанцев А. А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 2. С. 292-303.

Несмотря на все заявления СМИ о возможном вхождении Узбекистана в ЕАЭС³⁷², на данный момент все разговоры носят лишь декларативный характер на уровне вторых и третьих лиц в государстве³⁷³. Узбекистан будет продолжать придерживаться политики многовекторности, которая означает ограниченное сотрудничество с отдельными странами по отдельным вопросам. В отличие от Европейского союза, где политика и экономика стран настолько переплетена, что вызывает негатив как, например, у Швеции по миграционной политике, так и у Польши из-за политики в аграрном секторе после начала СВО, Узбекистан не вступает и не будет вступать ни в какие политические блоки.

Дальнейшая внешнеполитическая стратегия Узбекистана, вероятно, будет характеризоваться многовекторностью, стремлением к балансированию интересов и умеренной степенью вовлеченности в международные альянсы. Данный подход, по всей видимости, сохранится до тех пор, пока руководство страны не усмотрит явных преимуществ в более тесном участии в каком-либо союзе, что представляется маловероятным. Однако политический курс Узбекистана в долгосрочной перспективе остается неопределенным, поскольку смена главы государства может привести к столь же радикальным трансформациям, какие были инициированы Шавкатом Мирзиевым после завершения эпохи Ислама Каримова. В этой связи направление дальнейшего развития Узбекистана представляет собой значимый исследовательский вопрос.

В заключении стоит отметить, что Узбекистан к 2025 году укрепил свою позицию в качестве ведущего инициатора региональной интеграции в Центральной Азии. Развитие двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества с соседними странами свидетельствует о последовательной стратегии Ташкента, направленной на формирование устойчивой региональной архитектуры, исключая влияние внешних посредников. Значительное количество заключенных соглашений, включая договоры о союзничестве с

³⁷² Мамадалиева Э. Р. Современное состояние и перспективы межрегионального сотрудничества Узбекистана на евразийском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №5-1. С. 466-468.

³⁷³ Адьяева З. С. Россия и Центральная Азия: проблемы взаимоотношений // Символ науки. – 2019. – № 2. – С. 104-107.

Казахстаном и Таджикистаном, урегулирование границ с Кыргызстаном и расширение стратегического партнерства с Туркменистаном, демонстрирует прагматичный подход Узбекистана к укреплению добрососедских отношений. Закрепление институциональных механизмов, таких как межправительственные комиссии и консультативные встречи, указывает на долгосрочную ориентацию страны на сотрудничество внутри региона.

Продолжение многовекторной политики является ключевым инструментом внешнеполитической стратегии Узбекистана. Несмотря на значительное углубление двусторонних связей с Китаем и повышение их статуса до «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства», Ташкент демонстрирует стремление к диверсификации международных контактов, что позволяет ему избежать чрезмерной зависимости от Пекина. Поддержание баланса между Китаем и другими мировыми центрами силы, включая Турцию, Южную Корею, Индию и страны Европейского Союза, является одним из важнейших механизмов, обеспечивающих автономию внешнеполитического курса страны. Более того, участие в различных международных инициативах, таких как «Пояс и путь», в сочетании с прагматичной дипломатией, позволяет Узбекистану извлекать максимальные выгоды из сотрудничества, не вступая в жесткие обязательства.

На фоне углубления узбекско-китайского партнерства сохраняются потенциальные геополитические риски, связанные с возможной монополизацией китайского влияния в регионе. Расширение экономических связей, рост китайских инвестиций и стратегические инфраструктурные проекты, такие как железнодорожный коридор Китай – Кыргызстан – Узбекистан, несомненно, способствуют модернизации узбекской экономики. Однако длительная доминация Пекина в ключевых секторах создает угрозу сужения дипломатических маневров Ташкента. В условиях глобальной конкуренции между США и Китаем, возможной эскалации конфликта вокруг Тайваня и усиления экономической зависимости Центральной Азии от Пекина, Узбекистану

необходимо продолжать диверсификацию своих международных партнеров и развивать альтернативные экономические связи.

Анализ русскоязычного сегмента Telegram показывает, что он играет двойственную роль в формировании политических дискурсов Узбекистана. С одной стороны, он функционирует как платформа для консолидации общественного мнения внутри страны, где обсуждаются вопросы внутренней политики, включая реформы, отношения с соседями и ключевые международные события. С другой стороны, этот медиаканал является инструментом влияния со стороны внешних акторов, прежде всего России и Китая, которые активно используют Telegram-каналы для продвижения своей повестки в регионе³⁷⁴.

Важной характеристикой внешней политики Узбекистана является его внеблоковый статус в сфере безопасности. Страна продолжает избегать участия в военных альянсах, включая ОДКБ, отдавая предпочтение двусторонним соглашениям в оборонной сфере и сотрудничеству в рамках ШОС. Регулярное проведение военных учений с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также взаимодействие в контртеррористической сфере с Китаем и Россией, демонстрирует стратегию, направленную на минимизацию рисков без формальной интеграции в военные блоки. Таким образом, Узбекистан сохраняет свободу маневра в вопросах региональной безопасности, не оказываясь в зоне одностороннего влияния какой-либо из глобальных держав.

Анализ внешнеэкономических связей подтверждает, что страны Центральной Азии, несмотря на активное развитие взаимной торговли, продолжают уступать Китаю и России в общем объеме торгового оборота с Узбекистаном. Хотя Казахстан остается ведущим торговым партнером в регионе, а экспорт в Афганистан значительно вырос, влияние китайского и российского рынков на узбекскую экономику остается доминирующим. Тем не менее, тенденция к росту регионального товарооборота, несмотря на краткосрочные спады, вызванные пандемией, свидетельствует о формировании устойчивых

³⁷⁴ Temirova M. K. The Internet Language of Uzbekistan: Between Tradition and Innovation //Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. – 2026. – Т. 7. – №. 1. – С. 185-188.

экономических связей внутри Центральной Азии. Это подтверждает, что в будущем Узбекистан будет сохранять активное экономическое взаимодействие со странами региона, но при этом не откажется от более выгодных международных экономических связей.

Несмотря на сохраняющийся интерес США к Центральной Азии и попытки Вашингтона расширить влияние в регионе, экономическая вовлеченность США в Узбекистан остается ограниченной. Политическая поддержка со стороны США выражается в дипломатических инициативах, формате C5+1 и санкционном давлении на узбекские банки с целью ограничения обхода санкций против России, но реальные экономические рычаги влияния остаются слабыми. По сравнению с Китаем и Россией, экономические показатели торгового оборота между Узбекистаном и США остаются низкими, что свидетельствует о том, что в ближайшей перспективе Ташкент вряд ли пойдет на углубление экономической кооперации с Вашингтоном в ущерб существующим торговым связям.

Развитие внешнеполитического курса Узбекистана после 2025 года будет определяться способностью страны сохранять стратегическую автономию в условиях растущей конкуренции между мировыми державами за влияние в Центральной Азии. В краткосрочной перспективе Ташкент, вероятно, продолжит активную региональную политику, направленную на укрепление экономической интеграции с соседями, расширение партнерства с Китаем и развитие кооперации с альтернативными государствами. Однако в среднесрочной перспективе сохранение внешнеполитической маневренности будет требовать от Узбекистана дальнейшего укрепления многосторонних институтов и обеспечения сбалансированного подхода к внешним партнерам.

В долгосрочной перспективе (2030-е годы) основной задачей Узбекистана станет сохранение статус-кво в регионе, при этом необходимо учитывать возможность геополитических трансформаций. Узбекистан продолжит развивать сотрудничество с Китаем, но одновременно усилит взаимодействие с другими центрами силы для предотвращения чрезмерной зависимости. В условиях возможных кризисных сценариев (ухудшение ситуации вокруг Тайваня,

экономический кризис в Китае или усиление санкционного давления на Россию) гибкость внешнеполитической стратегии Ташкента будет играть ключевую роль в поддержании стабильности страны.

Внешняя политика Узбекистана характеризуется высокой степенью прагматизма и адаптивности к меняющейся международной обстановке. Многовекторный курс остается основой стратегического развития республики, позволяя ей извлекать выгоду из сотрудничества с различными государствами без утраты суверенитета и внешнеполитической автономии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования можно констатировать, что концепция многовекторности выступает ключевым элементом внешнеполитического курса Узбекистана, направленного на обеспечение национальных интересов и укрепление стратегической автономии государства в условиях нарастающей геополитической конкуренции и трансформации мировой системы международных отношений. Многовекторность в данном контексте следует рассматривать не как ситуативную реакцию на внешние вызовы, а как институционализированную стратегию, закреплённую в официальных доктринальных документах, внешнеполитической риторике и практической дипломатической деятельности узбекского руководства. Её устойчивость подтверждается преемственностью внешнеполитического курса в постсоветский период, несмотря на смену международной конъюнктуры и внутренние социально-экономические трансформации.

В рамках работы было показано, что многовекторность не сводится исключительно к механическому балансированию между крупными державами или к тактическому маневрированию между альтернативными центрами силы. Напротив, она представляет собой комплексную и гибкую стратегию, сочетающую элементы прагматизма, ограниченного нейтралитета и активной дипломатической маневренности.

В отличие от классических моделей балансирования, ориентированных преимущественно на сферу безопасности, узбекская модель многовекторности охватывает широкий спектр направлений — от внешнеэкономических связей и инвестиционной политики до гуманитарного сотрудничества и участия в региональных форматах. В современных условиях данная стратегия позволяет Узбекистану адаптироваться к меняющейся международной обстановке, минимизировать риски внешнеполитической изоляции и снизить вероятность чрезмерной зависимости от какого-либо одного партнёра или блока.

Анализ реализации многовекторной политики Узбекистана продемонстрировал, что ее эффективность определяется не только внешними факторами, но и совокупностью внутренних условий, включая уровень социально-экономического развития, степень политической стабильности, институциональную состоятельность государства и наличие ресурсного потенциала. Узбекистан, обладая значительным демографическим ресурсом, диверсифицированной экономикой и выгодным геостратегическим положением в Центральной Азии, располагает объективными предпосылками для проведения самостоятельной и активной внешней политики. Эти факторы позволяют Ташкенту выстраивать отношения с ключевыми международными акторами на основе принципов прагматизма и взаимной выгоды, избегая жесткой привязки к одному центру силы.

Отдельный анализ был посвящён отношениям Узбекистана с Российской Федерацией, которые сохраняют стратегический характер, опираясь на исторически сложившиеся связи, тесное экономическое взаимодействие и сотрудничество в сфере безопасности. Вместе с тем исследование показало, что Ташкент последовательно придерживается линии на ограничение участия в наднациональных интеграционных проектах под эгидой России, таких как Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. Данная позиция свидетельствует о стремлении узбекского руководства сохранить контроль над ключевыми направлениями экономической и оборонной политики, минимизируя риски утраты внешнеполитической автономии. При этом сотрудничество с Россией в двустороннем формате позволяет Узбекистану извлекать практические выгоды без принятия жестких институциональных обязательств.

Не менее важным направлением многовекторной политики Узбекистана является стратегическое партнёрство с Китайской Народной Республикой, прежде всего в экономической сфере. Активное вовлечение Ташкента в инициативу «Пояс и путь» отражает стремление использовать китайские инвестиции и инфраструктурные проекты для ускорения модернизации национальной

экономики. Вместе с тем в ходе исследования было выявлено, что узбекская сторона осознаёт потенциальные риски, связанные с ростом экономической и финансовой зависимости от Китая. В этой связи Узбекистан проводит политику диверсификации внешних связей, последовательно развивая сотрудничество с Турцией, Южной Кореей, Индией, Японией и государствами Европейского союза. Такая диверсификация позволяет снизить асимметрию во внешнеэкономических отношениях и укрепить переговорные позиции Ташкента на международной арене.

Особое место в системе внешнеполитических приоритетов Узбекистана занимает взаимодействие с Соединёнными Штатами Америки. Несмотря на относительно ограниченные масштабы экономического сотрудничества, отношения с США имеют важное значение в политико-дипломатическом и символическом измерении. Формат С5+1 выступает для Ташкента инструментом институционализации диалога с Вашингтоном и дополнительным каналом балансирования между ведущими глобальными акторами. Участие в данном формате позволяет Узбекистану укреплять международную субъектность и демонстрировать приверженность принципам многовекторности без вступления в жесткие союзнические обязательства.

Отдельное внимание в работе было уделено анализу роли медиапространства, в частности русскоязычного сегмента Telegram, в формировании и трансляции внешнеполитических дискурсов Узбекистана. Исследование показало, что цифровые платформы становятся важным фактором интерпретации внешнеполитического курса, оказывая влияние на общественное восприятие приоритетов международного сотрудничества. Telegram выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он служит каналом внутривнутриполитической коммуникации и обсуждения социально-экономических реформ, с другой — выступает инструментом распространения внешних нарративов, преимущественно исходящих от российских, а в меньшей степени

китайских акторов³⁷⁵. Такая асимметрия в медиарепрезентации не всегда отражает реальную структуру внешнеполитических связей Узбекистана и создает дополнительные вызовы для формирования самостоятельной информационной повестки.

В данном контексте особую актуальность приобретает задача выработки более активной и системной информационной политики, направленной на защиту национальных интересов и корректное позиционирование внешнеполитического курса страны в цифровом пространстве³⁷⁶. Недостаточная представленность альтернативных внешнеполитических направлений в русскоязычном медиадискурсе может приводить к искажённому восприятию многовекторности как преимущественно пророссийской ориентации, что не в полной мере соответствует реальной практике внешней политики Ташкента.

Региональное измерение многовекторной стратегии Узбекистана также занимает важное место в исследовании. Активное участие Ташкента в консультативных встречах глав государств Центральной Азии, развитии межправительственных комиссий и двусторонних механизмов сотрудничества свидетельствует о долгосрочном курсе на укрепление добрососедских отношений и формирование устойчивой региональной архитектуры безопасности и экономического взаимодействия. Региональная политика Узбекистана ориентирована на снижение конфликтного потенциала и ограничение влияния внешних акторов на внутривнутриполитические процессы в Центральной Азии.

В сфере безопасности Узбекистан последовательно придерживается внеблокового статуса, что полностью соответствует доктрине многовекторности. Участие в многосторонних форматах, прежде всего в рамках Шанхайской организации сотрудничества, позволяет Ташкенту вовлекаться в региональные механизмы обеспечения безопасности, не принимая при этом на себя жестких военно-политических обязательств. Такая модель взаимодействия обеспечивает

³⁷⁵ Karimov O., Kim H. Factors of UTAUT affecting the use behavior based on Telegram application in Uzbekistan //Asia-Pacific Journal of Multimedia Services Convergent with Art, Humanities, and Sociology. – 2017. – Т. 7. – №. 12. – С. 831-840.

³⁷⁶ Ubaydullaeva D. Student online protests in Uzbekistan: democratization of higher education as concomitant to the COVID-19 crisis? //Central Asian Survey. – 2021. – Т. 40. – №. 3. – С. 382-399.

высокий уровень автономности при принятии внешнеполитических решений и расширяет пространство для дипломатического маневра в условиях обостряющейся конкуренции между глобальными державами.

В целом результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что многовекторность представляет собой оптимальную стратегию внешней политики Узбекистана, способствующую сохранению национального суверенитета и снижению геополитических рисков. В условиях усиливающегося соперничества ведущих мировых акторов и роста неопределённости в международных отношениях дальнейшее развитие узбекской внешней политики будет зависеть от способности Ташкента сохранять баланс интересов, избегать асимметричной зависимости от внешних партнёров и гибко реагировать на структурные изменения в глобальной системе международных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы и нормативно-правовые акты

1. Декларация об углублении стратегического партнерства между Туркменистаном и Республикой Узбекистан от 21 октября 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Туркменистана. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/722> (дата обращения: 13.03.2025).
2. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 30 мая 1992 года [Электронный ресурс] // База данных «Законодательство стран СНГ». – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=4084 (дата обращения: 09.03.2025).
3. Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 14 ноября 2005 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3755/86908> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 16 июня 2004 года [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/cooperation/3755/86908> (дата обращения: 09.03.2025).
5. Закон Республики Узбекистан ЗРУ № 561 «О защите женщин от притеснений и насилия» от 2 сентября 2019 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/4494712?ONDATE=10.12.2021> (дата обращения: 09.03.2025).
6. Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан: Указ Президента Республики Узбекистан № УП-4450 от 10 сентября 2012 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства

- Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/2055075> (дата обращения: 13.05.2025).
7. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2014–2020 годы: Указ Президента Республики Казахстан № 741 от 21 января 2014 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741> (дата обращения: 12.03.2025).
 8. Внешняя политика Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/pages/vneshnyaya-politika> (дата обращения: 20.05.2024).
 9. Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Узбекистан и Российской Федерацией [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <http://mid.ru/ru/maps/uz/1673893/> (дата обращения: 13.03.2025).
 10. О концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы: Указ Президента Республики Казахстан № 280 от 6 марта 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 12.03.2025).
 11. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2239-р о подписании Программы экономического сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан на 2019–2024 годы от 17 октября 2018 года [Электронный ресурс] // Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/72084242/> (дата обращения: 12.03.2025).
 12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления

- временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/51965/ (дата обращения: 12.03.2025).
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о развитии сотрудничества в области туризма от 5 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420395639> (дата обращения: 09.03.2025).
14. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/3107042?ONDATE=17.03.2021> (дата обращения: 13.05.2025).
15. Указ Президента Республики Узбекистан о стратегии «Узбекистан – 2030» № УП-158 от 11 сентября 2023 года [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/6600404> (дата обращения: 03.05.2025).
16. ЕС и Армения: Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве [Электронный ресурс] // Восточное партнерство. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eap_cerpa_armenia_factsheet_ru.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
17. National Security Strategy of the United States of America. — Washington, DC: The White House, November 2025. — 33 p.

18. Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / Перевод с французского М. Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. – 119 с.
19. Кеохейн Р. После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политике. – М.: Логос, 2010. – 368 с.
20. Льюс Р., Райфа Х. Игры и решения. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 642 с.
21. Маккиндер Х. Географическая ось истории / пер. с англ. В. Желнинова. – М.: АСТ, 2021. – 288 с.
22. Миршаймер Дж. Как мыслят государства: рациональность внешней политики. – М.: Альпина Паблишер, 2023. – 384 с.
23. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ.; под ред. и с доп. Н. Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с.
24. Най Дж. В. Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике. – М.: Весь Мир, 2007. – 304 с.
25. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. / отв. ред. Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин. Москва: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с.
26. Постсоветские государства на современном этапе: внутривполитическая динамика и поиск путей развития / отв. ред. Э. Г. Соловьев. – М.: ИМЭМО РАН, 2024. – 209 с.
27. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика: ежегодный прогноз / Кобринская И. Я., Мачавариани Г. И., Адно Ю. Л. [и др.]. – М.: Нац. исслед. ин-т мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, 2024. – 213 с.
28. Спикмэн Н. География мира и миропорядок. – Нью-Йорк: Harcourt, Brace and Company, 1944. – 223 с.
29. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. – М.: Логос, 2007. – 366 с.
30. Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. – 384 p.

31. Cooley A. Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.
32. Ismayilov M. Turkish-Azerbaijani Relations: One Nation – Two States? London: Routledge., 2016. – 182 p.
33. Katzenstein P. J. Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe. – Ithaca: Cornell University Press, 1985. – 280 p.
34. Layne C. After the Fall: International Politics in a Post-Hegemonic World. – New Haven: Yale University Press, 2023. – 212 p.
35. Lemon E. Regional Power Expansion in Central Asia: Chinese and Russian Perspectives. – Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2019. – 20 p.
36. Madiyev O. Uzbekistan's International Relations. – London; New York: Routledge, 2021. – 241 p.
37. Mearsheimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 324 p.
38. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton, 2001. – 160 p.
39. Posen B. Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy. – Ithaca: Cornell University Press, 2014. – 256 p.
40. Walt S. The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 400 p.
41. Waltz K. N. Theory of International Politics. – Reading, Mass.: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

Диссертации и авторефераты

42. Гарбузарова Е. Г. Центральная Азия в условиях трансформации мирового порядка: автореф. дис. д-ра полит. наук: 05.2.001.01 / Е. Г. Гарбузарова; ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». – М., 2022. – 63 с.
43. Ахмедов Ф. А. Центральноазиатский регион в фокусе геополитических интересов глобальных акторов (на примере РФ, КНР и США): автореф.

дис. канд. полит. наук: 23.00.04 / Ф. А. Ахмедов; Институт международных отношений и международного права. – Ташкент, 2022.

44. Bastas Y. N. The Foreign Policy of Kazakhstan: An Analysis of Kazakhstan's Multi-Vector Policy: MA Thesis / Y. N. Bastas. – University of Oslo, Department of Political Science, 2013. – 64 p.
45. Behrends H. Multi-Vectorism in Belarusian Foreign Policy: MA Thesis / H. Behrends. – Charles University in Prague, 2016. – 69 p.
46. Chavasse M. The International Dimensions of Kazakhstan's Alphabet Shift. A Study of Kazakh Multi-Vectorism in the 2010s: MA Thesis in International Relations in Historical Perspective / M. Chavasse. – Faculty of Humanities, Universiteit Utrecht, 2019. – 102 p.

Статьи

47. Абдуганиев Н. Н. Дружба народов как исторически сложившийся фактор развития современных межгосударственных связей России и Узбекистана // Россия и мир: научный диалог. – 2022. – № 4. – С. 138-157.
48. Абдукодирова Н. А. Новый Узбекистан – новые соседи: перспективы сотрудничества со странами СНГ // Экономика и социум. – 2021. – № 8 (87). – С. 88-91.
49. Абдулазиз К. Национальные интересы Узбекистана на международной арене // Strategy of Uzbekistan. – 2020. – № 3. – С. 174-184.
50. Аватков В. А., Рожкова З. П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 8. – С. 825-834.
51. Адьяева З. С. Россия и Центральная Азия: проблемы взаимоотношений // Символ науки. – 2019. – № 2. – С. 104-107.
52. Алиджанова А. Х. Модели межрегиональных отношений в современной мировой политике (на примере Центральной Азии) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5–1. – С. 24-25.

53. Алиева А. О. Вызовы и проблемы реализации «экономического пояса шелкового пути» в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 3 (321). – С. 72-78.
54. Алиева С. И. Новые и старые внешнеполитические ориентиры республик Кавказа и Центральной Азии в постсоветский период // Современная научная мысль. – 2021. – № 4. – С. 164-169.
55. Алимов Б. Х., Синицына П. О., Мирзаахмедов М. Н. Отношения России и Узбекистана в сфере энергетики на современном этапе // Endless Light in Science. – 2023. – С. 593-598.
56. Алимов Р. К. Центральная Азия – регион сотрудничества, а не соперничества // Обозреватель – Observer. – 2020. – № 10 (369). – С. 5-20.
57. Аллаерова Л. Б. Роль мягкой силы в политике ведущих стран мира в Центральной Азии // Экономика и социум. – 2022. – № 9 (100). – С. 257-263.
58. Ахмедов Х. Т. Участие Узбекистана в развитии военно-политической интеграции и обеспечении региональной безопасности в центральноазиатском регионе // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 1180-1186.
59. Ахмедов Х. Т. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 854-865.
60. Ахтамзян И. А., Кутнаева Н. О подписании договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии // Индекс безопасности. – 2007. – № 1. – С. 131-136.
61. Ачыкгез М. Влияние пограничных споров на внешнюю политику государств Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 3. – С. 252-256.
62. Бабушок Н. О. Идейные основания внешней политики США // Век глобализации. – 2022. – № 3 (43). – С. 87-96.

63. Базылева С. П., Черненко Е. Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 505-520.
64. Безруков А. Э., Иванов К. А., Чимирис Е. С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 3. – С. 62-70.
65. Борисов Д. А. Внешняя политика Узбекистана при Ш. Мирзиёеве: стратегия и практика // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 130-139.
66. Борисов Д. А., Савкович Е. В., Татаренко В. И. Инициатива «пояс и путь» в Центральной Азии: национальный эгоизм против региональной кооперации // Sciences of Europe. – 2022. – № 108. – С. 32-37
67. Бушов А. С. Трампизм во внешней политике США. Истоки, особенности и перспективы // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2020. – № 2. – С. 13-20.
68. Вербицкая Т. В. Проблемы взаимодействия России и государств Центральной Азии в гуманитарной сфере в контексте влияния ЕС и США в регионе (на примере взаимодействия вузов России и Казахстана) // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – № 2. – С. 35-44.
69. Винокуров Е., Цукарев Т., Ахунбаев А. и др. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции // Доклады и рабочие документы. Москва: Евразийский банк развития, 2021. – Т. 2. – № 21. – 74 с.
70. Воловик Н. П. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30. – № 5. – С. 37-50.
71. Вохминцев И. В., Гузаеров Р. И. Прикладной анализ многовекторности во внешней политике Турции в период президентства Р. Т. Эрдогана в 2014-

- 2022 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23. – № 4. – С. 689-703.
72. Гарбузарова Е. Г. Активизация межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве на примере постсоветских стран Центральной Азии // Обозреватель – Observer. – 2019. – №11 (358). – С. 66-77.
73. Гарбузарова Е. Г. Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 455. – С. 97-103.
74. Грозин А. В. Республика Узбекистан в системе российских интересов в Центральной Азии // Постсоветский материк. – 2023. – № 3 (39). – С. 4-26.
75. Грозин А. В. Топливо-энергетический сектор экономики Узбекистана: состояние и проблемы // Геоэкономика энергетики. – 2021. – № 1. – С. 136-156.
76. Гусевская Н. Ю. Великий шелковый путь: история и современность // Национальная ассоциация ученых. – 2015. – № 7-3 (12). – С. 44-46.
77. Гэн Ч. Сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в нефтегазовой области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2017. – № 3 (51). – С. 1-13.
78. Даниш Н. Р. Внешнеполитические связи между США и Индией и их оценка Китаем: проблема напряженности в трехсторонних отношениях в Центральной и Восточной Азии (краткое описание) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – № 2. – С. 141-154.
79. Дегтерев Д. А., Василюк И.П., Баум В.В. Параметры многовекторности внешней политики стран СНГ: прикладной анализ // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 63-75.
80. Джалилов М. Ш. Отражение внешней трудовой миграции как цивилизованный и управляемый процесс в трудах исследователей // Вестник Педагогического университета. – 2022. – № 4 (99). – С. 282-288.

81. Джоробекова А. Э., Троицкий Е. Ф., Юн С. М. Воздействие внешних акторов на современные интеграционные процессы в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 74. – С. 106-114.
82. Джоробекова А. Э., Троицкий Е.Ф., Юн С. М., Тимошенко А. Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – № 3. – С. 187-196.
83. Дмитриева Д. А. Интересы России и Китая в Центральной Азии // Россия в глобальном мире. – 2021. – № 20 (43). – С. 20-28.
84. Ерниязов И. Р. Международно-правовые вопросы экономического сотрудничества Республики Узбекистан и Исламской Республики Афганистан // Вестник науки и образования. – 2019. – № 21-1 (75). – С. 81-86.
85. Жумаханов Ш. З., Тошпулатов А.М. Географические и геополитические факторы внешней политики Узбекистана // Центральноазиатский журнал географических исследований. – 2023. – № 3-4. – С. 39-48.
86. Жураев С. Новый этап региональной политики Узбекистана // International journal of Consensus. – 2020. – Т. 1. – № 4. – С. 4-11.
87. Журакулов А. Ф. Внешняя политика Республики Узбекистан // Scientific progress. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 92-95.
88. Захаров Ф. В. Современная стратегия «мягкой силы» Узбекистана // Россия и мусульманский мир. – 2020. – № 2 (316). – С. 41-47.
89. Зиядуллаев Н. С. Трансформация экономики Республики Узбекистан: история, современность, стратегии развития // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. – №8 (130). – С. 7-17.
90. Зоиров Ш. Ш. Экономическое сотрудничество Республики Узбекистан и Российской Федерации в рамках евразийских интеграционных процессов // Бизнес и общество. – 2023. – № 1. – С.1-9.

91. Исакулов Ш. Н. Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. – 2021. – №4. – С. 161-174.
92. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 292-303.
93. Кенжаев О. З. Взаимодействие США с Узбекистаном 2001-2005 гг // Постсоветские исследования. – 2021. – Т. 4. – № 1. – С. 76-87.
94. Кислицын С. В. Современные проблемы «большой стратегии» во внешней политике США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – №4. – С. 27-39.
95. Князев А. А. Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. – 2023. – № 3 (6). – С. 266-280.
96. Ковалев А. А. Актуальные вопросы стратегии безопасности малых государств // Вопросы безопасности. – 2021. – №2. – С. 28-40.
97. Коваленко Г. В. «Многовекторность» во внешней политике государств Центральной Азии» // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. – № 1. – С. 75-79.
98. Кокошин А. А., Кокошина З. А. Об основных направлениях внешнеполитической стратегии США в Центральной Азии // Современная Европа. – 2022. – № 6 (113). – С. 126-139.
99. Кузнецов Н. М. Sharp Power и внешняя политика США: сочетание несочетаемого? // Власть. – 2022. – №1. – С. 146-151.
100. Кузнецова С. И. Бор А. Узбекистан: внутренняя и внешняя политика // Центральная Азия: десять лет независимости. – 2001. – № 2001. – С. 32-37.
101. Кузнецова С. И. Китай и Центральная Азия // Центральная Азия: десять лет независимости. – 2001. – № 1. – С. 264-267.

102. Кузьмина Е. М. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2022. – №5 (575). – С. 8-28.
103. Лексютина Я. В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2023. – № 28. – С. 77-87.
104. Лузянин С. Г. Россия – США – Китай: борьба за «Большую Евразию» // Обозреватель – Observer. – 2020. – №11 (370). – С. 51-63.
105. Мавланов И. Р. Стратегия внешнеэкономической политики нового Узбекистана -трансформация экономической дипломатии // Постсоветские исследования. – 2023. –№ 3 (6). – С. 252-265.
106. Мавланов И. Р. К формированию новой концепции регионального сотрудничества в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 7. – С. 1485-1491.
107. Мадалиева Р. Х., Абдусамедов Н. А., Мардонов Б. М. Международное таможенное сотрудничество Узбекистана в рамках интеграционных процессов Содружества Независимых Государств // Вестник Российской таможенной академии. – 2020. – № 2. – С. 128-135.
108. Малышева Д. Б. Партнерство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 2. – С. 121-131
109. Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019-2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 82-99.
110. Малышева Д. Б. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 101-108.

111. Мамадалиева Х. Х. Демографическое развитие и тенденции миграции населения Узбекистана // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2023. №2. – С. 78-91.
112. Мамадалиева Э. Р. Современное состояние и перспективы межрегионального сотрудничества Узбекистана на евразийском пространстве // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5 (1). – С. 466-468.
113. Мамажонов С. С. Глубокие реформы и новая стратегия развития Ш. М. Мирзиёева: реализация и ее основные проблемы // Постсоветские исследования. – 2021. – №8. – С. 658-664.
114. Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – №27. – С. 268-281
115. Мгалоблишвили В. И. Многовекторность как специфическая черта внешней политики современных государств // Наука третьего тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – Ч. 4. – С. 128-132.
116. Межевич Н. М., Шимов В.В. Концепция многовекторности в системе внешнеполитических практик Средней страны (на примере Беларуси). Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – №. 15 (4). – С. 436-450.
117. Мирасаров М. П., Петрова М. В. Роль Республики Узбекистан в укреплении мира и безопасности в рамках СНГ // Казанский вестник молодых ученых. – 2020. – № 4 (4). – С. 150-158.
118. Мирзиёев Ш. М. Совместное заявление для прессы по итогам переговоров с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – 2020. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/3254> (дата обращения: 20.05.2024).
119. Мирзоев С. Т. Афганистан во внешней политике Республики Узбекистан // Вестник Педагогического университета. – 2019. – № 2 (79). – С. 278-284.

120. Моховикова М. Н. Узбекистан в проектах регионального партнерства // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 60-73.
121. Мухаммад А. Н. Современная политика Республики Таджикистан в международных отношениях: специфика и направления // Постсоветские исследования. – 2022. – № 4. – С. 357-366.
122. Никитин А. К. Усиление многовекторности российской внешней политики // Власть. – 2009. – № 12. – С. 15-21.
123. Нурматов А. Узбекистан в контексте региональной экономической интеграции // Life Sciences and Agriculture. – 2020. – № 2(2). – С. 166-169.
124. Обидов А. Внешняя политика Республики Узбекистан // Россия и мусульманский мир. – 2019. – № 2 (312). – С. 57-63.
125. Орокбоев И. Транс-афганский транспортный коридор: с надеждой на будущее // Strategy of Uzbekistan. – 2021. – №1. – С. 72-77.
126. Притчин С. А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 781-790.
127. Рахимова М. А. Некоторые особенности развития процессов межгосударственного экономического сотрудничества на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 136-142.
128. Романчук Е. С. Проблемы участия Узбекистана в российских интеграционных инициативах // Российский внешнеэкономический вестник. – 2023. – № 8. – С. 80-98.
129. Садыков С. Ш. Отношения Узбекистана и США в 2016-2021 годах // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 308-312.
130. Саженов Н. Д. О деятельности Узбекистана по урегулированию афганского конфликта (2017–2019 гг.) // Уральское востоковедение: международный альманах. – 2020. – № 10. – С. 14-26.

131. Саидов Ш. Ш. Интеграция в Центральной Азии: проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scientists.uz/uploads/202407/C-3.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).
132. Саттарова М. С. Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 171-173.
133. Семенова Н. К., Аристова Л. Б. Анализ степени интегрированности китайских компаний в транспортный сектор государств Центральной Азии // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5-1. – С. 523-529.
134. Сенокоп Я. С. Упадок «мягкой силы» во внешней политике США: причины и тенденции // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 2. – С. 303-312.
135. Симутенкова Л. Региональные приоритеты внешней политики Республики Узбекистан: библиографическая справка // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 11 (305). – С. 48-57.
136. Стройков С. П. Анализ экосистемы политического Telegram-пространства Республики Узбекистан // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – № 1. – С. 26-34.
137. Суздальцев А. В. Республика Беларусь: Эволюция Политики Балансирования Между Союзным Государством Белоруссии И России И Евразийским Экономическим Союзом // Актуальные проблемы Европы. № 1 (109). 2021. С. 193-232.
138. Султанов Ш. М. Геополитика Центральной Азии: от противостояния и минирования границ к восстановлению сотрудничества и стратегическому партнерству // Управленческое консультирование. – 2020. – № 1 (133). – С. 20-26.
139. Сченснович В. Н. Стратегическое партнерство государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2022. – № 1 (323). – С. 66-70.

140. Сыроежкин К. Л. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С. 15-30.
141. Тахиров Ш. Ш. Становление и развитие основ публичной дипломатии Республики Узбекистан // *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. – 2022. – Т. 2. – № 10. – С. 1253-1261.
142. Торопыгин А. В., Мендагазиев А.Е. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. – 2020. – № 3 (33). – С. 88-98.
143. Тошманова М. Ш. Влияние либерализации внешнеторговой политики на экономику и конкурентоспособность Узбекистана // *Экономика и социум*. – 2022. – № 3-2 (94). – С. 848-851.
144. Туляков Э., Хакимов Ф. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана // *Strategy of Uzbekistan*. – 2020. – № 4. – С. 111-116.
145. Урокова Д. Б., Толипов М. У. Факторы, влияющие на развитие туризма в Узбекистане // *Достижения науки и образования*. – 2020. – № 3 (57). – С. 21-23.
146. Утамбетова М. М. Роль дипломатии в интеграции Республики Узбекистан в мировое сообщество // *Теория и практика современной науки*. – 2021. – № 7 (73). – С. 131-134.
147. Фармонова Д. Ж. Проблемные вопросы взаимоотношений Республики Таджикистан и Республики Узбекистан (2002-2012гг.) // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки*. – 2019. – № 3 (60). – С. 26-31.
148. Федорко В. Н. Трансформация транспортно-географического пространства стран Центральной Азии в постсоветскую эпоху // *Псковский регионологический журнал*. – 2021. – № 2 (46). – С. 64-76.

149. Хайдаралиев Ш. Новый Узбекистан новая политика // Общество и инновации. – 2021. – № 8. – С. 570-573.
150. Хакимов Ф. Динамика регионального развития в центральной Азии и формат многостороннего сотрудничества «5+1» // Strategy of Uzbekistan. – 2021. – № 2. – С. 78-85.
151. Ханалиев Н. У. Влияние меняющегося вектора энергетической политики стран Центральной Азии на безопасность и стабильность в регионе // Власть. – 2021. – № 2. – С. 289-295.
152. Хлопов О. А. Приоритеты и реализация внешней политики США Администрацией Д. Трампа // Бюллетень науки и практики. – 2021. – № 5. – С. 509-210.
153. Хуррамов Ж. Р. Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 5. – С. 1328-1339.
154. Цао Х. Анализ стратегий Китая и США в Центральной Азии: взгляд на механизм C5+1 // Право и политика. – 2024. – № 10. – С. 22-39.
155. Цибилов В. А. Инициатива «Пояс и путь» в контексте американо-китайского влияния на человеческий капитал Центральной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 3. – С. 80-96.
156. Чжан С., Лян И. 20 лет ШОС: к вопросу о транспортном сотрудничестве на пространстве ШОС // Социально-политические науки. – 2021. – № 4. – С. 51-61.
157. Чжао Д. Энергетическая политика Китая на современном этапе // StudNet. – 2020. – № 3 (6). – С. 111-119.
158. Шадурский В. Г. Реализация принципа многовекторности в белорусской внешней политике // БГУ. Труды факультета международных отношений 2010: научный сборник. – 2010. – № 1. – С. 47-51.

159. Штапова О. А. Современные тенденции формирования экономических отношений Китая и стран Центральной Азии // Россия в глобальном мире. – 2021. – № 21 (44). – С. 32-42.
160. Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект [Электронный ресурс] // Asian Focus Journal. – 2023. – Режим доступа: <https://www.afjournal.ru/2023/2/development-trends-and-risks/chinas-expansion-into-uzbekistan-the-economic-aspect> (дата обращения: 13.03.2025).
161. Юлдашев А. Основные показатели и потенциал торгово-экономического сотрудничества между Узбекистаном и Китаем // Sharq ma'shali / Восточный факел. – 2022. – № 1. – С. 136-144.
162. Юнюшкина А. С., Понька Т. И., Шаповалова К. А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии // Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 40-54.
163. Якубов И. Х. Проблемы развития транспортных коммуникаций в Южную Азию во внешней политике Узбекистана // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 324-331.
164. Andrukhin T. Turkey's policy in Central Asia: results and prospects // Post-Soviet Issues. – 2024. – № 11. – P. 126-137.
165. Cherniak K. & Lytovchenko A. Positioning Post-Soviet Sociology in Global Sociology: Between the Global South and the Global North. – 2024. – №15. – P. 39-57.
166. Fischer T. Introduction: Neutrality and Nonalignment in World Politics during the Cold War // Journal of Cold War Studies. – 2016. – Vol. 18. – № 4. – P. 4-11.
167. Gonzalez-Pujol, I. Theorising the Hedging Strategy: National Interests, Objectives, and Mixed Foreign Policy Instruments / I. Gonzalez-Pujol // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 193–214. – DOI: 10.20991/allazimuth.1480020.

168. Guseletov B. Political reforms in Uzbekistan. Results and consequences // RSUH/RGGU Bulletin. Series Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations. – 2024. – № 3. – P. 12-29.
169. Khairunisa A. H. Identity and Foreign Policy: Turkey's Support for Azerbaijan in the Nagorno-Karabakh Conflict // Proceedings of the 1st International Conference on Contemporary Risk Studies (ICONIC-RS 2022), March 31 – April 1, 2022, South Jakarta, DKI Jakarta, Indonesia. – 2022.
170. Jahangir K. (2004). Uzbek-Russian economic relations and the impact of the Russian economic performance on Uzbekistan's growth and foreign trade. Central Asia and the Caucasus. – 2024. – № 1 (25). – P. 167-172.
171. Karimov O., Kim H. Factors of UTAUT affecting the use behavior based on Telegram application in Uzbekistan // Asia-Pacific Journal of Multimedia Services Convergent with Art, Humanities, and Sociology. – 2017. – T. 7. – №. 12. – C. 831-840.
172. Khakimov F. South Asian Region in the Foreign Policy Strategy of Uzbekistan // Strategy of Uzbekistan. – 2021. – № 1. – P. 66-71.
173. Kuik C. The Essence of Hedging: Malaysia and Singapore's Response to a Rising China // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. – 2008. – № 30 (2). – P. 159-185.
174. Kurc, Ç. The puzzle: Multi-vector foreign policy and defense industrialization in Central Asia / Ç. Kurc // Comparative Strategy. – 2018. – Vol. 37, № 4. – P. 316–330. – DOI: 10.1080/01495933.2018.1497352.
175. Minakov M. The End of a Great Era: Post-Soviet Transformation in a Historical Perspective // Nuovi Autoritarismi e Democrazie: Diritto, Istituzioni, Società. – 2023. – Vol. 1 (5) – P. 177-193.
176. Minasyan S. Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet Eurasian States // PONARS Eurasia. – 2012. – № 20. – P. 268-273.
177. Neafie, J. The Rising Multiplex World Order and Regional Order in Central Asia: a case study of the Emerging Role of the EU and its implications for Kazakhstan's Multivector foreign policy / J. Neafie, M. Amanbaiuly, A. Akhmer

- // Economic Diplomacy. – 2025. – Vol. 3, № 1. – P. 41–51. – DOI: 10.2478/ecdip-2025-0003.
178. Nyshanbayev, N. The Republic of Kazakhstan's multi-vector foreign policy / N. Nyshanbayev, K. Bekov, Z. Baizakova, A. Amangeldy // *New Perspectives*. – 2025. – DOI: 10.1177/2336825X241308432.
179. Olimov A. Central Asia Region: A Threat to its Security Sources and Measures to Fight Against Them // *Science and Innovation*. – 2022. – № C6. – P. 214-219.
180. Rakhimov M. Central Asia: Regionalization and Global Positioning // *Redalyc Journal*. – 2011. – Vol. 22. – № 4. – P. 1-21.
181. Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // *International Security*. 1994. – № 19 (1). – P. 72-107.
182. Sharipov A. Sh. The Role of Turkey's Soft Power Diplomacy in the Modern Development of Central Asia // *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology*. – 2020. – Vol. 17. – № 7. – P. 7684–7697.
183. Temirova M. K. The Internet Language of Uzbekistan: Between Tradition and Innovation // *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. – 2026. – T. 7. – №. 1. – C. 185-188.
184. Tulaganova G. Z., Ibratova F. B., Ruziev B.M. The Development Strategy of New Uzbekistan is the Path to New Opportunities // *International Journal of Professional Science*. – 2022. – № 9. – P. 33-36.
185. Ubaydullaeva D. Student online protests in Uzbekistan: democratization of higher education as concomitant to the COVID-19 crisis? // *Central Asian Survey*. – 2021. – T. 40. – №. 3. – C. 382-399.
186. Vanderhill R., Joireman S. F., Tulepbayeva R. Between the bear and the dragon: multivectorism in Kazakhstan as a model strategy for secondary powers / R. Vanderhill, S. F. Joireman, R. Tulepbayeva // *International Affairs*. — 2020. — Vol. 96, № 4. — P. 975–993. — DOI: 10.1093/ia/iaa061.
187. Willardson, S. L. Role socialization: Kazakhstan and the nature of the multivector foreign policy role / S. L. Willardson, A. Karibayeva // *International Politics*. – 2025. – DOI: 10.1057/s41311-025-00718-5.

Электронные ресурсы

188. Агентство по статистике Республики Узбекистан. Данные о количестве предприятий с китайскими инвестициями [Электронный ресурс] // Telegram-канал: @statistika_rasmiy. – Режим доступа: https://t.me/statistika_rasmiy/5448 (дата обращения: 13.04.2025).
189. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. ВВП Узбекистана за 2023 год достиг 1,07 квадриллиона сумов [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2024. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/20/gdp/> (дата обращения: 12.03.2025).
190. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Данные о туристическом потоке из Китая [Электронный ресурс]. – Telegram-канал: @statistika_rasmiy. – Режим доступа: https://t.me/statistika_rasmiy/5265 (дата обращения: 13.04.2025).
191. Азербайджан ждет ответных мер от России после закрытия Русского дома [Электронный ресурс] // Газета.Ru. – 2025. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/02/07/20512994.shtml> (дата обращения: 13.03.2025).
192. Азербайджан и Украина договорились о стратегическом партнерстве [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2025. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2025/02/05/1090413-azerbaidzhan-ukraine> (дата обращения: 13.03.2025).
193. Азербайджан изменит правила пребывания для россиян [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/28/12/2024/676fd7c09a79477f56b8ad48> (дата обращения: 13.03.2025).
194. Армения заморозила членство в ОДКБ после «бархатной революции» 2018 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр стратегических исследований. – Режим доступа: <https://acssi.am/2025/01/29/3396> (дата обращения: 12.03.2025).

195. Армения отказалась от проведения учений ОДКБ на своей территории [Электронный ресурс] // Forbes.ru. – 2023. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/society/483557-armenia-otkazalas-ot-provedenia-ucenij-odkb-na-svoej-territorii> (дата обращения: 13.03.2025).
196. Баку потребовал от Москвы компенсацию в связи с крушением самолета AZAL [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2025.– Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/1001233> (дата обращения: 13.03.2025).
197. В Казахстане сравнили экономику страны с соседними республиками [Электронный ресурс] // Daryo.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://daryo.uz/ru/2023/12/10/v-kazahstane-sravnili-ekonomiku-strany> (дата обращения: 12.03.2025).
198. В Узбекистане запретили дискриминацию против женщин [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2023. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/09/05/uzbekzapret/> (дата обращения: 10.03.2025)
199. В Узбекистане количество интернет-пользователей превысило 31 миллион [Электронный ресурс] // Kun.uz. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/news/2022/12/15/v-uzbekistane-kolichestvo-internet-polzovateley-prevysilo-31-million> (дата обращения: 08.05.2024).
200. Верхотуров Д.Н. "В Афганистане началась эпоха железных дорог" Электронный ресурс // Афганистан.Ру. – 2010. – Режим доступа: <https://afghanistan.ru/doc/16754.html> (дата обращения: 10.03.2025)
201. Визит Мирзиёева в Китай: подписано 105 соглашений на сумму \$23 млрд [Электронный ресурс] // Asia-Plus. – 2017. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/news/centralasia/20170516/vizit-mirziyoeva-v-kitai-podpisano-105-soglashenii-na-summu-23-mlrd> (дата обращения: 13.03.2025).
202. Внешнеторговый оборот Узбекистана увеличился почти на 24% [Электронный ресурс] // Информационное агентство ALTA.RU. – 2024. – Режим доступа: https://www.altaru.ru/external_news/107665/ (дата обращения: 13.05.2025).

203. Встреча с Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиевым [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – 2021. – 19 ноября. – Режим доступа: <https://kremlin.ru/events/president/news/67142> (дата обращения: 09.03.2025)
204. Выступление Министра иностранных дел Республики Узбекистан Абдулазиза Камилова в Сенате Олий Мажлиса 16 марта 2022 г. – Режим доступа: <https://mfa.uz/ru/press/news/2022/03/30276/> (дата обращения: 13.05.2025).
205. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиеева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/3945> (дата обращения: 13.05.2025).
206. Газета.uz. О чем договорились Узбекистан и США в рамках Диалога стратегического партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/12/14/us-statement/> (дата обращения: 13.04.2025).
207. Газета.uz. Узбекистан и Кыргызстан подписали пакет документов о сотрудничестве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/27/documents-kg/> (дата обращения: 13.03.2025).
208. Газета.uz. Узбекистан и Таджикистан подписали соглашение о строительстве двух ГЭС на реке Зарафшан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/06/10/agreement/> (дата обращения: 13.03.2025).
209. Газета.uz. Узбекистан направил в Ошскую область Кыргызстана гумпомощь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/07/16/kyrgyzstan/> (дата обращения: 9 марта 2025).
210. Главы государств Центральной Азии подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве [Электронный ресурс] // Российская газета. 21 июля 2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/07/21/glavy->

gosudarstv-centralnoj-azii-podpisali-dogovor-o-druzhbe-dobrososedstve-i-sotrudnichestve.html (дата обращения: 13.03.2025)

211. Госдолг Узбекистана достиг \$31,5 млрд по итогам первого полугодия [Электронный ресурс] // Газета.uz. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/11/08/gov-debt/> (дата обращения: 08.05.2024).
212. Декларация о союзнических отношениях Ташкента и Нур-Султана – историческое событие [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. – 2021. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/декларация-о-союзнических-отношениях-ташкента-и-нур-султана-историческое-событие/2441832> (дата обращения: 13.03.2025).
213. Дмитрий Вольвач: количество российских туристов в Узбекистан увеличилось почти в десять раз [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – 2023. – 17 февраля. – Режим доступа: https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_kolichestvo_rossijskih_turistov_v_uzbekistan_v_desyat_raz.html (дата обращения: 09.03.2025).
214. Додихудо А. Незаметная мягкая сила по-турецки: Турецкое агентство по сотрудничеству и координации в Таджикистане [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2022. 8 сентября. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/anahita-dodihudo/nezametnaya-myagkaya-sila-poturetski-turetskoe-agentstvo-po-sotrudnich/> (дата обращения: 13.04.2025).
215. Дональд Трамп пригласил Шавката Мирзиёева посетить США [Электронный ресурс] // Газета.uz. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/12/19/us/> (дата обращения: 13.03.2025).
216. Заявление для печати Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. – 2023. – 10 января. – Режим доступа: <https://president.az/ru/articles/view/60366> (дата обращения: 13.03.2025).

217. Инфографика: Торговля Узбекистана с Китаем в 2023 году [Электронный ресурс] // Генеральное консульство Республики Узбекистан в Актау. – Режим доступа: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/инфографика-торговля-узбекистана-с-к/> (дата обращения: 13.05.2025).
218. Исполнительный комитет СНГ. Перспективы членства Узбекистана в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/566/125396/> (дата обращения: 13.03.2025).
219. Касым-Жомарт Токаев: цель – укрепить экономику и суверенитет [Электронный ресурс] // Avesta.tj. – 2025. – Режим доступа: <https://avesta.tj/2025/01/03/kasym-zhomart-tokaev-tsel-ukrepit-ekonomiku-i-suverenitet/> (дата обращения: 13.03.2025).
220. Киргизия — ВВП | 1990–2023 Данные | 2024–2025 прогноз [Электронный ресурс] // Trading Economics. – Режим доступа: <https://ru.tradingeconomics.com/kyrgyzstan/gdp> (дата обращения: 12.03.2025).
221. Киргизия и Узбекистан утвердили документы по демаркации границы [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2023. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/903690> (дата обращения: 13.03.2025).
222. Концепция постсоветского периода [Электронный ресурс] // University of Toronto. – Режим доступа: <https://www.oise.utoronto.ca/postsovedcan/concept> (дата обращения: 07.03.2025).
223. Культурно-гуманитарное сотрудничество // Официальный сайт Посольства Республики Узбекистан в США. – Режим доступа: <https://uzbekistan.org/ru/культурно-гуманитарное-сотрудничест> (дата обращения: 13.04.2025).
224. Линн Й. Региональная интеграция и сотрудничество в Центральной Азии: реальность или мираж? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/10-regional-integration-and-cooperation-linn.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

225. Лукашенко не продаст Белоруссию за нефть и за газ [Электронный ресурс] // Lenta.ru. – 2007. – 7 янв. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2007/01/07/father/> (дата обращения: 03.05.2025).
226. Майк Помпео прибыл с официальным визитом в Узбекистан [Электронный ресурс] // Известия. – 2020. – Режим доступа: <https://iz.ru/971367/2020-02-02/maik-pompeo-pribyl-s-ofitcialnym-vizitom-v-uzbekistan> (дата обращения: 13.03.2025).
227. Между Узбекистаном и Таджикистаном официально установлены союзнические отношения [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – 2025. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/28986/mezhd_uzbekistanom_i_tadzhikistanom_oficialno_ustanovleny_sojuznicheskie_otnosheniya (дата обращения: 13.03.2025).
228. Министерство иностранных дел Китая. Китай твердо поддерживает Узбекистан в защите национального суверенитета и выборе собственного пути развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202401/t20240126_11233644.html (дата обращения: 13.03.2025).
229. Мирзиеев: В отношениях Узбекистана и США началась новая эра [Электронный ресурс] // МИР 24. – Режим доступа: https://mir24.tv/news/16305451/Tihonov_AI@mirtv.ru (дата обращения: 13.03.2025).
230. Новое Китайское информационное агентство Синьхуа. Китай и Узбекистан подписали документ о сотрудничестве в строительстве "экономического пояса Шелкового пути" [Электронный ресурс]. – 17 июня 2015 года. – Режим доступа: http://russian.news.cn/economic/2015-06/17/c_134334861.htm (дата обращения: 10 марта 2025 года).
231. Обнародована сумма, затраченная Узбекистаном на импорт вооружений в 2018 году [Электронный ресурс] // Kun.uz. – 2019. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/95411361> (дата обращения: 13.04.2025)

232. Объем помощи РФ странам Центральной Азии за последние 3 года составил около 3 трлн рублей // ТАСС. – 2021. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11421837> (дата обращения: 09.03.2025)
233. Пашинян назвал Россию главным стратегическим партнером Еревана [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. – 2019. – 26 сентября. – Режим доступа: <https://am.sputniknews.ru/20190926/Pashinyan-nazval-Rossiyu-glavnym-strategicheskim-partnerom-Erevana-20544640.html> (дата обращения: 13.03.2025).
234. Перспективы членства Узбекистана в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/perspektivy-chlenstva-uzbekistana-v-eaes/> (дата обращения: 13.03.2025).
235. Послание Президента Шавката Мирзиёева участникам церемонии, посвященной запуску строительства железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/lists/view/7791> (дата обращения: 13.03.2025).
236. Председатель Сената провела прямой диалог с молодежью нашей страны [Электронный ресурс] // Сенат Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://senat.uz/ru/events/post-1665> (дата обращения: 08.05.2024).
237. Предстоящий узбекско-таджикский саммит откроет новые перспективы в деле обеспечения устойчивого развития всей Центральной Азии // UZ Daily. 2024. – Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/ru/predstoiashchii-uzbeksko-tadzhikskii-sammit-otkroet-novye-perspektivy-v-dele-obespecheniia-ustoichivogo-razvitiia-vsei-tsentralnoi-azii/> (дата обращения: 13.03.2025).
238. Президент ответил на вопрос: «На чьей стороне Узбекистан?» [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/13/president/> (дата обращения: 10.03.2025).
239. Президент Узбекистана начинает первый официальный визит в США [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2018. – Режим доступа:

- <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5199673> (дата обращения: 13.03.2025).
240. Программа C5+1 Opening Networks through English (C5+ONE) [Электронный ресурс] // Таджикский национальный университет. – 2024. – Режим доступа: <https://tnu.tj/index.php/ru/programma-c5-opening-networks-through-english-s5-one/> (дата обращения: 10.03.2025).
241. Программы обмена [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства США в Узбекистане. – Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/education-culture-ru/exchange-programs-ru> (дата обращения: 13.04.2025).
242. Путин В. В. Выступление на пресс-конференции по итогам переговоров с Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиевым [Электронный ресурс] // Президент России. – 2019. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59906> (дата обращения: 20.05.2024).
243. Путин списал Узбекистану долг в размере \$865 млн [Электронный ресурс] // РБК. – 2016. – 5 апреля. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/05/04/2016/57041af49a7947220df53400> (дата обращения: 13.03.2025).
244. Республика Узбекистан получила статус наблюдателя при Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/570/85903/> (дата обращения: 13.05.2025).
245. Россия и Китай обсудили развитие таможенного сотрудничества [Электронный ресурс] // Альта. – 2023. – Режим доступа: https://www.alt.ru/external_news/96990/ (дата обращения: 13.03.2025).
246. Россия и Узбекистан подписали декларацию о стратегическом партнерстве [Электронный ресурс] // NEWS.ru. – 2022. – 15 сентября. – Режим доступа: <https://news.ru/world/rossiya-i-uzbekistan-podpisali-deklaraciyu-o-strategicheskom-partnerstve/> (дата обращения: 09.03.2025).

247. Россия и Узбекистан подписали комплексную программу экономического сотрудничества на 2022–2026 годы [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_uzbekistan_podpisali_kompleksnuyu_programmu_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_na_2022_2026_gody.html (дата обращения: 13.03.2025).
248. Россия и Узбекистан подписали соглашения на \$6,2 миллиарда [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 16 мая. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190516/1553530361.html> (дата обращения: 13.03.2025).
249. Россия опередила Китай и стала главным партнером по торговле для Узбекистана // Газета.uz. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/21/trade> (дата обращения: 08.05.2024).
250. Россия теряет мигрантов из-за снижения доходов и изменений в политике [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – Режим доступа: (дата обращения: 20.05.2024).
251. Росстат. Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486> (дата обращения: 20.05.2024).
252. Сафронов И., Габуев А. Список, вооружающий воображение [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2017. – 6 сентября. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3428668> (дата обращения: 09.03.2025).
253. Сердалина А. Казахстан и Узбекистан укрепляют стратегическое партнерство [Электронный ресурс] // Inform.kz. – 2024. – Режим доступа: <https://www.inform.kz/ru/sohraneno-avtorom-aruzhan-serdalina-112901-27022024-57f2fc> (дата обращения: 13.03.2025).
254. Синьхуа. Китай и Узбекистан повысили двусторонние отношения до уровня всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа:

<https://russian.news.cn/20240125/bdd83ad2a8da4db09636f0d5dd6315a4/c.html>
(дата обращения: 13.03.2025).

255. Синьхуа. Китай и Узбекистан повысили уровень межгосударственных отношений до всестороннего стратегического партнерства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-06/22/c_135457981.htm (дата обращения: 13.03.2025).
256. Ситуация в секторе Газа [Электронный ресурс] // *Gazeta.uz*. – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/31/gaza-strip/> (дата обращения: 10.03.2025).
257. Со всеми странами нужно дружить, но не в ущерб себе [Электронный ресурс] // *Press Unity*. – Режим доступа: <https://pressunity.org/archives/41629> (дата обращения: 12.03.2025).
258. Совместное заявление о диалоге по стратегическому партнерству между США и Узбекистаном [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. – Режим доступа: <https://gov.uz/ru/mfa/news/view/28069> (дата обращения: 13.03.2025).
259. Совместное заявление о создании Центра [Электронный ресурс] // Посольство США в Казахстане. – Режим доступа: <https://kz.usembassy.gov/ru/совместное-заявление-о-создании-цент/> (дата обращения: 09.03.2025).
260. Совместное заявление по итогам заседания Межгосударственного совета ЕАЭС и саммита СНГ [Электронный ресурс] // Кремль. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5839> (дата обращения: 13.03.2025).
261. Совместные антитеррористические учения стран СНГ «Восток-Антитеррор-2023» [Электронный ресурс] // Антитеррористический центр СНГ. – Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/133> (дата обращения: 12.03.2025).
262. Совместные военные учения России и Узбекистана на полигоне «Фориш» [Электронный ресурс] // *KUN.UZ*. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/13602660> (дата обращения: 12.03.2025).

263. Соединенные Штаты и Узбекистан: начало новой эры стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Президент Узбекистана. – Режим доступа: <https://president.uz/ru/1719> (дата обращения: 13.03.2025).
264. Сотрудничество между Узбекистаном и Афганистаном [Электронный ресурс] // Консульство Узбекистана в Актау. – 2024. – Режим доступа: <https://uzconsulate-aktau.kz/2024/сотрудничество-между-узбекистаном-и-2/> (дата обращения: 10.03.2025).
265. Статистика экспорта России в Узбекистан в 2016 году [Электронный ресурс] // World Integrated Trade Solution (WITS), Всемирный банк. – 2016. – Режим доступа: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUSSIA/Year/2016/TradeFlow/Export/Partner/UZB/Product/All-Groups> (дата обращения: 13.03.2025).
266. США возвращаются в Центральную Азию, но есть нюансы [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 2023. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/> (дата обращения: 13.03.2025).
267. США и Узбекистан подписали Декларацию о стратегическом партнерстве и сотрудничестве [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20020313/88166.html> (дата обращения: 13.03.2025).
268. Товарооборот между Узбекистаном и Китаем нарастят до 20 млрд долларов [Электронный ресурс] // МИР 24. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16578452/tovarooborot-mezhdu-uzbekistanom-i-kitaem-narastyat-do-20-mlrd> (дата обращения: 13.03.2025).
269. Товарооборот Узбекистана и России вырос на 14,5% за семь месяцев // ТАСС. – 2023. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/18906699> (дата обращения: 08.05.2024).
270. Узбекистан адаптирует туристические услуги для привлечения туристов из Китая [Электронный ресурс] // Spot.uz. – 2025. – Режим доступа:

- <https://www.spot.uz/ru/2025/04/10/tourism-china/> (дата обращения: 13.04.2025).
271. Узбекистан должен прекратить репрессии против активистов [Электронный ресурс] // *Gazeta.uz.* – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/27/human-rights/> (дата обращения: 13.04.2025).
272. Узбекистан и ЕС согласовали основные положения нового Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве [Электронный ресурс] // *Газета.uz.* – 2023. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/04/21/uzbekistan-eu/> (дата обращения: 13.05.2025)
273. Узбекистан и Китай вывели двусторонние отношения на уровень всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства [Электронный ресурс] // *News Central Asia.* – 2024. – Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2024/01/25/uzbekistan-i-kitay-vyveli-dvustoronniye-otnosheniya-na-uroven-vsepogodnogo-vseobyemlyushchego-strategicheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 13.03.2025).
274. Узбекистан и Китай выводят отношения на уровень «всепогодного» всестороннего стратегического партнерства – президент [Электронный ресурс] // *Газета.uz.* – 2024. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/01/25/china-partnership/> (дата обращения: 10.03.2025).
275. Узбекистан и Республика Корея: перспективы высокотехнологичного и инновационного партнерства [Электронный ресурс] // Ташкентский государственный экономический университет (ТГЭУ). – 2024. – Режим доступа: <https://tsue.uz/media/uploads/2024/06/17/no-118-15-12.pdf> (дата обращения: 13.03.2025).
276. Узбекистан и Россия отмечают 28-летие сотрудничества [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. – 2020. – Режим доступа:

https://cis.minsk.by/news/13346/uzbekistan_i_rossija_otmechajut_28letie_sotrudnichestva (дата обращения: 09.03.2025).

277. Узбекистан лидирует по знанию английского языка среди стран Центральной Азии [Электронный ресурс] // Uzreport.news. – 2022. – Режим доступа: <https://uzreport.news/society/uzbekistan-lidiruet-po-znaniyu-angliyskogo-yazika-sredi-stran-tsa> (дата обращения: 08.05.2024).
278. Узбекистан официально приостановил членство в ОДКБ [Электронный ресурс] // Forbes.ru. – 2012. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/news/231202-uzbekistan-ofitsialno-priostanovil-chlenstvo-v-odkb> (дата обращения: 13.03.2025).
279. Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Газета.uz. – 2020. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/11/eaeu/> (дата обращения: 13.03.2025).
280. Чёрный В. Социальные сети в Узбекистане: цифры и тренды, осень 2024 [Электронный ресурс]. Блог Brand Analytics. 27 нояб. 2024. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-uzbekistan-autumn-2024> (дата обращения: 2 февр. 2026).
281. Эксперты назвали страны с наибольшим числом договоров с Россией [Электронный ресурс] // РБК. – 2021. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/29/12/2021/61cadcb59a79478828ffc417> (дата обращения: 08.05.2024).
282. Этнический состав населения Узбекистана [Электронный ресурс] // Gazeta.uz. – 2021. – Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (дата обращения: 13.05.2025).
283. 5-я консультативная встреча глав государств Центральной Азии в Таджикистане: итоги [Электронный ресурс] // News Central Asia. – 2023. – Режим доступа: <https://www.newscentralasia.net/2023/09/15/5-aya-konsultativnaya-vstrecha-glav-gosudarstv-tsentralnoy-azii-v-tadzhikistane-itogi/> (дата обращения: 13.03.2025).

284. Allison, Roy. Security Cooperation between Western States and Russia over Central Asia/Afghanistan: The Changing Role of Uzbekistan [Электронный ресурс] / Roy Allison. – 2008. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/241108_rep_allison.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
285. AmeriCares оказывает гуманитарную помощь Узбекистану // Central Asia Analytical Network. – Режим доступа: <https://www.caanetwork.org/archives/8342> (дата обращения: 13.04.2025)
286. Armenia and U.S. Sign Strategic Partnership Charter [Электронный ресурс] // The Armenian Weekly. – 2025. – Режим доступа: <https://armenianweekly.com/2025/01/15/armenia-and-u-s-sign-strategic-partnership-charter/> (дата обращения: 13.03.2025).
287. Armenia between the United States and Russia: Geopolitical Scenario and Strategic Partnership [Электронный ресурс] // SpecialEurasia. – 2025. – Режим доступа: <https://www.specialeurasia.com/2025/01/16/armenia-us-eu-russia-politics/> (дата обращения: 13.03.2025).
288. Azerbaijan's Foreign Policy Strategy in the Post-September 2023 Period [Электронный ресурс] // APRI – Azerbaijan Policy Research Institute. – 2024. – Режим доступа: <https://apri.institute/azerbajjans-foreign-policy-strategy-in-the-post-september-2023-period/> (дата обращения: 13.03.2025).
289. Can the Concept Central Asia 2040 Ыt strengthen the Region's Integration? [Электронный ресурс]. – Eurasian Research Institute. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/can-the-concept-central-asia-2040-strengthen-the-regions-integration/> (дата обращения: 07.03.2025).
290. CAREC. The Five Countries of Central Asia [Электронный ресурс] // CAREC Program. – 2012. – Режим доступа: <https://www.carecprogram.org/uploads/The-Five-Countries-of-Central-Asia.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).
291. Central Asia's Foreign Policy in 2022: Highlights [Электронный ресурс] // Eurasian Research Institute – 2022. – Режим доступа: <https://www.eurasian->

- research.org/publication/central-asias-foreign-policy-in-2022highlights/?lang=ru (дата обращения: 13.03.2025).
292. Central Asian Expert Forum Sets Regional Cooperation Priorities [Электронный ресурс] // The Astana Times. – 2024. – Режим доступа: <https://astanatimes.com/2024/06/central-asian-expert-forum-sets-regional-cooperation-priorities/> (дата обращения: 07.03.2025).
293. Chairman Menendez Calls on Kyrgyzstan to Uphold International Sanctions Against Russia, Reverse Course on Democratic Backsliding [Электронный ресурс] // U.S. Senate Committee on Foreign Relations. – 2023. – Режим доступа: <https://www.foreign.senate.gov/press/dem/release/chairman-menendez-calls-on-kyrgyzstan-to-uphold-international-sanctions-against-russia-reverse-course-on-democratic-backsliding> (дата обращения: 12.03.2025).
294. China's Global Security Initiative: Tilting the Balance in Central Asia // Institute for Advanced International Studies (IAIS). – Режим доступа: <https://iais.uz/en/outputnew/chinas-global-security-initiative-tilting-the-balance-in-central-asia/> (дата обращения: 13.03.2025)
295. Council on Foreign Relations. Conflicts to Watch in 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/report/conflicts-watch-2025> (дата обращения: 09.03.2025).
296. Eurasian Research Institute. Экономическое сотрудничество между Центральной Азией и Китаем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurasian-research.org/publication/economic-cooperation-between-central-asia-and-china/?lang=ru> (дата обращения: 13.03.2025).
297. Geopolitical Risk [Электронный ресурс] // S&P Global. – Режим доступа: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/market-insights/geopolitical-risk> (дата обращения: 09.03.2025).
298. Global Risks Report 2025: A World of Growing Divisions [Электронный ресурс] // World Economic Forum. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/publications/global-risks-report-2025/in-full/global->

- risks-2025-a-world-of-growing-divisions-c943fe3ba0/ (дата обращения: 09.03.2025).
299. How Trump Can Unlock New Opportunities in Central Asia and Counter China's Influence [Электронный ресурс] // Atlantic Council. – 2020. – Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/briefs/how-trump-can-unlock-new-opportunities-in-central-asia/> (дата обращения: 10.03.2025).
300. Implementing the Global Security Initiative to Build a World of Lasting Peace and Universal Security [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Китая. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zzjg_663340/swaqsqs_665306/xgxw/202403/t20240328_11272725.html (дата обращения: 13.03.2025).
301. Kazakhstan's Multi-vector Foreign Policy: Diminishing Returns in an Era of Great Power Pivots [Электронный ресурс] // The Asan Forum. – Режим доступа: <https://theasanforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots> (дата обращения: 12.03.2025).
302. Kim J.H., Lee S.Y. 'Korean Wave' in Uzbekistan: Its Popularity and Strategy for Sustainability [Электронный ресурс] // Advanced Science Letters. – 2016. – Vol. 22, №11. – Pp. 2751–2763. – Режим доступа: <https://www.ingentaconnect.com/contentone/asp/asl/2016/00000022/00000011/art00107?crawler=true&mimetype=application%2Fpdf> (дата обращения: 16.03.2025).
303. Kun.uz. Узбекистан предоставил Кыргызстану гуманитарную помощь на 560 тыс. долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kun.uz/ru/news/2020/08/04/uzbekistan-predostavil-kyrgyzstanu-gumanitarnuyu-romoshch-na-560-tys-dollarov> (дата обращения: 9 марта 2025).
304. Moving on from Post-Soviet States [Электронный ресурс] // Harriman Institute, Columbia University. – 2023. – Режим доступа:

- <https://harriman.columbia.edu/moving-on-from-post-soviet-states/> (дата обращения: 07.03.2025).
305. NATO and Armenia deepen partnership [Электронный ресурс] // Nato.int. – 2017. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/news_141839.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.03.2025).
306. Opening Up in the Caucasus and Central Asia: Policy Frameworks to Support Regional and Global Integration [Электронный ресурс]. – Международный валютный фонд (IMF). – Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/Departmental-Papers-Policy-Papers/Issues/2018/06/19/Opening-Up-in-the-Caucasus-and-Central-Asia-Policy-Frameworks-to-Support-Regional-and-Global-45910> (дата обращения: 07.03.2025).
307. President of Brazil to visit Armenia in June 2025 [Электронный ресурс] // Armenpress.am. – 2024. – Режим доступа: <https://armenpress.am/en/article/1213594> (дата обращения: 13.03.2025).
308. RCCC, ICRC. Country Profiles: Region Central Asia [Электронный ресурс] // Red Cross Red Crescent Climate Centre. – 2023. – Режим доступа: https://www.climatecentre.org/wp-content/uploads/RCCC-ICRC-Country-profiles-Region_Centra_Asia.pdf (дата обращения: 07.03.2025).
309. Russia and Uzbekistan Bilateral Trade [Электронный ресурс] // The Observatory of Economic Complexity. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/uzb> (дата обращения: 13.04.2025).
310. Spot.uz. Китай вложил в экономику Узбекистана более \$8 млрд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spot.uz/ru/2020/01/23/china/> (дата обращения: 13.03.2025).
311. Steane M., Hwang Y., Coluccello S. Public Diplomacy and Soft Power: Strategic Narratives and Global Influence [Электронный ресурс] // University College London. – 2023. – Режим доступа:

- <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10179578/1/5%20STEANE-HWANG-COLUCCELLO.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).
312. Stimson Center. Top Ten Global Risks for 2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.stimson.org/2025/top-ten-global-risks-for-2025/> (дата обращения: 09.03.2025).
313. Telemetr.me. Аналитика Telegram-каналов и чатов [Электронный ресурс].Режим доступа: <https://telemetr.me> (дата обращения: 16.06.2024).
314. TGStat. Сервис аналитики Telegram-каналов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tgstat.ru> (дата обращения: 16.06.2024).
315. The Challenging Task of Armenia’s Multi-Vector Diplomacy // BESA Center. – Режим доступа: <https://besacenter.org/the-challenging-task-of-armenia> (дата обращения: 12.03.2025).
316. The Multidimensional Foreign Policy of New Uzbekistan [Электронный ресурс] // Institute for Strategic and Regional Studies (ISRS). – Режим доступа: <https://isrs.uz/en/maqolalar/the-multidimensional-foreign-policy-of-new-uzbekistan/> (дата обращения: 13.03.2025).
317. The World Was Going Transactional Long Before Trump [Электронный ресурс] // Financial Times. — 2019. — Режим доступа: <https://www.ft.com/content/01af9c29-eb7f-484b-9fe7-2dbabc41ed52> (дата обращения: 07.03.2025).
318. Turkish Influence in Central Asia: Geopolitical and Economic Aspects [Электронный ресурс] // KFCRIS. – Режим доступа: <https://kfcris.com/pdf/fb31accd3b812c16524fe7dc819518b26295e253c6fb6.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).
319. United States and Uzbekistan: Launching a New Era of Strategic Partnership [Электронный ресурс] // The White House Archives. – 2018. – Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/united-states-uzbekistan-launching-new-era-strategic-partnership/> (дата обращения: 10.03.2025).

320. USA–Uzbekistan: A Partnership That Delivers // Официальный сайт Посольства США в Узбекистане. – Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/usa-uzbekistan-a-partnership-that-delivers-ru> (дата обращения: 13.04.2025).
321. USAID запускает новый проект по поддержке бизнеса в Узбекистане // Посольство США в Узбекистане. – Режим доступа: <https://uz.usembassy.gov/ru/new-project-to-support-businesses-in-uzbekistan-ru/> (дата обращения: 08.05.2024).
322. Uzbek Cotton is Free from Systemic Child Labour and Forced Labour // International Labour Organization. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/resource/news/uzbek-cotton-free-systemic-child-labour-and-forced-labour> (дата обращения: 08.05.2024).
323. Uzbekistan and United States Bilateral Trade [Электронный ресурс] // The Observatory of Economic Complexity. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/uzb/partner/usa> (дата обращения: 13.04.2025).
324. Uzbekistan supports territorial integrity of Ukraine [Электронный ресурс] // Anadolu Agency. – 2022. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/world/uzbekistan-supports-territorial-integrity-of-ukraine/2538618> (дата обращения: 13.03.2025).
325. Webster University in Tashkent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webster.uz/index.php> (дата обращения: 10.03.2025).
326. Westminster International University in Tashkent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiut.uz> (дата обращения: 10.03.2025).
327. World Trade Data [Электронный ресурс] // Observatory of Economic Complexity. – Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/world/wld> (дата обращения: 16.06.2024).
328. Дружественное сотрудничество со странами Центральной Азии – приоритетное направление внешнеполитической деятельности Узбекистана [Электронный ресурс] // UZA. – Режим доступа:

https://uza.uz/ru/posts/druzhestvennoe-sotrudnichestvo-so-stranami-centralnoy-azii-prioritetnoe-napravlenie-vneshnepoliticheskoy-deyatelnosti-uzbekistana_259562 (дата обращения: 9 марта 2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Таблица 1 - Объем импорта/экспорта между Узбекистаном и другими странами от общего количества в разбивке по странам на основе данных <https://oec.world/en>.

Узбекистан			Объем импорта/экспорта от общего количества по странам									
			Казахстан		Туркменистан		Таджикистан		Кыргызстан		Афганистан	
Год	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
2016	\$9,6 млрд.	\$7,4 млрд.	\$921 млн. (9,59%)	\$578 млн. (7,81%)	нет данных	нет данных	\$35,6 млн. (0,37%)	\$32,3 млн. (0,44%)	\$125 млн. (1,3%)	\$68,7 млн. (0,93%)	\$55 тыс. (<1%)	\$265 млн. (3,59%)
2017	\$13,6 млрд.	\$11 млрд.	\$1,26 млрд. (9,27%)	\$984 млн. (8,97%)	\$99,3 млн. (0,73%)	\$52,3 млн. (0,48%)	\$57,1 млн. (0,42%)	\$76,9 млн. (0,7%)	\$146 млн. (1,08%)	\$170 млн. (1,55%)	\$1,26 млн. (<1%)	\$873 млн. (7,96%)
2018	\$18,6 млрд.	\$10,7 млрд.	\$1,65 млрд. (8,89%)	\$1,22 млрд. (11,4%)	\$222 млн. (1,2%)	\$35,2 млн. (0,33%)	\$156 млн. (0,84%)	\$139 млн. (1,3%)	\$159 млн. (0,85%)	\$252 млн. (4,14%)	\$2,32 млн. (<1%)	\$646 млн. (6,02%)
2019	\$21,8 млрд.	\$14,3 млрд.	\$1,98 млрд. (9,07%)	\$1,21 млрд. (8,48%)	\$379 млн. (1,73%)	\$51,5 млн. (0,36%)	\$174 млн. (0,8%)	\$203 млн. (1,42%)	\$140 млн. (0,64%)	\$634 млн. (4,45%)	\$3,14 млн. (<1%)	\$604 млн. (4,24%)
2020	\$20,8 млрд.	\$13,9 млрд.	\$2,14 млрд. (10,3%)	\$751 млн. (5,4%)	\$373 млн. (1,8%)	\$70 млн. (0,5%)	\$86,3 млн. (0,42%)	\$314 млн. (2,27%)	\$155 млн. (0,75%)	\$757 млн. (5,44%)	\$1,1 млн. (<1%)	\$588 млн. (4,23%)
2021	\$24,8 млрд.	\$14,7 млрд.	\$2,77 млрд. (11,2%)	\$1,03 млрд. (7%)	\$640 млн. (2,58%)	\$95,6 млн. (0,65%)	\$130 млн. (0,52%)	\$344 млн. (2,34%)	\$184 млн. (0,74%)	\$774 млн. (5,27%)	\$5,57 млн. (<1%)	\$511 млн. (3,48%)
2022	\$29,9 млрд.	\$16,9 млрд.	\$3,68 млрд. (12,3%)	\$1,25 млрд. (7,43%)	\$664 млн. (2,22%)	\$132 млн. (0,78%)	\$190 млн. (0,6%)	\$414 млн. (2,45%)	\$240 млн. (0,8%)	\$926 млн. (5,48%)	\$8,67 млн. (0,029%)	\$525 млн. (3,11%)

Приложение 2

Таблица 2 - Объем импорта/экспорта между Узбекистаном и другими странами от общего количества в разбивке по странам на основе данных <https://oec.world/en>.

Узбекистан			Объем импорта/экспорта от общего количества по странам							
			Россия		Китай		США		Южная Корея	
Год	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
2016	\$9,6 млрд.	\$7,4 млрд.	\$2,09 млрд. (21,8%)	\$771 млн. (10,4%)	\$2,01 млрд. (20,9%)	\$1,53 млрд. (20,7%)	\$42,1 млн. (0,44%)	\$30,4 млн. (0,41%)	\$928 млн. (9,66%)	\$20,5 млн. (0,28%)
2017	\$13,6 млрд.	\$11 млрд.	\$2,96 млрд. (21,8%)	\$1,5 млрд. (13,7%)	\$2,86 млрд. (21,1%)	\$1,44 млрд. (13,2%)	\$154 млн. (1,14%)	\$11 млн. (0,1%)	\$1,25 млрд. (9,23%)	\$46,3 млн. (0,42%)
2018	\$18,6 млрд.	\$10,7 млрд.	\$3,36 млрд. (18,1%)	\$1,64 млрд. (15,3%)	\$3,82 млрд. (20,5%)	\$2,25 млрд. (20,9%)	\$310 млн. (1,67%)	\$8,9 млн. (<1%)	\$2,16 млрд. (11,6%)	\$35,5 млн. (0,33%)
2019	\$21,8 млрд.	\$14,3 млрд.	\$3,84 млрд. (17,6%)	\$2,04 млрд. (14,3%)	\$5,29 млрд. (24,2%)	\$1,91 млрд. (13,4%)	\$539 млн. (2,47%)	\$12,2 млн. (<1%)	\$2,49 млрд. (11,4%)	\$20,1 млн. (0,14%)
2020	\$20,8 млрд.	\$13,9 млрд.	\$4,29 млрд. (20,6%)	\$1,74 млрд. (12,5%)	\$5,07 млрд. (24,4%)	\$1,29 млрд. (9,28%)	\$246 млн. (1,18%)	\$67,6 млн. (0,49%)	\$1,85 млрд. (8,92%)	\$30,8 млн. (0,22%)
2021	\$24,8 млрд.	\$14,7 млрд.	\$5,13 млрд. (20,7%)	\$1,71 млрд. (11,6%)	\$5,58 млрд. (22,5%)	\$1,94 млрд. (13,2%)	\$209 млн. (0,84%)	\$108 млн. (0,73%)	\$1,93 млрд. (7,78%)	\$29,6 млн. (0,2%)
2022	\$29,9 млрд.	\$16,9 млрд.	\$5,6 млрд. (18,8%)	\$2,6 млрд. (15,4%)	\$7,2 млрд. (24,3%)	\$1,98 млрд. (11,7%)	\$296 млн. (0,99%)	\$58,2 млн. (0,34%)	\$2,26 млрд. (7,58%)	\$31,3 млн. (0,19%)

